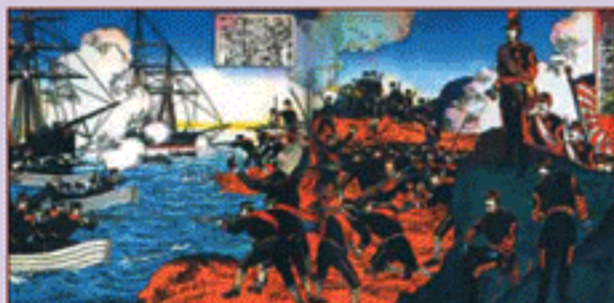

• По страницам редких изданий

МЕДАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЯПОНИИ

▲ Император Мэйдзи на больших военных учениях японских армии и флота. Художник ЕСЮ С., гравюра на дереве, трептик, 1890 г.

▲ Обложка книги

▶ Российские военные моряки. Из серии «Церемонии зарубежных государств». В центре гравюры вице-адмирал Е.В. Путятин. Художник КАБАХАРА К., гравюра на дереве, 1853 г.

▲ Орден «Восходящего солнца» 4-й степени

▲ Орден «Драгоценной короны» 8-й степени

▶ Военная медаль 1847 года (Послед на Тайване)

▲ Знак члена общества резервистов императорской армии

▲ В память о войне с Россией 1904—1905 гг.

Книга* О.Н. Розанова «Япония: награды и политика», не имеющая аналогов ни в отечественном, ни в зарубежном востоковедении, представляет собой оригинальное, тщательно выполненное научное исследование о наградной системе Японии как инструменте государственной политики и идеологии. Автор использует широкий круг источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, что даёт возможность читателю в необычном ракурсе увидеть историю Японии в новое и новейшее время, эволюцию её государственных наград, вот уже более 130 лет входящих в число главных национальных символов. Впервые предлагается комплексный анализ идеологии создания и функционирования японской наградной системы, её трансформации на различных исторических этапах — от эпохи Мэйдзи до последней реформы в начале XXI века. В издании представлены также вспомогательные, неформальные и альтернативные награды. Автор приводит многочисленные, порой неожиданные примеры награждений японцев отечественными и зарубежными орденами и медалями, а иностранцев — японскими, живо повествует о нравах и обычаях, касающихся наградной системы Страны восходящего солнца.

В книге большое количество красочных иллюстраций, многие из которых публикуются впервые, что делает издание событием как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Публикацию подготовила А.Н. ЧАБАНОВА

* Издание О.Н. Яковлева. Награды и политика. М.: Российские политические исследования (РОСПИИ), 2007. 263 с., ил.

В ОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ УРНАЛ 4 2008

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделении связи по каталогу «Газеты, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в поисках по каталогу «Газеты, Журналы, Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2008 года — 44 рубля. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Херсонская шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97 E-mail: MI_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет - приложение» за 2004—2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АПРЕЛЬ № 4 2008

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

О концепции защиты и охраны государственной границы Российской Федерации

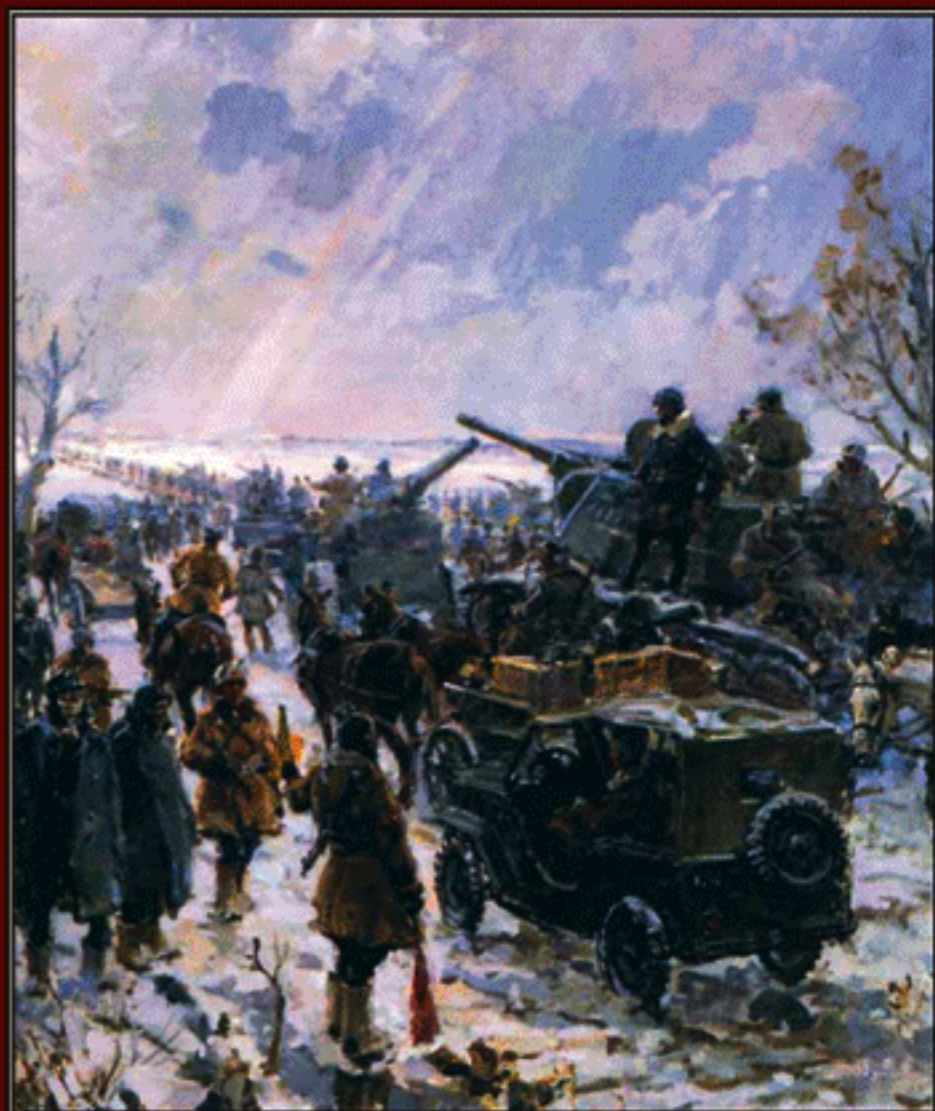
Комплектование офицерского корпуса России и Германии в конце XIX — начале XX века — сравнительные оценки

К вопросу о заградительных отрядах в Красной армии

Основные проблемы французской военной политики. 1946—1958 гг.

Органы управления на оккупированной территории Белоруссии в 1941—1944 гг.

Воспитательная работа в юнкерских училищах во второй половине XIX века

Переправа под Сталинградом. Художник Г.К. САВИЦКИЙ

18 апреля — День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 г.) День воинской славы России

Военно-исторический журнал 2008 № 4 апрель

ISSN 0321-0626

«ПО ПРИЛИЧЕСТВУ

Русский морской

В 1745 году для флотских офицеров и флагманов была установлена новая форма одежды. Первоначально Адмиралтейств-коллегия предложила сделать мундир белого и синего цветов, которые соответствовали бы белому полотнищу и синему Андреевскому кресту кормового военного флага, «по приличеству помянутого флага». Но императрица Елизавета Петровна синий цвет заменила на зелёный: было приказано иметь белые кафтаны с зелёными воротниками и обшлагами, зелёные камзолы и белые штаны. Для различия чинов на кафтаны и камзолы нашивали золотой галуны: флагманам («генералитету») — широкий галуны по бортам кафтанных в два ряда, в один ряд по швам, у клапанов карманов и по бортам камзолов. У штаб-офицеров (капитанов 1, 2 и 3 ранга) широкий галуны нашивали только по бортам в один ряд и у клапанов карманов, а у обер-офицеров (капитан-лейтенантов и младше) галуны были вполтину уже. Пуговицы — медные позолоченные. Всем полагались чёрные шляпы с позументом по краям, у генералитета и штаб-офицеров «с пристойными плюмажами». Парадную форму дополняли белые чулки и башмаки. Стоимость офицерского обмундирования была довольно высокой. Поэтому 19 февраля 1746 года было разрешено для повседневной службы шить мундир без галунов. С этого времени белый цвет надолго утвердился в форме одежды русского флота.

В 1748 году нижним чинам также определили обмундирование белого и зелёного цветов. Мичманам унтер-офицерского ранга, шкиперам 3 ранга и штурманам кафтаны полагались белые с зелёной отделкой, с золотым позументом в один ряд по краю воротника и в четыре ряда на обшлагах. У остальных (кроме матросов) кафтаны были зелёные с белыми обшлагами, воротниками, камзолом и зелёными штанами. Чин определялся по позументу: у подштурманов, боцманов, шкиперов золотой позумент нашивали на обшлага в 3 ряда, у боцманматов, шхиманматов и корабельных писарей — в 2, а у квартирмейстеров, баталеров, писарей секретарских и коммерческих — в 1 ряд.

У матросов мундирные бостроги были из канифаса, с зелёными воротниками и обшлагами. Кроме того, матросам и канонирам полагалось подкладывать поля шляп алой шерстяной материей.

Важным событием было учреждение в 1752 году в Санкт-Петербурге Морского шляхетного кадетского корпуса (об истории Морского шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII века, в том числе особенностях формы одежды его воспитанников читайте в номере статьи Г.А. Гребенщиковой. — Ред.).

Мундиры офицеров шли тех же цветов, что и кадетов. Знаки различия — позументы полагались как у офицеров флота соответствующих рангов. Но в отличие от них офицеры корпуса носили шейные знаки, шарфы из зелёного шёлка с серебром и эспантоны — небольшие копы с широкими плоскими наконечниками — строевое оружие XVIII века.

Публикацию подготовили
А.А. ТРОНЬ и А.В. АНАНЬИН

▲ Флагман в мундире образца 1745 г.
Статуэтка

▲ Флота штаб-офицер в парадной форме образца 1745 г.
Акварель

▲ Матрос (в кафтане канифасном) образца 1748 г.)
Акварель

▲ Гардемарин в мундире образца 1752 г.
Акварель

ПОМЯНУТОГО ФЛАГА»

мундир 1745—1762 гг.

▲ Флота обер-офицер в строевой форме образца 1745 г.
Акварель

▲ Мичман унтер-офицерского ранга и штурманский офицер в мундире образца 1748 г.
Статуэтка

▲ Подштурман в мундире образца 1748 г.
Акварель

▲ Комплект формы одежды гардемарина образца 1752 г.
Реконструкция начала XX в.

▲ Адмирал А.И. Нагаев
Литография Л. БОРЕЛЯ, первая половина XIX в.

▲ Проспект Биржи и Гостиного двора на Малой Неве
Фрагмент гравюры И.П. ЕЛЯКОВА, вторая четверть XVIII в.

▲ Морской шляхетный кадетский корпус в 1752 г.
Гравюра Л. ПРОХОРОВА, XIX в.

▲ Вид Невы и галерной верфи
Гравюра Р.Г. БАЛЬТАЗАРА, первая четверть XVIII в.

ИСТОРИЯ КОКАРДЫ:

Шляпа офицера пехоты
1797 г.

Кокарда — значок на форменном головном уборе сегодня нам настолько привычна, что мало кто обращает внимание на то, что на ней изображено. Оно и понятно: форменную одежду ныне носят не только военнослужащие, так что различных кокард довольно много. Однако первоначально кокарда являлась привилегией военного человека.

Об истории появления и пути трансформации военной кокарды в знак строго установленного образца, какой мы видим на головных уборах наших военнослужащих, читайте в номере статью И.В. Зимина «Кокарда в русской армии. 1731—1918 гг.».

Гренадёрская шапка лейб-гвардии Павловского полка

Солдатская кокарда на кивере
1830—1840-е годы

Фуражка кавалергардского офицера. Матерчатая гофрированная трёхцветная кокарда
1860-е годы

Кепи генерала
1870-е годы

Вольноопределяющийся 5-й роты лейб-гвардии Павловского полка
До 1907 г.

Шапка драгунского образца офицеров гвардейской конной артиллерии, атрибут парадной и зимней формы
1881—1907 гг.

Генеральский кивер лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады

ОТ ШЁЛКОВОГО БАНТА К МЕТАЛЛИЧЕСКОМУ ЗНАКУ

Орел-кокарда на головной убор

Кивер музыканта лейб-гвардии Финляндского полка

Генеральская каска с металлической кокардой
1857 г.

Унтер-офицерский гренадёрский кивер с репейком
1817 г.

Генеральский кивер лейб-гвардии Семёновского полка

Адамова голова

Офицерский и солдатские репейки

Трёхцветная гофрированная матерчатая кокарда с галуном на офицерской шляпе Гвардейского экипажа
1909 г.

Офицерская фарфоровая кокарда образца 1855 г.

Кокарда для рядовых

Кокарда для унтер-офицеров и казачьих вахмистров

Офицерская кокарда

Металлическая кокарда малого размера на авиационную пилотку, барашковую шапку
1914—1918 гг.

Офицерские фуражки

В ПРИДНЕСТРОВЬЕ СЛАВЯТ РУССКУЮ

В Бендерах создается военно-исторический

Знамя 55-го Подольского пехотного полка

Герб 55-го Подольского пехотного полка

Знак к 100-летию 55-го Подольского пехотного полка

Офицеры 55-го Подольского пехотного полка
Начало XX в.

Групповой снимок 55-го Подольского пехотного полка времён Первой мировой войны

Борисовское кладбище
Начало 1990-х годов

Борисовское кладбище
Лето 2007 г.

ная информация была скупа. Но и она позволяла утверждать, что это воинское захоронение, в котором покоятся военнослужащие русской армии, по различным причинам скончавшиеся в лазарете Бендерской крепости. С этого момента МВД Приднестровья взяло на себя заботу по приведению кладбища в порядок. Позднее у бывшего руководителя МВД Приднестровья А.И. Королева появилась идея создать на этом месте военно-исторический мемориальный комплекс, достойный памяти славных воинов, покоящихся здесь. Воплощать ее в жизнь стал его правопреемник на посту министра В.Н. Красносельский.

Последний приют на Борисовском кладбище нашли без малого 5000 российских солдат и офицеров. Все они известны поименно. Установлено девять генералов, захороненных здесь: генерал-лейтенанты П.П. Дубельт, Марцеллин Ольшевский, Е.Х. Ферстер, Ф.И. Каннабих, генерал-майоры Т.И. Збиевский, А.И.

АРМИЮ И ЕЁ ЧУДО-БОГАТЫРЕЙ

мемориальный комплекс

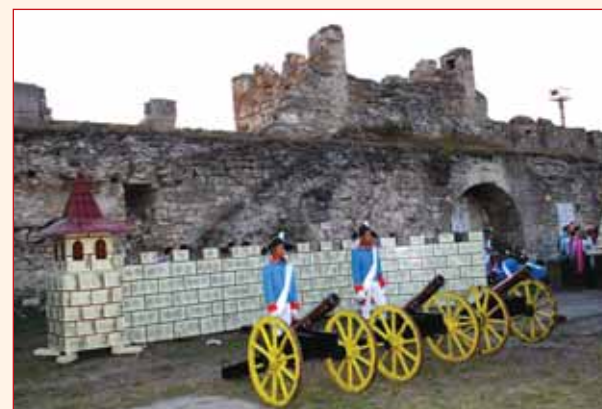
Виды Бендерской крепости

Перезахоронение русских солдат и офицеров
2006 г.

Памятник к 100-летию 55-го Подольского пехотного полка

Первое общегородское празднование дня ангела-хранителя 55-го Подольского пехотного полка
16 августа 2007 г.

К 600-летию со дня образования Бендер, отмечаемого в 2008 году, его жителям и гостям будет преподнесён подарок в виде двух грандиозных исторических сооружений: музейной экспозиции в Бендерской крепости и Мемориального комплекса на Борисовском кладбище.

Мемориал возводится на месте старого погоста, о котором до начала 90-х годов мало что было известно. Кладбище привлекло к себе внимание осенью 1992 года, когда правоохранительные органы Приднестровья при активном участии Объединённой контрольной комиссии в зоне Приднестровского вооружённого конфликта и командования российского миротворческого контингента начали поиск пропавших без вести в период боевых действий. В ходе обследования мест захоронений на территории Бендер стражи правопорядка столкнулись с кладбищем XIX века. Первоначально

Ведемейер, И.К. Батырёв, Бонавентур Соецкий, Н.П. Михайлов. Имеются сведения о старших офицерах, унтер-офицерах, нижних чинах из более чем ста полков.

Уже воздвигнуты гранитные памятники и мемориальные плиты. Начато строительство православной часовни. Возводятся два музея, один из которых будет посвящён 55-му Подольскому пехотному полку. Особое внимание к этой воинской части не случайно. На её счету множество славных побед на полях брани. Со дня своего формирования в 1798 году полк принимал участие во всех значительных военных кампаниях конца XVIII — начала XX века. Подольский полк размещался на территории города более 30 лет, охраняя юго-западные рубежи России. В Бендерской крепости он был расквартирован вплоть до революции 1917 года. Ни одно из воинских формирований так

долго не находилось в городе, а коль так, было принято решение уделить полку и его истории особое внимание, воспитывая молодое поколение приднестровцев на примере подвигов героев-подольцев.

16 августа подольцы считали днём своего ангела-хранителя. Поэтому и было решено в этот день возобновить проведение полкового торжества, но уже как праздника общегородского. Впервые чествование состоялось в 2007 году. В его программу вошло красочное костюмированное представление: под гром пушек и барабанный бой молодые приднестровцы в парадной форме подольских пехотинцев промаршировали по городу, славя русскую армию и её чудо-богатырей.

Полковник А.В. КОЗЛОВ

МУНДИР ОТЕЧЕСТВА FULL-DRESS UNIFORM OF THE FATHERLAND
«По приличеству помянутого флага». Русский морской мундир 1745—1762 гг.
(Публикация А.А. ТРОНЬ, А.В. АНАНЬИНА)
"In order to befit to the mentioned flag". The Russian full-dress Naval uniform 1745-1762
(Publication of A.A. TRON', A.V. ANAN'IN) 1

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА MILITARY SYMBOLISM
История кокарды: от шёлкового банта – к металлическому знаку
History of the cockade: from a silk bow – to a metal badge 2

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ MILITARY PATRIOTIC EDUCATION
А.В. КОЗЛОВ — В Приднестровье славят русскую армию и её чудо-богатырей.
В Бендерах создается военно-исторический мемориальный комплекс
A.V. KOZLOV — In the region of near Dnestr river they glorify the Russian Army and its wonder-bogatyrs.
A military historic memorial complex is being created in Bendery 4

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ NATIONAL SECURITY
Е.Л. ЕЖУКОВ — О концепции защиты и охраны государственной границы
Российской Федерации
E.L. EZHUKOV — About a concept of defense and protection of the Russian Federation's frontier 9

ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ FROM THE MILITARY ARCHIVES FUNDS
И.И. БЕЛОУСОВ — Продвижение по службе офицеров российской армии
в первой половине XVIII века. К 90-летию Главного управления кадров МО РФ
I.I. BELOUSOV — Service advancement of the Russian Army officers in the first half of XVIII century.
To the 90th anniversary of the Main Personnel Department of the RF Ministry of Defense 13

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО MILITARY CONSTRUCTION
И.В. ВАРЗАКОВ — Комплектование офицерского корпуса России и Германии
в конце XIX — начале XX века: сравнительные оценки
I.V. VARZAKOV — Recruitment for the officers corps of Russia and Germany at the close
of XIX — at the beginning of XX century: comparative estimation 15

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв. LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF THE XX—XXI CENTURY
В.И. ШАРЫЙ — Военное вмешательство иностранных государств
в гражданскую войну в Анголе. 1975 — начало 1976 года
V.I. SHARYI — Military intervention of foreign countries to the Civil war in Angola. 1975 — beginning of 1976
А.Г. ПЕРВОВ, О.А. ПЕРВОВ — Отечественная армейская авиация
в миротворческих операциях. 1992—2003 гг.
A.G. PERVOV, O.A. PERVOV — Army aviation of this country in peace-making operations. 1992-2003 19

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ AGAINST A LIE AND FALSIFICATION
Е.В. КОВЫРШИН — К вопросу о заградительных отрядах в Красной армии
E.V. KOVYRSHIN — About anti-profitier detachments in the Red Army 28

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS
О.А. МАЛАШЕНКО — Основные проблемы французской военной политики.
1946—1958 гг.
O.A. MALASHENKO — Main problems of the French military policy. 1946-1958 30

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ FROM HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT
А.А. КОЧЕТКОВ, Е.Ф. ЛОСЕВ — Корабельная артиллерия среднего калибра
в XX веке. Исторические примеры боевого применения
A.A. KOCHETKOV, E.F. LOSEV — Shipboard artillery of the average caliber in XX century.
Historic examples of battle application 34

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг. THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945
О.В. РОМАНЬКО — Органы управления на оккупированной территории
Белоруссии в 1941—1944 гг.
O.V. ROMAN'KO — Organs of administration on the occupied territory of Belarus in 1941-1944 39

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ MILITARY TRAINING AND EDUCATION
Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА — «Стараться... к верной службе и пользе
государственной». Из истории Морского шляхетного кадетского корпуса.
Середина XVIII века
G.A. GREBENSHCHIKOVA — "Endeavour... do your best for the service and for the benefit of the state".
From the history of the Naval gentry cadet corps. The middle of XVIII century 45

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ HISTORY OF THE MILITARY INTELLIGENCE
49 В.А. КАРЕЛИН — Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны
V.A. KARELIN — Russian intelligence and reconnaissance service in Sweden on the eve of World War I
55 В.А. АВДЕЕВ, В.Н. КАРПОВ — Из революционеров — в разведчики
V.A. AVDEEV, V.N. KARPOV — From a revolutionary to an intelligence and reconnaissance serviceman

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS
58 П.М. КУРОЧКИН — Связь была нужна всем
(Публикация А.П. ЖАРСКОГО)
P.M. KUROCHKIN — Intercommunication was in need of everybody
(Publication of A.P. ZHARSKY)
62 Н.А. МОНАСТЫРЁВ — «Андреевский флаг спущен, спущен для многих из нас
навсегда»
(Публикация Г.Г. МОНАСТЫРЁВОЙ)
N.A. MONASTYREV — "The St. Andrew flag has been lowered, for many of us it has been lowered forever"
(Publication of G.G. MONASTYREVA)

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ MEMOIRS AND ESSAYS
67 А.П. ПАВЛОВ — «Здесь прошло моё становление как штабного офицера».
О службе в Группе советских войск в Германии в 1968—1972 гг.
A.P. PAVLOV — "My formation as a staff officer was here." About the service in the Group of the Soviet troops
in Germany 1968-1972

ЗАБЫТОЕ ИМЯ FORGOTTEN NAME
71 Николай I отказал Наполеону III в императорском приветствии
(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)
Nikolay I has given up to Napoleon III in an imperial greeting (Publication of A.V. OSTROVSKY)

МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА MILITARY SYMBOLISM
73 И.В. ЗИМИН — Кокарда в русской армии. 1731—1918 гг.
I.V. ZIMIN — A cockade in the Russian Army. 1731-1918

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ MILITARY PATRIOTIC EDUCATION
77 А.В. ПОПОВ — Офицерская честь в русской армии XVIII — начала XX века
A.V. POPOV — Officer honor in the Russian Army of XVIII — at the beginning of XX century

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ MILITARY TRAINING AND EDUCATION
80 В.Ф. КАМОРНИКОВ — «Достоинство хорошего офицера... обуславливается
хорошей нравственностью». Воспитательная работа в юнкерских училищах
во второй половине XIX века
V.F. KAMORNIKOV — "Merits of a good officer... are caused by morality". Education in junker military
schools in the second part of XIX century

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY
82 В.Я. ГРОСУЛ — Гагская конференция 1899 года
V.Ya. GROSUL — The Hague conference of 1899
85 Б.И. НЕВЗОРОВ — Воинские части, защитившие Москву
B.I. NEVZOROV — Military units, which defended Moscow
86 С.Д. ПОЛОВЕЦКИЙ — Проблемы и спорные вопросы российской истории
S.D. POLOVETSKY — Problems and debatable questions of the Russian history

23, 54, 61 ЗАБЫТОЕ ИМЯ FORGOTTEN NAME
44 ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ IN THE PAGES OF RARE EDITION
72 ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ THE MEMORABLE DATES
79 НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION
88 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ MILITARY PATRIOTIC EDUCATION
3-я стр. обл. Поезд памяти идет на Восток. К 65-летию оборонительных боёв советских
войск на воронежском направлении
(Публикация А.Ю. ЗОЛОТУХИНА)
**The train of remembrance goes to the East. To the 65th anniversary of the defense battles of the Soviet
troops on the Voronezh direction (Publication of A.Yu. ZOLOTUKHIN)**

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ IN THE PAGES OF RARE EDITION
4-я стр. обл. Медальерное искусство Японии
(Публикация А.Н. ЧАБАНОВОЙ)
Medal-making art of Japan (Publication of A.N. CHABANOVA)

Шарль-Луи Наполеон

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ
ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Основан в августе 1939 года

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ Игорь Мадинович, полковник

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь редакции

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич,
капитан 2 ранга, кандидат военных наук

Научные редакторы

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА;

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;

В.Г. ОППКОВ, капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;

Р.И. ПАРФЁНОВ, старший лейтенант;

А.Н. ЧАБАНОВА

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного секретаря редакции);

К.Н. АГАФОНОВА;

Е.В. КРИГЕР;

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

О.К. ГРАЧЁВА, заслуженный работник культуры РФ;

Е.С. ДАНИЛИНА;

А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.Д. НЕСТЁРКИН

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;

А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97;

Е-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет приложение» – на главной странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

«VOENNO-ISTORICHESKY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬБЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооружённых сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛТЫКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпания, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ПОЕЗД ПАМЯТИ ИДЕТ НА ВОСТОК

К 65-летию оборонительных боёв советских войск на воронежском направлении

28 ИЮНЯ 2007 года исполнилось 65 лет со дня начала ожесточённых оборонительных боёв, которые вели воины Брянского фронта и в которых участвовали железнодорожники станций Мармыжи и Черемисиново железной дороги им. Дзержинского (ныне Московской). На станциях Мармыжи и Черемисиново бережно сохраняются братские могилы сражавшихся там воинов Красной армии и курских железнодорожников, установлены памятники и созданы залы боевой славы.

По инициативе Курского областного научного краеведческого общества, с согласия руководства Московской железной дороги (начальник В.И. Старостенко), Орловско-Курского отделения Московской железной дороги (начальник А.А. Лёвин) в день 65-летия боев была организована поездка ветеранов войны и тру-

да Орловско-Курского отделения, учащихся Курского техникума железнодорожного транспорта, школьников-следопытов Дворца пионеров г. Курска во главе с кандидатом исторических наук В.В. Коровиным на Поезде Памяти. Цель поездки — сохранение памяти о павших, возложение цветов и венков на станции Черемисиново к памятникам дважды Герою Советского Союза генерал-полковнику Александру Ильичу Родимцеву и на братской могиле погибших в боях за Черемисиново в 1941–1943 гг., на станции Мармыжи — к памятнику бойцам 38-го и 62-го дивизионов бронепоездов и к Поклонному кресту на братской могиле советских воинов и железнодорожников, павших у станции Мармыжи.

Публикацию подготовил
А.Ю. ЗОЛУТУХИН

Участники Поезда Памяти на экскурсии в зале боевой славы станции Мармыжи

Памятный знак бойцам 38-го и 62-го дивизионов бронепоездов на станции Мармыжи

Встреча Поезда Памяти в Мармыжах

Студенты-железнодорожники возлагают цветы к памятнику генерал-полковнику А.И. Родимцеву на ст. Черемисиново

Почетный караул у Поклонного креста на братской могиле у станции Мармыжи

Митинг у братской могилы советских воинов на станции Черемисиново

Кшенские поисковики у восстановленного ими броневомобиля БА-64

Хлеб-соль принимают начальник Орловско-Курского отделения Московской железной дороги А.А. Лёвин и председатель Курского регионального совета ветеранов отделения А.И. Иваненко

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Е.Л. ЕЖУКОВ — О концепции защиты и охраны государственной границы Российской Федерации

ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

И.И. БЕЛОУСОВ — Продвижение по службе офицеров российской армии в первой половине xviii века. К 90-летию Главного управления кадров МО РФ

Военное строительство

И.В. ВАРЗАКОВ — Комплектование офицерского корпуса России и Германии в конце XIX — начале XX века: сравнительные оценки

Локальные войны и вооружённые конфликты XX—XXI века

В.И. ШАРЫЙ — Военное вмешательство иностранных государств в Гражданскую войну в Анголе. 1975 — начало 1976года

А.Г. ПЕРВОВ, О.А. ПЕРВОВ — Отечественная армейская авиация в миротворческих операциях. 1992—2003 гг.

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Е.В. КОВЫРШИН — К вопросу о заградительных отрядах в Красной армии

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О.А. МАЛАШЕНКО — Основные проблемы французской военной политики. 1946—1958 гг.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

А.А. КОЧЕТКОВ, Е.Ф. ЛОСЕВ — Корабельная артиллерия среднего калибра в XX веке. Исторические примеры боевого применения

Великая отечественная война 1941—1945 гг.

О.В. РОМАНЬКО — Органы управления на оккупированной территории Белоруссии в 1941—1944 гг.

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА — «Стараться... к верной службе и пользе государственной». Из истории Морского шляхетного кадетского корпуса. Середина XVIII века

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

В.А. КАРЕЛИН — Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны

В.А. АВДЕЕВ, В.Н. КАРПОВ — Из революционеров — в разведчики

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

П.М. КУРОЧКИН — Связь была нужна всем

(Публикация А.П. ЖАРСКОГО)

Н.А. МОНАСТЫРЁВ — «Андреевский флаг спущен, спущен для многих из нас навсегда»

(Публикация Г.Г. МОНАСТЫРЁВОЙ)

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

А.П. ПАВЛОВ — «Здесь прошло моё становление как штабного офицера». О службе в Группе советских войск в Германии в 1968—1972 гг.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Николай I отказал Наполеону III в императорском приветствии

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

МОЛОДЕЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

И.В. ЗИМИН — Кокарда в русской армии. 1731—1918 гг.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

А.В. ПОПОВ — Офицерская честь в русской армии XVIII — начала XX века

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

В.Ф. КАМОРНИКОВ — «Достоинство хорошего офицера... обуславливается хорошей нравственностью». Воспитательная работа в юнкерских училищах во второй половине XIX века

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.Я. ГРОСУЛ — Гагская конференция 1899 года

Б.И. НЕВЗОРОВ — Воинские части, защитившие Москву

С.Д. ПОЛОВЕЦКИЙ — Проблемы и спорные вопросы российской истории

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Ежуков Евгений Лаврентьевич —

профессор Пограничной академии ФСБ России, кандидат исторических наук (Москва)

О концепции защиты и охраны государственной границы Российской Федерации

Распад СССР и образование на его территории новых государств привели к появлению новых государственных границ. Изменились границы и Российской Федерации. При этом пограничные войска сократились численно¹, оставив за пределами России до 40проц. сухопутных, морских и авиационных сил и средств, а также инженерно-технического оборудования с элементами системы управления и жизнеобеспечения, жилищным и казарменным фондом. Также оказались утраченными большинство оборудованных в соответствии с международными стандартами пограничных пунктов пропуска на западном и южном направлениях², значительно снизилась плотность охраны морских пространств, возросли возможные масштабы ущерба политическим, экономическим и военным интересам страны.

Все это объективно выдвинуло задачу разработки новых концептуальных положений и принципов, определяющих главные параметры государственной политики по охране границы и защите пограничных интересов Российской Федерации. Создание новой системы защиты и охраны границ государства велось путем тщательного анализа уроков истории, ибо Россия веками накапливала опыт по защите и охране своих границ.

В современных условиях официальная система взглядов на защиту и охрану государственной границы подлежит реализации органами государственной власти всех уровней и местным самоуправлением с целью формирования и эффективного обеспечения интересов личности, общества и государства в пограничной сфере. Со второй половины 80-х годов прошлого века она в своём развитии прошла четыре основных этапа:

первый (апрель 1985 — декабрь 1991 г.) — формирование новой концепции охраны государственной границы в условиях развернувшихся центробежных процессов внутри СССР;

второй (с декабря 1991 — по октябрь 1997 г.) — развитие концепции защиты и охраны государственной границы Российской Федерации на переходный период и, при условии сохранения или трансформации Содружества Независимых Государств в новое качество, концепции охраны границ СНГ в целом;

третий (с октября 1997 — по март 2003 г.) — поиск и разработка наиболее целесообразных путей защиты и охраны государственной границы в изменившихся условиях существования Российской Федерации;

четвертый (с марта 2003 — по настоящее время) — период качественных изменений в развитии концептуальных взглядов на формы и способы защиты и охраны государственной границы, связанный с передачей этих функций в ведение Федеральной службы безопасности (ФСБ) России и принятием новой концепции защиты интересов РФ в пограничной сфере.

При выработке новых подходов к охране границы предполагалось, что в сложившихся условиях значительному изменению подвергнутся функции государственной границы. Являясь формой территориального разграничения интересов государств, государственная граница в современных условиях должна стать формой согласования этих интересов. Исходя из этого предполагалось, что по мере создания новой Европы и становления других международных отношений бывшие «занавесы» и «стены» останутся в прошлом, а границы между государствами все больше будут терять свое «разделительное назначение». Поскольку охрана границы потеряла прежнее политическое и идеологическое значение, стала возрастать экономическая составляющая этой концепции³.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Численный состав пограничных войск СССР в разные годы составлял от 100 до 250 тыс. человек. В результате распада СССР часть пограничных войск осталась за пределами Российской Федерации. При фактически одинаковой протяженности границ России и бывшего СССР (более 60 тыс. км.) состав российских пограничных войск сократился примерно на одну треть.

² К концу 1991 года в СССР действовал 201 пункт международного сообщения. Кроме того, имелся 171 пункт упрощенного пропуска. За пределами России остались такие крупные контрольно-пропускные пункты, как «Рига», «Таллин», «Клайпеда», «Брест», «Чоп», «Черноморье», «Ужгород», «Кушка», «Лиепая» и другие.

³ Взгляды на цели и задачи, формы и способы защиты и охраны государственной границы в новых условиях нашли отражение в концепции реформы охраны государственной границы и экономической зоны СССР пограничными войсками, утвержденной Коллегией КГБ СССР 15 марта 1991 г., которая была рассчитана на существование единой государственной границы на период до 2000 г., однако в связи с распадом СССР и образованием Российской Федерации потеряла свою актуальность. См.: Центральный пограничный архив ФСБ России. Ф.14. Оп.250. Д.4. Л. 495—510.

ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

Белоусов Игорь Иванович —

докторант Военного университета, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

К 90-летию Главного управления кадров МО РФ

История развития вооружённых сил России XVIII века отражает взаимодействие государственной власти и армии. Анализ документальных источников по этой теме позволил прийти к заключению, что кадровая политика в армии зародилась в период правления Петра I. Тогда и были заложены нормативно-правовые основы прохождения службы офицера. Назначение кандидатов на офицерские должности производилось с учётом не знатности, а

личной воинской выслуги, профессиональных навыков, индивидуальных способностей, что отражало взгляды Петра на роль военных кадров в Российском государстве.

Воззрения Петра Великого на продвижение по военной служебной лестнице, организацию процесса чинопроизводства были закреплены во многих законодательных актах. Так, в указе от 14 апреля 1714 года определялось, что все офицеры занимали вакансии по старшинству. Если же кандидат был недостоин, то назначали того, кто, «хотя и ниже его, однако ж достоин». При этом «достоинство» младших офицеров должны были засвидетельствовать все штаб и обер-офицеры, а старших — весь генералитет и штаб-офицеры дивизии. Этим же указом определялись полномочия на чинопроизводство командирам и военачальникам. В соответствии с ними генерал-фельдмаршал получил право производить в следующие чины до подполковника, «полный генерал» (генерал-аншеф) — до капитана. Все военачальники обязывались докладывать в Военную коллегия о совершённых в рамках их полномочий чинопроизводствах. В полковники и выше разрешалось производить только по указу самодержавного монарха, а «без имянного указа и фельдмаршалам производить не велено»¹.

В указе от 1 января 1719 года «О производстве в воинские чины и о замещении вакансий» было определено, «чтоб чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить», а также замещать имеющиеся вакансии путём баллотировки из 2—3 кандидатов². Введение системы баллотирования офицерами своих товарищей на вакантные должности побуждало военных к совершенствованию своих знаний и профессиональных навыков. Результаты баллотировки не подлежали обжалованию. Документы об избрании направлялись для утверждения в Военную коллегия, которая выдавала новому офицеру патент, завершавший оформление чинопроизводства. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 24. Оп. 1/119. Д. 106. Л. 47.

² Полн. собр. законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3265.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ВАРЗАКОВ Игорь Валерьевич —

преподаватель автотранспортного колледжа (г. Кунгур)

Комплектование офицерского корпуса России и Германии в конце XIX — начале XX вЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ

Вопросы комплектования командного состава русской армии получили освещение в целом ряде работ как дореволюционного, так и советского и постсоветского периодов¹. Однако в этих исследованиях недостаточно использован метод сравнения. Между тем, без сопоставления состояния российского офицерского корпуса с офицерским корпусом зарубежных государств, в том числе Германии, весьма затруднительно дать объективную оценку командного состава

отечественных вооруженных сил. Данная статья является попыткой отчасти восполнить историографический пробел.

В последние десятилетия, предшествовавшие началу Первой мировой войны, заметно возросло соперничество и обострились отношения между ведущими империалистическими государствами. В этой связи каждое из них пополняло и укрепляло свои вооруженные силы. Так, если в 1890 году германская армия насчитывала 510тыс. человек (офицеров — 23 тыс.349), то к 1914-му — 808тыс. (30тыс.459)². Численность же Российской армии за этот период увеличилась с 878тыс. до 1млн 423тыс. человек (офицеров — с 33тыс.545 до 45тыс.956)³. Налицо количественное превосходство российского офицерского корпуса над германским. Однако действительная потребность в командном составе определялась необходимостью создания резерва на случай мобилизационного развертывания армии. Подходы к решению данной проблемы в России и Германии были различные.

Столкнувшись во время Франко-прусской войны 1870—1871гг. с нехваткой командных кадров, германское руководство сделало ставку на создание полноценного офицерского запаса⁴. Для пополнения армии военного времени предназначались вольноопределяющиеся с гимназическим образованием, отслужившие год на действительной службе. Чтобы стать офицерами запаса, вольноопределяющимся надлежало сдать экзамен и дважды пройти 8-недельные учебные сборы. Потенциал этого источника пополнения командного состава был весьма значительным, учитывая высокий уровень развития народного образования в Германии. Доля неграмотных среди призывников в 1911году, например, не превышала 0,02проц., а число вольноопределяющихся, окончивших гимназию, составляло 12тыс.383человека⁵.

Также заблаговременно предусматривалось выдвижение на офицерские должности унтер-офицеров, которые в кайзеровской армии поголовно являлись сверхсрочнослужащими, пользовались большими преимуществами по сравнению с рядовыми и значительной самостоятельностью в отношениях с офицерами. Поскольку число унтер-офицеров было в 3 раза больше, чем офицеров, в количественном отношении использование этого источника командных кадров также сулило хорошие перспективы⁶. Таким образом, готовясь к «большой войне», германское руководство обеспечило свои вооруженные силы полноценным офицерским запасом.

В России во второй половине XIX века также принималось ряд положений о прапорщиках запаса, однако препятствием для реализации этих начинаний являлся низкий общеобразовательный уровень призывных контингентов: 2/3 населения страны в рассматриваемый период оставались неграмотными, и лица, имеющие необходимый для получения чина прапорщика образовательный ценз (шесть классов среднего учебного заведения), были в большом дефиците. В результате в 1902 году в наличии имелось всего 8030 прапорщиков запаса, причем встать в строй могли не более 80проц. из них; остальные освобождались по болезни, по занимаемой должности и т.д.⁷ В 1891 году был разрешён в случае войны допуск на офицерские должности унтер-офицеров, преимущественно сверхсрочников⁸. Но обеспеченность армии унтер-офицерами сверхсрочной службы была недостаточной даже в мирное время.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: **Режепо П.А.** Офицерский вопрос. СПб.: Тип. Ген.штаба, 1909; **Зайончковский П.А.** Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М.: Мысль, 1973; **Он же.** Офицерский

корпус русской армии перед Первой мировой войной. // Вопросы истории. 1981. № 4; **Бескровный Л.Г.** Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973; **Он же.** Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986; **Кавтарадзе А.Г.** Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М.: Наука, 1988; **Морозов С.Д.** Офицерский корпус России на рубеже XIX—XX вв. // Воен.-истор. журнал. 1998. № 1.

² Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Тип. Воен. ведомства, 1891. С. 366; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Kriegsrüstung und Kriegswirtschaft, Bd. 1. Anlagen. Berlin, 1930. Anlagen tabelle 17.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп.2. Д. 2885. Л. 85; Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1890 г. СПб.: Тип. Воен. ведомства, 1891. С. 6.

⁴ РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Д. 257. Л. 14 об.

⁵ Германия. Военная энциклопедия. СПб.: Изд-во т-ва И.Д.Сытина, 1915. С. 12.

⁶ РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1. Л. 99 об., 208.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1140. Л. 6, 8.

⁸ Обзор деятельности Военного министерства в царствование имп. Александрa III. 1881—1894. СПб.: Тип. Воен.мин., 1903. С. 21.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI века

ШАРЫЙ Валерий Иванович —

заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин Международной академии бизнеса и управления, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

Военное вмешательство иностранных государств в гражданскую войну в анголе. 1975 – начало 1976 года

С конца XV века началась португальская колонизация территории современной Анголы. В 1961 году в столице Анголы Луанде под руководством Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) произошло восстание, которое положило начало вооружённой освободительной войне. После революции в Португалии (25 апреля 1974 г.) правительство этой страны заключило соглашение с руководителями национально-освободительного движения (МПЛА, УНИТА — Национальный союз за полное освобождение Анголы, ФНЛА — Национальный фронт освобождения Анголы и др.) о предоставлении Анголе независимости. Однако ФНЛА и УНИТА отказались от создания объединённого правительства с МПЛА, придерживавшейся марксистской ориентации. Летом 1975 года эти организации при поддержке ЮАР и Заира развернули вооружённую борьбу против МПЛА. 11 ноября 1975 года было провозглашено создание Народной Республики Ангола (НРА). Против неё началась вооружённая интервенция.

К середине сентября 1975 года Ангола фактически оказалась расчленённой на зоны влияния трёх движений. ФНЛА: провинция Заире, Уиже и часть Северной Кванзы, граница с Заиром и клин на северо-востоке, в районе алмазных копей (три главных центра зоны — Амбриш, Амбризет и Кармона); штаб-квартира находилась в городе Кармоне; МПЛА: Луанда, широкая полоса в центре страны, тянувшаяся от района Луанды и доходившая до замбийской границы, атлантическое побережье, вплоть до границы с Намибией (крупные центры: Маланже, Энрики-ди-Карвалью и три жизненно важных города-порта: Лобиту, Бенгела, Мосамедиш); штаб-квартира — в Луанде; УНИТА: зона к югу от Бенгельской железной дороги (БЖД), весь центрально-южный район, вплоть до границ с Замбией и Намибией; штаб-квартира — в г. Нова-Лижбоа.

Каждое движение, по замечанию журнала «Жен Африк», контролировало свою этническую территорию, превратив её в цитадель¹. Однако эти «территориальные границы» были неустойчивыми и в значительной степени зависели от тыловых баз движений. Так, в этот период южный фронт ФНЛА был основательно удален от его тыловых баз в Заире, в то время как МПЛА располагало значительным преимуществом, поскольку снабжение его отрядов (в первую очередь из СССР, Кубы, Югославии, ГДР) осуществлялось в основном через контролировавшиеся движением порты. В сравнении с ФНЛА положение отрядов УНИТА оказалось наиболее тяжёлым и уязвимым: на юге подразделения его вооружённых сил, ФАЛА², практически оказались в кольце, что ставило их в зависимость от ЮАР. Со стороны Замбии в этот период поддержка (во всяком случае, на официальном уровне) УНИТА не оказывалась, а если и оказывалась, то не афишировалась.

К концу октября — началу ноября 1975 года боевые действия на территории Анголы активизировались. ФНЛА и УНИТА стремились установить, а МПЛА — сохранить свой контроль над столицей страны. К этому времени в Анголе уже велись активные боевые действия, наиболее ожесточённые — против МПЛА к северу от Луанды, к югу от Луанды и в Кабинде.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Jeune Afrique. 1975. № 767. 19 Septembre. P. 32.

² Общее название вооружённых отрядов УНИТА — Forças Armadas de libertação de Angola (FALA), что означает вооружённые силы освобождения Анголы — ФАЛА.

Первов Александр Григорьевич —

профессор кафедры истории военного искусства Военно-воздушной академии имени Ю.А.Гагарина, полковник в отставке, доктор исторических наук (пгт Монино Московской обл.)

Первов Олег Александрович —

преподаватель кафедры истории военного искусства Военно-воздушной академии имени Ю.А.Гагарина, подполковник (пгт Монино Московской обл.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРМЕЙСКАЯ АВИАЦИЯ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ. 1992—2003 ГГ.

В настоящее время все больший крен в оперативно-тактической подготовке армейской авиации делается на отработку совместных действий с наземными войсками в специальных операциях, в том числе и в миротворческих. Одновременно разрабатываются документы, регламентирующие боевое применение армейской авиации в таких операциях. Проблемы эти в значительной мере новые и непростые. Для их качественного решения ценным представляется даже тот незначительный опыт, который приобретался армейской авиацией в 90-е годы минувшего столетия и в начале этого тысячелетия, когда она вела боевые действия в операциях по установлению и поддержанию мира в различных регионах земного шара.

Отечественная армейская авиация, в исследуемое время авиация Сухопутных войск, впервые начала применяться в миротворческих операциях в 1992 году. Боевые эпизоды, в которых она участвовала, происходили как на постсоветском пространстве, так и за его пределами, в том числе и на значительном расстоянии от границ России.

На постсоветском пространстве российские миротворческие силы применялись в пяти вооружённых конфликтах: грузино-осетинском (южно-осетинском), приднестровском, таджикском, осетино-ингушском, грузино-абхазском. При этом воинский контингент принимал участие на основании трехсторонних соглашений (конфликтующие стороны и Россия) или соглашений Совета глав государств СНГ. За пределами бывшего Советского Союза российский миротворческий воинский контингент со своей армейской авиацией активно применялся на территории бывшей Югославии (1992—2003), в Анголе (1995—1999) и Сьерра-Леоне (1999 — настоящее время), когда Россия действовала в соответствии с планами мирового сообщества, по решениям ООН. Следовательно, во всех упомянутых случаях имелись правовые основы для участия армейской авиации в миротворческих операциях.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

КОВЫРШИН Евгений Викторович —

соискатель кафедры отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета (г. Елец Липецкой обл.)

К вопросу о заградительных отрядах в Красной армии

28 июля 1942 года увидел свет приказ наркома обороны СССР №227, известный как «ни шагу назад!», с которым связывают появление в Красной армии заградительных отрядов.

Долгое время эта тема находилась под запретом, и историки старались обходить ее стороной. Но и последние два десятилетия гласности серьезных изменений не принесли — заградотряды продолжают оставаться малоизученным явлением. Конечно, и в СМИ и в сети Интернет говорится о них достаточно много. Рисуется зловещий образ «палачей из НКВД», которые удобно устроившись позади боевых порядков фронтовых частей, только и ждали когда последние начнут отступать без приказа, чтобы начать безжалостно расстреливать их из автоматов и пулемётов. Причем всё это, как правило, приводится, чтобы проиллюстрировать «людоедскую» сущность сталинского режима. Однако основная масса «разоблачителей» и «обличителей» грешит тем, что не считает нужным хоть сколько-нибудь подкрепить свои утверждения ссылками на документы.

Попытаемся исправить этот недостаток и, используя архивные материалы, отделить правду от вымысла.

Прежде всего назовём «характерные черты», которые обычно приписываются заградотрядам: это были формирования Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР; они оснащались новейшим автоматическим оружием и транспортными средствами, были способны уничтожить живую силу в значительных количествах, причем всегда (или почти всегда) успевали развернуться на путях отхода воинских частей и подразделений, т.е. являлись высокомобильными; практически все попавшие в поле их зрения расстреливались на месте.

Теперь выясним, насколько вышеперечисленное соответствует истине.

Для начала необходимо отметить, что заградительные отряды НКВД создавались в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 24 июня 1941 года и были расформированы уже в конце 1941 — начале 1942 года. Далее обратимся к приказу №227. Заградотрядам в нем посвящён лишь один абзац: «...военным советам армий и прежде всего командующим армиями... б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной...»¹.

Как видим, формирование отрядов возлагалось на военные советы и командиров, т.е. на армейские органы управления, а НКВД, представленный в прифронтовой полосе начальником войск по охране тыла, здесь вовсе не упоминается. Далее, расстреливать требовалось только «в случае паники и беспорядочного отхода», да и то лишь «паникёров и трусов». На указание производить массовые расстрелы это никак не похоже.

Теперь обратимся к архивным материалам о самих заградотрядах. Возьмём в качестве примера 8-ю армию Волховского фронта. Поскольку приказ №227 не определял штат заградотряда, а без него сформировать подразделение невозможно, то командующий войсками фронта генерал армии К.А.Мерецков директивой от 3 августа 1942 года утвердил штат «Армейского отдельного заградительного отряда» 3- или 4-ротного состава².

Численность отряда согласно этому штату составляла 572 и 733 человека при 3- и 4-ротном составе соответственно³. Автотранспорт и в том и в другом варианте — 2 автомобиля ГАЗ-АА4. Вооружение, проходящее в документе под заглавием «Материальная часть», имело следующую

численность: станковых пулемётов — 4, ручных пулемётов ДП — 18(24); пистолет-пулемётов ППШ и ППД — 428(567); винтовок и карабинов — 53(54)5.

Командный состав заградотряда 8-й армии насчитывал по списку 29 человек (по штату — 34). Все командиры были переведены с равнозначных должностей из 128, 265 и 286-й стрелковых дивизий, либо из резерва фронта. Коммунистов среди них значилось — 13 человек, комсомольцев — 7, кандидатов в члены ВКП(б) — 8, беспартийных — 6 человек. Причём среди беспартийных внесён заместитель командира заградотряда старший лейтенант А.К. Швецов6.

Найти упоминание хоть о каком-то отношении этих лиц к НКВД удалось лишь в отношении командира отряда капитана П.А.Меренкова, переведённого с должности командира батальона 450-го стрелкового полка 265-й стрелковой дивизии. Он в 1937 году закончил курсы политруков войск НКВД7.

В течение августа 1942 года отряд пополнился личным составом (в основном команды прибывали из 220-го запасного армейского полка)8. Однако организационные мероприятия удалось завершить лишь в конце октября, так как приказом НКО №298 от 26 сентября 1942 года был утверждён штат 04/391 «Отдельного заградительного отряда действующей армии», который существенно отличался от введённого командованием фронта (см. приложение).

Согласно приказу по отдельному армейскому заградительному отряду 8-й армии № 78 от 31 октября 1942 года он считался сформированным по штату 04/391 со списочной численностью 202 человека9. Единственным из 12 командиров, тем или иным образом связанным с «органами», был начальник штаба лейтенант А.Д.Киташев (в своё время закончивший школу ОГПУ), но при этом он был беспартийным10.

В то же время, например, в 7-м отдельном заградительном отряде 54-й армии из командиров ни один не имел отношения к НКВД. Из 599 бойцов и младших командиров, проходивших службу в отряде в период с 15 августа 1942 года по 25 июня 1943-го, с НКВД тем или иным образом были связаны лишь трое: сержант П.И.Толкачёв, до призыва проходивший службу в НКВД и красноармейцы Д.П. Иванов и П.И. Елисеев. Один был «охранником НКВД», другой — следователем11.

Однако вернёмся к 3-му отдельному заградительному отряду 8-й армии, который ещё с конца августа 1942 года приступил к выполнению служебно-боевых задач.

Заградотряд выставлял посты на дорогах и мостах, патрулировал местность. В период с 22 августа по 31 декабря 1942 года им было задержано 958 военнослужащих, в основном без документов, отставших от частей или заблудившихся, в редких случаях «самострелы» и дезертиры и несколько человек «за грубости». Судьба задержанных была следующей: переданы в особый отдел НКВД — 141 человек, ещё один — в 4-й отдел (борьба с диверсантами и парашютными десантами), остальные 816 человек отпущены либо сразу, либо после установления личности. На массовые расстрелы это совсем не похоже. Личный состав заградотрядов, особенно на первом этапе, не имел представления о задачах, стоящих перед ним, при несении службы на посту документы зачастую не проверял и пропускал всех беспрепятственно, да и красноармейцы фронтовых частей не всегда подчинялись его требованиям12.

Причем деятельность заградотрядов не ограничивалась только выполнением задач по заграждению. Располагаясь в ближнем тылу, заградотряды нередко сами оказывались под ударами вражеской авиации и под огнем артиллерии, иногда даже вынуждены были вступать в

бой с противником. Так, 27 октября 1942 года 2-й взвод 2-й роты заградотряда 8-й армии занял оборону в промежутке боевых порядков 265-го и 1100-го стрелковых полков и, используя станковый пулемёт, оставленный 3-м батальоном 1100-го полка, в течение нескольких часов отбивал атаки немцев¹³.

Как мы видим, заградительные отряды, созданные по приказу №227 «ни шагу назад!», не имели отношения к НКВД, а состояли из бойцов и командиров Красной армии. Они несли службу на постах и в патрулях, при этом основным видом их деятельности были не мероприятия карательного характера, а выполнение задач по поддержанию порядка и пресечению необоснованного передвижения военнослужащих в ближнем тылу.

Несмотря на наличие в заградотрядах автоматического оружия, их отдельно располагавшиеся посты и патрули вряд ли были в состоянии останавливать массы пехоты в случае беспорядочного отхода. Не могли они и оперативно реагировать на изменения обстановки из-за недостаточности средств связи (как правило связь осуществлялась «пешепосыльными») и транспорта. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать, что ни одна из вышеприведенных «характерных черт» заградотрядов документально не подтверждается, а скорее, наоборот, опровергается.

Приложение

Штат 04/391

«Отдельного заградительного отряда действующей армии»

(приказ НКО СССР № 298 от 26 сентября 1942 г.)

I. Организация

1. Командование
2. Два взвода автоматчиков
3. Два стрелковых взвода
4. Пулемётный взвод
5. Санитарный взвод
6. Транспортно-хозяйственный взвод

II. Личный состав

Командного состава — 9

Начальствующего — 3

Младшего командного и начальствующего состава — 41

Рядового состава — 147

Всего: 200 человек

III. Вооружение

Винтовок — 71

Пистолетов-пулемётов — 107

Ручных пулеметов ДП — 8

Станковых пулеметов — 6

IV. Транспорт

Автомашин легковых — 1

Автомашин грузовых — 4

Походная кухня артиллерийского образца — 1

I. Командование

Командир отряда (майор) — 1

Военный комиссар (батальонный комиссар) — 1

Заместитель командира отряда (капитан) — 1

Старший адъютант (старший лейтенант) — 1

Заведующий делопроизводством — казначей (старший лейтенант) — 1

Всего: 5

II. Два взвода автоматчиков

Командир взвода (старший лейтенант) — 2

Помкомвзвода (старший сержант) — 2

Командир отделения (сержант) — 8

Стрелок-автоматчик (красноармеец) — 80

Всего: 92

III. Два стрелковых взвода

Командир взвода (старший лейтенант) — 2

Помкомвзвода (старший сержант) — 2

Командир отделения (сержант) — 4

Заместитель командира отделения, он же наводчик ручного пулемета (младший сержант) — 8

Пулемётчик (красноармеец) — 8

Стрелок (красноармеец) — 28

Всего: 52

IV. Пулеметный взвод

Командир взвода (старший лейтенант) — 1

Помкомвзвода (старший сержант) — 1

Командир отделения (сержант) — 6

Заместитель командира отделения, он же наводчик станкового пулемёта (младший сержант) — 6

Пулемётчик, старший пулемётчик (красноармеец) — 24

Всего: 38

V. Санитарный взвод

Фельдшер (военфельдшер) — 1

Санинструктор (старший сержант) — 1

Санитар (красноармеец) — 2

Всего: 4

VI. Транспортно-хозяйственный взвод

Старшина (старшина) — 1

Каптенармус-писарь (старший сержант административной службы) — 1

Старший повар (сержант административной службы) — 1

Старший шофёр (ефрейтор) — 1

Шофёр (красноармеец) — 4

Всего: 8

Всего в отряде: 200 человек

ЦАМО РФ. Фонд «Отдельного армейского заградительного отряда 8-й армии». Оп. 43665. Д. 1. Л. 6, 7.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Воен.-истор. журнал. 1988. № 8. С. 75.

2 Центральный архив Министерства обороны РФ. Фонд 3-го отдельного армейского заградительного отряда 8-й армии. Оп. 43665. Д. 1. Л. 1.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же. Л. 1 об.

6 Там же. Оп. 36256. Д. 2. Л. 1—14.

7 Там же. Л. 1 об., 2.

8 Там же. Д. 1. Л. 13 об., 14, 15.

9 Там же. Л. 59.

10 Там же. Оп. 43419. Д. 2. Л. 2 об., 3.

11 Там же. Фонд 7-го отдельного армейского заградительного отряда. Оп. 42185. Д. 1. Л. 20, 21, 27 об., 28.

12 Там же. Фонд 3-го отдельного армейского заградительного отряда. Оп. 36256. Д. 11. Л. 1—145.

13 Там же. Л. 37 об.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

МАЛАШЕНКО Олег Анатольевич —

докторант Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ. 1946—1958 гг.

Французская республика, одна из наиболее сильных и влиятельных западных стран, входящих в НАТО, всегда имела свою, отличную от других государств этого блока (США, Великобритании, ФРГ) точку зрения как по вопросам мировой политики, так и в отношении Советского Союза, а затем Российской Федерации.

Проводя в значительной степени независимую военную политику, Франция выступает оппонентом тех натовских акций, которые не соответствуют международно-правовым нормам. Причём здесь её поддерживает Россия.

В связи с этим, представляется целесообразным более детально рассмотреть исторические аспекты французской военной политики, в частности в период Четвертой республики¹.

Основной целью руководителей этой республики было стремление сохранить французскую колониальную империю и восстановить авторитет страны как великой державы в послевоенной Европе, основательно подорванный поражением Франции во Второй мировой войне, а также политикой коллаборационизма, проводимой правящими кругами в период немецкой оккупации.

Поэтому национально-освободительное движение во французских колониях, прежде всего в странах Индокитая и в Алжире, развернувшееся сразу же после окончания Второй мировой войны, было воспринято во Франции достаточно негативно не только политической и военной элитой, но и определённой частью общества.

2 сентября 1945 года Северный Вьетнам первым из французских колоний провозгласил независимость и стал называться Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ). Но французские финансовые и правящие круги не желали расставаться добровольно с таким лакомым куском. Вот почему Франция, несмотря на признание ею в марте 1946 года независимости ДРВ, в декабре того же года осуществила против неё открытую интервенцию, начав бомбардировки г.Хайфона, в ходе которых погибли 6000 мирных жителей². Победа как будто обещала быть нелёгкой. Однако французское командование просчиталось. Регулярные войска Франции, имевшие боевой опыт Второй мировой войны в Европе, оказались, по существу, бессильны перед всенародной борьбой Сопrotивления, которую вели вьетнамцы.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четвёртая республика (1946—1958) — установленный во Франции со дня вступления в силу новой конституции (24 декабря 1946 г.) государственный строй.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

Кочетков Андрей Анатольевич —

доцент Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф.Ушакова, капитан 1 ранга, доцент (г. Калининград)

ЛОСЕВ Евгений Фёдорович —

профессор Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф.Ушакова, капитан 1 ранга запаса, доктор военных наук, профессор (г. Калининград)

КОРАБЕЛЬНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ СРЕДНЕГО КАЛИБРА В XX ВЕКЕ

Исторические примеры боевого применения

В настоящее время на кораблях ВМС США есть только два вида вооружения, способного наносить удары по береговым объектам. Наиболее совершенным (и дорогостоящим) являются ракеты TLAM (Tomahawk Land Attack Missile), предназначенные для поражения неподвижных оперативно-тактических и стратегических целей в глубине территории противника. Второй вид представлен артиллерийскими установками калибра 127мм, которые способны обстреливать в основном тактические цели на сравнительно небольшом удалении от береговой черты.

Наиболее вероятно, что ракетное оружие в ближайшем будущем останется средством уничтожения важнейших объектов противника и не будет применяться массово. Следовательно, единственным средством огневой поддержки остаются корабельные установки среднего калибра. В связи с этим возникают вопросы: сможет ли артиллерия данного калибра с ограниченной дальностью стрельбы решать задачи огневой поддержки? И не пора ли само понятие «артиллерийская огневая поддержка» списать в анналы истории?

Некоторые военные специалисты считают несерьезным рассматривать морскую артиллерию как средство огневой поддержки. Количество кораблей с артиллерийскими установками среднего калибра сокращается, в подразделениях морской пехоты также уменьшается число артиллерийских систем. Поэтому ставка в будущих десантных операциях, по их мнению, должна делаться на авиацию¹.

Успех операции в Персидском заливе в 2001 году сфокусировал все внимание на авиации. Но здесь необходимо напомнить, что еще в 1973 году во время арабо-израильской войны израильтяне терпели неудачи именно потому, что слишком полагались на свою авиацию, которая обеспечила им победу в войне 1969 года. Не повторяют ли американцы той же ошибки?

Можно ли недооценивать роль артиллерии среднего калибра в обеспечении морских десантных операций и дать ей постепенно умереть? Ведь в прошлом корабельная артиллерия среднего и даже малого калибра играла важнейшую роль в операциях такого рода. Например, во время Второй мировой войны огонь легких крейсеров и эсминцев, вооруженных артиллерией калибров 152мм и 127мм, не раз оказывался решающим в успехе многих десантов. Высадка союзного десанта 9 сентября 1943 года в Салерно на юге Италии (операция «Лавина») лучше всего демонстрирует эффективность корабельной артиллерии среднего калибра при стрельбе по пехотным и моторизованным подразделениям противника. Эта операция ясно показала, что правильная координация действий всех огневых средств десанта позволяет достичь успеха даже сравнительно небольшими силами. Скоординированные удары авиации, береговой и корабельной артиллерии сводили на нет усилия немецкого командования по организации контратак против сил союзников. Это сделало возможным проведение успешной десантной операции. <...> ***Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»***

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Lawson C.** Outgunned and outranged // Navy Times, 21 November, 1994. P. 14. (**Лоусон К.** Огневое превосходство и дальность стрельбы).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Романько Олег Валентинович —

доцент кафедры украиноведения Крымского государственного медицинского университета имени С.И. Георгиевского, кандидат исторических наук (г. Симферополь Украина)

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941—1944 гг.

К концу лета 1941 года вся Белоруссия была захвачена немецкими войсками, после чего на территории этой советской республики началось установление «нового порядка». Он же, согласно предвоенным планам нацистов, предусматривал введение такого территориального деления, административного устройства и принципов организации власти, которые коренным образом отличались бы от существовавшей до этого советской системы. Главной особенностью немецкого оккупационного режима на территории СССР было то, что он только в теории представлял единый институт. На деле же этот режим состоял из трех практически автономных и взаимопересекающихся ветвей власти: гражданской администрации, различных военных оккупационных инстанций и аппарата СС и полиции. Не была в данном случае исключением и Белоруссия.

20 июня 1941 года в Берлине состоялось совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Гитлеру был представлен окончательный план будущего административно-политического устройства того, что должно было остаться от СССР. Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц — имперских комиссариатов (Reichskommissariat): «Московия» (центральные области России); «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия); «Украина» (большая часть Украины и Крым); «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия); «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия). Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на восток и после военно-политического умиротворения указанных регионов¹.

В целом Гитлер согласился с планом и уже 17 июля 1941 года подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных советских территориях. Согласно этому приказу было создано министерство оккупированных восточных областей (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete) — главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство нацистский теоретик и эксперт по внешнеполитическим вопросам А.Розенберг².

Однако вследствие провала планов «молниеносной войны» против СССР оккупационному режиму удалось создать только два имперских комиссариата — «Остланд» и «Украина». Они начали функционировать 1 сентября 1941 года. В своем же окончательном виде их территории оформились только к декабрю 1941 года³.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Залесский К.А.** Вожди и военачальники третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 527, 528.

² Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985. С. 51—54.

³ **Мюллер Н.** Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С.100, 101.

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Гребенщикова Галина Александровна —

заведующая научно-учебной лабораторией Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

«СТАРАТЬСЯ... К ВЕРНОЙ СЛУЖБЕ И ПОЛЬЗЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ»

Из истории Морского шляхетного кадетского корпуса

Исторический опыт последних трех столетий убедительно доказал, что Военно-морской флот всегда считался серьёзным гарантом ведущего положения России на международной арене, а все здравомыслящие государственные и военные деятели в полной мере осознавали важность и необходимость вложения сил и средств в его развитие и совершенствование. В прошлом России есть множество примеров, когда низкий уровень состояния военно-морских сил создавал, с одной стороны, непосредственную угрозу безопасности страны, а с другой — влек за собой неспособность правительства осуществлять активную внешнюю политику. В целом же резкое снижение боевого потенциала России автоматически приводило к снижению ее престижа на международной арене.

Вступившая на престол в 1762 году Екатерина II хорошо понимала, что отсутствие у правительства глубоко стратегической задачи и национальной доктрины, связанной с развитием военно-морского флота, приведет к печальным последствиям. Между тем к началу её царствования наблюдался некоторый упадок флота. Деяния Петра I, свершённые в ходе Северной войны 1700—1721 гг. на море и ознаменовавшиеся «доселе небывалыми» победами, при его преемниках не получили должного развития. Екатерина II, провозгласившая национальную идею возрождения некогда мощного флота, понимала, её нужно было «подпитывать» экономически, развивать творчески, поддерживать на всех уровнях государственного управления. Одной из сложнейших задач, возникших перед императрицей на этом пути, было обеспечение всех структур военно-морских сил соответствующим кадровым составом.

Екатерина II позаботилась о составлении плана реорганизации Морского шляхетного кадетского корпуса — уникального военно-морского заведения, предназначенного для подготовки корабельных офицеров и других специалистов флота — как с учебной, так и с воспитательной сторон. При рассмотрении кандидатур на пост директора корпуса ее выбор остановился на одном из образованнейших морских офицеров — капитане 2 ранга И.Л.Голенищеве-Кутузове.

Об этом человеке говорили, что «он получил превосходное воспитание, в совершенстве знал французский и немецкий языки и страстно любил русскую литературу. В его гостиной можно было встретить многих русских и иностранных знаменитостей — ученых, литераторов и художников»¹. Директору Морского шляхетного кадетского корпуса Екатерина II предоставила полную свободу инициативы, не стесненную прежними положениями и инструкциями. Большую роль в деятельности И.Л. Голенищева-Кутузова сыграло обещание императрицы оказывать ему свое полное содействие в учебном и хозяйственном процессах, без вмешательства центральных органов управления флотом.

Морской шляхетный кадетский корпус вел свое начало с Навигацкой школы (школа математических и навигацких наук), учрежденной Петром I в 1701 году в Москве. Образование корпуса обуславливалось стремлением государя обучить юношей мореходным наукам и дать России грамотных мореплавателей. В августе 1715года навигаторские классы школы перевели в Санкт-Петербург, где на их основе в том же году была учреждена Морская академия. Её слушатели изучали арифметику, геометрию, навигацию, географию, фортификацию, им преподавали рисование и черчение, они осваивали ружейные приемы, знакомились с наукой морской артиллерии, частями корабельного набора и правилами оснащения судов такелажем.

В обязательную учебную программу входили практические занятия учеников Морской академии в Адмиралтействе, посещение стапелей в целях изучения практического кораблестроения и летние практические плавания в Финском заливе с обязательными учебными стрельбами. По нормам первой половины XVIII века в стенах академии существовали и телесные наказания в виде битья батогами, кнутом и «кошками»².

15 декабря 1752 года вышел указ императрицы Елизаветы Петровны об учреждении «для государственной пользы» Морского шляхетного кадетского корпуса и о переименовании Морской академии в Морской шляхетный кадетский корпус (Морской корпус)³. Штатным положением корпуса количество воспитанников было определено в 360 человек, которые зачислялись в три класса, в каждый — по 120 человек.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: **Веселаго Ф.Ф.** Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 142.

² См.: **Кротков А.С.** Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 40.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. 44. Книга Штатов. Штаты Морские. № 10.062. 15 декабря 1752 г. С. 46.

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич —

научный сотрудник Мурманского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Мурманск)

РУССКАЯ РАЗВЕДКА В ШВЕЦИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перспектива выступления Швеции на стороне Германии в случае большой войны всерьез тревожила Петербург. Пропагандистские выпады шведских правых, призванные подстегнуть шпиономанию и русофобские настроения в стране и оправдать рост военных расходов, особенно военно-морского строительства, казалось, придавали таким опасениям оправданный характер¹. Они особенно усилились в период с 1912 по 1914 год². Такой авторитетный ученый, как А.С. Кан, опираясь на приведенные современным шведским исследователем данные, приходит в одной из своих новейших работ к выводу, что военно-дипломатическая элита Швеции «по мере модернизации шведских вооружений на фоне выдающихся достижений отечественного машиностроения» ощутила своего рода эйфорию. «Гибель российского флота выравняла соотношение сил на Балтике и ослабила страх перед Россией, — пишет он. — В случае ожидаемой европейской войны напрашивалась мысль о реванше. Русский язык впервые стал популярен в стокгольмской Высшей военной школе»³. Во внешней политике Швеции была и иная, нейтралистская тенденция, но отсутствие международных гарантий нейтрального статуса страны и выраженного намерения шведов его получить побуждали военных аналитиков в Петербурге относиться к ней с недоверием⁴.

Сказанное позволяет понять, почему российский военно-морской агент в Стокгольме лейтенант П.Ф. Келлер счел возможным пойти на столь рискованный шаг, как вербовка бывшего унтер-офицера шведского военно-морского флота Ф.-В.Тернгрена (F.-W.Törngren). Без сомнения, это было продиктовано желанием не упустить шанс приобрести агента, обладающего военно-морской подготовкой и профессиональным опытом, а потому, предположительно, весьма полезного при добывании интересующих Морской генеральный штаб секретных сведений о военно-морских силах Швеции⁵. В результате Келлер отступил от принципа — не заниматься нелегальной разведкой против страны аккредитации.

Чтобы получить разрешение начальника Особого делопроизводства МГШ капитана 2 ранга М.И. Дунина-Борковского на вербовку шведа, Келлер в мае 1913 года направил ему письмо⁶. В нем он коротко сообщал, что Тернгрэн был «исключен со службы» в шведском флоте в связи с некоей «шпионской историей», известной Дунину-Борковскому: начальство подозревало Тернгрена в намерении установить контакт с русским военно-морским агентом. Опасаясь провокации, Келлер уклонился от встречи с ним. Военный суд, тем не менее, приговорил Тернгрена («типа», как именовал его Келлер) к пяти дням ареста. Однако «тип этим не удовольствовался, — пишет Келлер, — обругал офицеров и подал жалобу в высшую инстанцию. Высшая инстанция исключила типа со службы»⁷. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Кан А.** Швеция и России — в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 180.

² **Gunnar Eselius.** The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. P. 256.

³ **Кан А.** Указ. соч. С. 179

⁴ **Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.** Военные агенты Российской империи в Европе. 1900—1914 гг. М., 1999. С. 283.

⁵ Летом 1912 г. морской министр И.К. Григорович, представляя в Государственной думе большую программу военно-морского строительства, подчеркнул, что возрожденный Балтийский флот России должен противостоять не только германскому, но и шведскому флоту. И это заявление не осталось без внимания в Швеции. См.: **Gunnar Eselius.** The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. P. 257.

⁶ Письмо написано от руки на бланке военно-морского агента, но без даты и исходящего номера. См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 16. Л.9—9 об.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 16. Л. 9.

АВДЕЕВ Валерий Александрович —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

КАРПОВ Владимир Николаевич

ИЗ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ – В РАЗВЕДЧИКИ

Несколько лет тому назад авторы публикуемого ниже материала открыли для себя имя одного из руководителей русской военной разведки время Первой мировой войны — полковника графа Павла Алексеевича Игнатьева, младшего брата известного царского и советского генерала, автора книги «Пятьдесят лет в строю» Алексея Алексеевича Игнатьева.

В 1999 году ими были опубликованы мемуары младшего Игнатьева «Моя миссия в Париже». Книга быстро разошлась и ныне представляет собой библиографическую редкость. С тех пор вышло немало работ по истории отечественной разведки, в том числе многотомный труд М.В.Алексеева «Военная разведка России», который помимо прочего затрагивает деятельность

П.А.Игнатъева на посту руководителя русской разведки и контрразведки в Париже. Кроме того, стало возможным вести в научный оборот новые архивные документы. На основе накопленных материалов авторы написали книгу «Секретная миссия Павла Игнатъева», фрагмент которой предлагается читателям «Военно-исторического журнала».

Среди агентов Павла Игнатъева, активно работавших против Германии в годы Первой мировой войны, особое место занимал Иосиф Петрович Давришвили. В своих мемуарах П.А.Игнатъев вкратце рассказывает о нем, не раскрывая, однако, ни его имени, ни страниц биографии. Сейчас, спустя много лет, мы можем это сделать.

Иосиф Петрович Давришвили, также известный русской полиции как «дворянин Давришев», а во Франции — под производным от него имени Давришер, а позднее Давришеви, Жозеф-Жак, родился 28 октября 1882 года в грузинском городе Гори, где тремя годами ранее на свет появился другой Иосиф — Джугашвили (Сталин). Поскольку и в те времена, и в наши дни Гори является небольшим городком, не исключено, что оба они были знакомы с детства, хотя уже в годы юности их дороги разошлись. Обучаясь в гимназии, он, как и семинарист Джугашвили, занялся революционной деятельностью. Правда, в отличие от своего всемирно знаменитого тезки, примкнул не к большевикам, а к социалистам-федералистам (грузинским эсерам).

О юных годах Давришвили известно сравнительно мало. По сведениям Тифлисского охранного отделения, Сосо (уменьшительное от имени Иосиф) был сыном штаб-офицера, следовательно, дворянином. Недаром, будучи во Франции, свои прошения на имя официальных лиц он подписывал псевдонимом «Жозеф де Давришеви». Несмотря на то, что большинство грузин — православные, Давришвили был римско-католического исповедания. Определенных занятий не имел, к лету 1904 года проживал у родственников в Тифлисе. Здесь он в раннем возрасте принял участие в революционном движении.

Впервые имя Иосифа Давришвили упоминается в документах департамента полиции 28 июля 1904 года, когда в Петербурге стало известно, что «среди членов Парижской группы социалистов-революционеров обращает на себя внимание слушатель Русской высшей школы... Иосиф Петрович Давришев»¹.

С началом первой русской революции Иосиф принял в ней самое активное участие. Выступая на всех проходивших осенью 1905 года митингах, он проявил себя как блестящий оратор. В 1906 году Давришвили стал помощником организатора боевой дружины партии социалистов-федералистов.

Однако вскоре и он сам, и его боевая дружина перестали подчиняться партийному руководству, поэтому в феврале 1906 года федеральный комитет объявил их вне партии. Самое громкое дело молодого «революционера» — вооруженное ограбление казначейства в Душете — в одном из полицейских документов описывается следующим образом: «В ночь на 12 апреля сего 1906 года в Душетское казначейство под видом воинского караула проникли шесть человек, одетых солдатами местного полка, которые, угрожая дежурным присяжным ружьями и бомбами, взломали кладовую казначейства и похитили оттуда 315 тысяч рублей кредитными билетами, после чего скрылись»².

Полиция все же разыскала нападавших. Почти все они были задержаны. Тифлисским окружным судом Сосо был приговорен к заключению в крепость на два года. 29 октября того же года ему

удалось совершить побег из Метехского тюремного замка и бежать за границу, в Швейцарию. Там же оказались и некоторые другие участники этой акции.

Через год после душетского ограбления Давришвили опять попал в криминальную историю. В декабре 1907 года швейцарские власти арестовали группу грузин, русских подданных, по обвинению в вымогательстве крупной суммы денег у проживавшего в Лозанне с семьей некоего Широ, предпринимателя из Баку. У арестованных обнаружили 87 револьверов. В числе задержанных оказался и наш герой. На судебном процессе Сосо удалось оправдаться, однако он был выслан в административном порядке за пределы Швейцарской конфедерации.

Во Франции он поступил в авиационную школу и вскоре стал пилотом. Здесь он познакомился и близко подружился с первой французской летчицей М.Рише, которая сыграла значительную роль в его жизни.

Вскоре после начала Первой мировой войны, 4 августа 1914 года Давришвили написал прошение о зачислении его добровольцем во французскую армию на весь период боевых действий. 4 мая 1915 года он был произведен в чин капрала, а уже 1 июля 1915 был повышен в звании до сержанта авиации. Его командир, лейтенант Ш.Мартель, так аттестовал подчиненного: «...Пилот Давришеви имеет весьма высокие профессиональные качества, проявил много энергии, смелости и отваги. Добровольцем вступил в армию в начале войны, однако не имеет точного понятия о принципах организации армии, требованиях различных военачальников и военной дисциплины.

Говорит весьма дурно на нашем языке, а пишет еще хуже. Очень импульсивен, весьма бурно реагирует на малейшее замечание. Пилот Давришеви способен, не слишком об этом думая, совершать поступки, достойные сожаления, которые впоследствии сам осуждает, если ему разъяснить их суть как с моральной, так и с военной точки зрения»³.

Во время одного из тренировочных полетов в августе 1916 года Давришвили получил серьезное ранение и 9 февраля следующего года был уволен из французской армии.

Зозо, как стал именовать себя Иосиф, обосновался в Париже, в аристократическом 16-м районе, где располагалось российское посольство. Правда, проживал он не в самом фешенебельном квартале, а на скромной улице де ля Помп («Насосной улице»). Пенсия по ранению была небольшой, её едва хватало на жизнь, поэтому нужно было думать о заработке. Некоторое время Иосиф работал в известном французском аэропорту в ЛеБурже, занимаясь подготовкой самолётов к полетам.

Однако вскоре фортуна улыбнулась ему. Он встретил свою старую знакомую Рише. Её муж погиб на фронте, и она рвалась туда же, желая отомстить за него. Марта написала рапорт на имя заместителя командующего французской военной авиацией, в котором предложила свои услуги. Она была согласна служить в авиации в любом качестве: военным пилотом, приемщиком самолетов, курьером, однако получила отказ. Тогда она обратилась ко всем известным ей пилотам, включая Зозо, с просьбой оказать ей протекцию, но и из этого ничего не вышло.

Однако настойчивые попытки первой французской летчицы все-таки принесли свои плоды: на нее обратило внимание разведывательное управление генерального штаба французской армии — знаменитое 2-е бюро. Дело в том, что Марта — урожденная Бетенфельд, эльзаска, отлично владела немецким языком, что для французской разведки было крайне важно. Руководитель 2-го бюро Ж.Ладу предложил ей поехать в Испанию и там «стать подставой» для германского военно-морского атташе Г.фонКрона. Рише согласилась.

И вот однажды, когда Давришвили находился на парижском аэродроме в ЛеБурже, его неожиданно пригласили к начальнику 2-го бюро капитану Ладу. Расспросив для порядка о его жите-бытье, знакомых летчиках, о его дружбе с Рише, Ладу неожиданно предложил Иосифу сотрудничать с французской военной контрразведкой. Он пояснил, что контрразведка не совсем доверяет «Жаворонку» (оперативный псевдоним Марты), и Зозо как её близкий друг должен следить за ней и докладывать обо всех подозрительных моментах в её поведении, выясняя, не работает ли она на противника.

Вскоре старый знакомый руководителя русской военной разведки П.А.Игнатъева рассказал ему о своем военном крестнике Зозо, которого предложил использовать в интересах России. Он дал Давришвили блестящую характеристику, и Игнатъев пригласил грузина для обстоятельной беседы в бюро на авеню Йены. В разговоре полковник сказал:

— Я знаю ваше революционное прошлое, сержант, и вообще образ мыслей русских революционеров. Вы ведь все против войны. Однако, вступив в ряды вооруженных сил наших союзников, вы тем самым уже нарушили ваши принципы антимилитаризма. А теперь вы предлагаете свои услуги русской контрразведке. Как это понять?

В ответ Иосиф разразился по-грузински эмоциональной речью.

— Господин полковник, — сказал он. — Не надо искать логики в голове лётчика, особенно грузина. Я записался добровольцем во французскую авиацию, чтобы защищать республиканскую страну, на которую напала монархия, желающая растоптать её свободу сапогами своих солдат. Франция предоставила мне убежище тогда, когда я, преследуемый русской политической полицией по всей Европе, нашел здесь свой кров. Теперь я как честный человек возвращаю ей свой долг.

П.А.Игнатъев пришел к выводу о том, что Давришвили может быть полезен русской военной разведке, и решил направить его в Швейцарию с заданием. Давришвили, как грузин, должен был сблизиться там со своими земляками, которые, по данным полковника, работали на Германию, надеясь с её помощью после войны добиться отделения Грузии от России и установления немецкого протектората над ней. По их мнению, Россия плохо кормит Грузию, а богатая Германия возьмет на себя все расходы по её содержанию в знак благодарности за лояльность.

Поскольку Игнатъев располагал надёжной информацией о сепаратистской деятельности этой грузинской группы, выполнение задания Иосифом позволило бы установить искренность его сотрудничества с русской военной разведкой.

Два месяца от агента не было вестей. Граф уже начал подумывать, что Зозо перевербован немцами и находится в Германии. Но Давришвили внезапно появился в его бюро и доложил о выполнении поручения. С собой он привез важные документы, которые не только подтверждали ранее полученные сведения, но и содержали крайне важные подробности переговоров немцев о совместной антироссийской деятельности с этой группой грузинских эмигрантов, подтверждая их связь с германской разведкой.

Из разговора с Зозо Игнатъев понял, что тот одновременно сотрудничает с французской военной разведкой. Выяснилось также, что М.Рише уже активно работает против немецкого военно-морского атташе в Испании Г.фонКрона и нуждается в активных помощниках. Немцу она выдавала И.Давришвили за сержанта Русского экспедиционного корпуса во Франции, бывшего активного революционера, который устал от войны и готов вести пораженческую пропаганду среди своих

соотечественников или же дезертировать из армии. Германский разведчик попросил познакомить его с Зозо.

Переговорив с капитаном Ладу, Игнатъев предложил ему провести совместную операцию по похищению и доставке фон Крона, наносившего большой ущерб интересам союзников, во Францию. В соответствии с составленным планом на помощь М.Рише и Зозо Игнатъев выделял русского шофера Э.Реми. Рише должна была познакомить барона фон Крона с этими «русскими дезертирами», которых он завербует и будет использовать для ведения подрывной пропаганды, а также для совершения диверсий во Франции. Под предлогом получения задания оба русских в сопровождении Марты завлекут немца в укромное место, где он будет похищен и доставлен во Францию по известному ей коридору. Руководить операцией непосредственно в Испании должен был заместитель Игнатъева князь Лещинский-Троекуров. О дальнейшем развитии событий испанская газета «АВС» от 8 июля 1917 года рассказывает так:

«6 июля 1917 года, в 10 часов вечера в окрестностях Мадрида, напротив хорошо известного ресторана “Каса Камора”, что на Куропачьем берегу, произошла довольно серьезная автомобильная катастрофа, несколько участников которой были довольно тяжело ранены.

Автомобиль, двигавшийся с нормальной скоростью, перед этим столкнулся с другой автомашиной, следовавшей во встречном направлении и ослепившей его мощными фарами. В результате автомобиль врезался в телеграфный столб. Жертвами аварии стали следующие лица:

Капитан 2-го ранга Главного военно-морского штаба Императорского посольства в Мадриде, получивший рану выше подбородка длиной 7см и глубиной 3см.

Жозеф Давришеви, уроженец города Гори (Россия), натурализовавшийся во Франции, получивший серьезное ранение.

Шофер Эрнст Реми, русский, получил различные контузии и легкие ранения.

И мадам вдова Рише, девичья фамилия Бетенфельд, родилась в Бламоне (Франция), внутренние кровоизлияния, перелом ноги и общая контузия»4.

Интересно, что за рулем автомобиля, двигавшегося навстречу фон Крону и его спутникам по горной дороге, сидел резидент британской разведки Сикрет интеллидженс сервис (СИС) в Испании, который преднамеренно ослепил водителя и вызвал автомобильную аварию. Для чего было нужно британской разведке сорвать разведывательную операцию своих союзников, до сих пор неизвестно. Свой секрет британская СИС, отмечающая в 2009 году столетие со дня основания, конечно же, никогда не раскроет.

В дальнейшем М.Рише все же удалось скомпрометировать барона, и он был вынужден спешно покинуть Мадрид. Его агентурная сеть в Испании была полностью разрушена французской и русской разведками, и немцам так и не удалось воссоздать ее до конца войны.

Что же касается И.Давришвили, то после возвращения из Испании он был передан французскими военными властями в Российскую авиационную миссию в Париже, где весьма пригодились его знания авиации. В дальнейшем П.А.Игнатъев поручил ему издавать русскую газету, предназначенную для Русского экспедиционного корпуса во Франции.

Тем временем в России совершились события, которые круто перевернули жизнь Зозо. После Февральской, а уж тем более Октябрьской революции положение русской секции

Межсоюзнического бюро становилось все более затруднительным. Вскоре французы предложили П.А.Игнатьеву ликвидировать ее. Все разведывательные организации были распущены, а документация передана по описи во 2-е бюро, где она и находилась до сего дня. Зозо был «засвечен» и опять остался «у разбитого корыта». Надо было начинать новую жизнь. Его ожидали новые испытания: к тому времени был арестован и брошен в тюрьму капитан Ладу, а 2-е бюро в услугах Зозо больше не нуждалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф.10200. Д.1012. Л. 1.

² Там же. Ч. 44. Л. 2.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 7к. Оп. 1. Д.647. Л. 381.

⁴ Там же. Л. 777, 778.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: Жарский Анатолий Петрович —

старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, подполковник запаса, кандидат военных наук (Санкт-Петербург)

П.М. КУРОЧКИН

связь была нужна всем

В первый же день войны линейных рот было всего лишь 5, или 12,5проц. потребности. Линейные колонны гражданских предприятий связи тоже были малочисленны и рассчитаны на устранение случайных повреждений на линиях. Так что обеспечивать связь фронта в первые дни войны пришлось в непростой обстановке. Между тем связь была крайне необходима, поскольку немецко-фашистские войска, перейдя после сильного артиллерийского обстрела и мощного авиационного удара в наступление на всем фронте, сумели прорвать оборону наших соединений и частей на нескольких участках. Командующий фронтом, штаб, начальники родов войск нуждались в данных о положении и состоянии войск, а сведения поступали нерегулярно, с большими перерывами. Связь была нужна всем: кто требовал и угрожал, кто просил, кто просто умолял дать возможность переговорить, передать телеграмму. Выходило так, что чем меньше устойчивость связи, тем больше потребность в ней. Чаще всего командиры были не довольны тем, что с вышестоящей инстанцией связь имеется, а с подчинёнными войсками отсутствует. Вышестоящий начальник требует доклада о положении последних, а ему снизу не могут ничего вразумительного доложить. Так было и на нашем фронте в первые дни войны, впрочем, в последующие — тоже. Хотя следует уточнить, что тяжелое положение возникало только с проводной связью. Что же касается радиосвязи, то она меньше страдала от ударов противника.

Правда, её часто просто не использовали из-за недостаточной подготовленности штабных работников. Некоторые командиры, опасаясь засечки противником работающих радиостанций и установления местонахождения штаба, запрещали развертывать радиостанции вблизи него. На вопрос же: «Почему не держите радиосвязи?» — хитрили: дескать, радиостанции отстали.

Иногда радиосвязь не могла быть использована из-за частого перемещения штабов. Короткими сигналами по радио информацию передавать еще не умели, а для передачи шифрованных громоздких телеграмм не доставало времени. Получалось, что, несмотря на технические возможности, общевойсковые командиры радиосвязью для управления войсками не пользовались.

Имелись, конечно, и другие причины. Например, в некоторых случаях дальность действия технического средства оказывалась меньше расстояния между штабами. Нередко радиостанции уничтожались противником, а то и просто части не были укомплектованы ими.

Сложившаяся к концу первого дня войны обстановка заставляла серьезно задуматься о подготовке связи для штаба фронта из запасных районов, ведь накануне войны в них только намечались места расположения управлений и отделов, а по устройству связи практически ничего не делалось.

В ночь на 23 июня я направил начальника оперативного отдела майора Звенигородского подготовить узел связи в районе Рокишкиса. В его распоряжение выделялись кабельно-шестовая рота под командованием лейтенанта Жабина, некоторое станционное оборудование и радиостанция из фронтового полка связи.

Для подготовки такого же объекта во втором запасном районе выехал мой заместитель полковник Сельков, в распоряжение которого выделить что-либо из технических средств не представлялось возможным. Так что для оборудования узла связи и постройки соединительных линий ему надлежало использовать гражданских специалистов даугавпилсской конторы. Кроме того, нам обещал оказать помощь в транспорте и рабочей силе секретарь даугавпилсского городского комитета партии. Мы очень надеялись на эту помощь, тем более что Сельков лично знал секретаря горкома по совместной работе в Брянске.

Между тем, несмотря на то что противник имел значительное численное и техническое превосходство и наши войска понесли большие потери, Северо-Западному фронту народный комиссар обороны поставил 23 июня следующую задачу: его армиям, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный удар из района Каунаса во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее и во взаимодействии с Западным фронтом 24-го к исходу дня овладеть районом Сувалки. Для выполнения этой задачи командующий фронтом решил силами трех танковых дивизий (две из 12-го и одна из 3-го механизированных корпусов) нанести контрудар по группировке противника, прорвавшейся в стык армии нашего фронта. Стрелковые и мотострелковые дивизии должны были прикрыть районы Шяуляя, Каунаса, Вильнюса.

Чтобы обеспечить управление войсками, мы провели некоторые мероприятия, в частности организовали непосредственную радиосвязь штаба фронта с механизированными корпусами, учитывая то, что каждый из них также мог связываться по радио со штабом своей армии. На случай, если по каким-либо причинам схема будет нарушена или не сработает, предусматривалось установление радиообмена со штабом каждой танковой (механизированной) дивизии. Со штабами 8-й и 11-й армий установленный ранее порядок поддержания контактов не

изменился, но начальники связи армий были предупреждены о необходимости более широкого использования радио.

К сожалению, ни мощного удара, о котором указывалось в директиве наркома обороны, ни контрудара, который надо было нанести по решению командующего фронтом, не получилось.

Танковые дивизии 12-го механизированного корпуса 23 июня к исходу дня в районе Калжиненай и Немакшчай подверглись сильной бомбардировке и вступили в бой с танковыми и моторизованными частями противника. В ночь на 24-е, неся большие потери, корпус (в нем к этому времени осталось всего лишь 35 танков) вышел из боя и сосредоточился в лесах в 15–20 км северо-западнее Шяуляя.

2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса действовала очень энергично. 23 июня она разгромила моторизованный полк противника, уничтожив при этом до сорока танков и такое же количество орудий. Но затем была отрезана от своих войск и, не имея горючего, оказалась в окружении. Командующий фронтом в своем распоряжении командующему 8-й армией указывал: «2-я танковая дивизия находится в окружении без горючего и может погибнуть».

Неудача постигла и стрелковые дивизии, на которые возлагалось прикрытие районов Каунаса и Вильнюса. Войска, развернувшиеся для обороны Каунаса, были обойдены с обоих флангов танковыми дивизиями противника и под ударом его шести пехотных дивизий отходили на Даугавпилс. В это же время оборонявшие Вильнюс войска, атакованные 39-м моторизованным корпусом противника, были вынуждены оставить город.

Таким образом, поставленная директивой наркома обороны задача оказалась не под силу войскам Северо-Западного фронта, несмотря на их самоотверженные действия. Для ее выполнения не было необходимых условий. Попытка решить непосильную задачу привела к тому, что фронт понес большие потери, лишившись своей основной ударной силы — механизированных корпусов. Войска фронта продолжали отходить. 25 июня к исходу дня передовые части противника проникли в полосу их действий на глубину до 120—130 км.

В такой обстановке обеспечить управление войсками было крайне затруднительно. Между отходящими армиями образовался большой разрыв, а штаб фронта, расположенный в районе Паневежиса, оказался на опасном направлении, почти не прикрытом нашими войсками.

Поздно вечером 25 июня начальник штаба фронта приказал мне доложить о состоянии связи в запасных районах.

Докладываю, что в районе Рокишкиса узел связи и соединительные линии почти готовы, а во втором запасном районе, восточнее Даугавпилса, практически ничего не сделано. Находящийся там полковник Сельков полевых средств не имеет, а за счет гражданских предприятий ему ничего не удалось сделать.

— Опоздали мы с вами с подготовкой запасных районов для штаба фронта, — с сожалением сказал Кленов.

— Многое зависело от вашего решения. Если бы несколько раньше наметить районы, то можно было бы в них своевременно подготовить связь, — заметил я.

— Сейчас об этом поздно говорить. Готовьте связь, завтра с раннего утра штаб перемещается в район Даугавпилса.

— Как в район Даугавпилса? Ведь сначала намечалось перемещение в Рокишкис?

— Нет, переход в Рокишкис отпадает. Переходим в Даугавпилс и будем там к вечеру завтрашнего дня. Имейте в виду, что здесь связь снимать нельзя, так как остается оперативная группа, которая будет осуществлять управление во время перемещения штаба.

Скажу откровенно, такое распоряжение меня ошеломило. Положение создалось тяжелое. Не было ни средств, ни времени для подготовки связи штабу фронта из нового района. Пытались кое-что свернуть, демонтировать в Рокишкисе и Паневежисе, но все это были полумеры.

С рассветом 26 июня штаб фронта огромной колонной (более сотни автомашин) выступил из леса восточнее Паневежиса на Крустпилс и далее на Даугавпилс. Вдруг в небе появился немецкий самолет-разведчик. Вскоре он привел шестерку бомбардировщиков. Одна, другая, третья посыпались бомбы на нашу колонну. Несколько машин было подбито, часть из них загорелась. Загрохотали зенитки. Движение колонны прекратилось. Люди побежали в сторону от дороги. Это был наглядный урок, как нельзя перемещать крупные штабы во время войны.

После бомбардировки я просил разрешения у начальника штаба ехать в Даугавпилс отдельно от колонны, мотивируя это необходимостью скорейшего прибытия в новый район для руководства подготовкой связи. Разрешение было получено.

Невеселая это была дорога. В голове одна мысль: как обеспечить связь штабу фронта при крайней ограниченности средств и времени. Надежды на то, что мой заместитель полковник Сельков успел что-либо сделать, откровенно говоря, у меня было мало. Единственно, на что можно было рассчитывать, это на использование гражданских средств даугавпилсской конторы связи. Как бы в дополнение к этим тревожным мыслям приходилось наблюдать следы работы вражеской авиации: воронки на дорогах, поваленные столбы, оборванные провода.

Не доезжая десяти-пятнадцати километров до Даугавпилса, мы оказались свидетелями налета фашистских бомбардировщиков на наш аэродром, который находился недалеко от дороги. До десяти вражеских самолетов безнаказанно делали заход за заходом, поскольку наша авиация была застигнута врасплох настолько, что ни один самолет не поднялся в воздух. Как факелы, пылали машины, полыхали крыши служебных аэродромных зданий.

«Может быть, в этой трагедии есть и наша вина — связистов? — подумал я тогда. — Может быть, связь не обеспечила своевременную передачу сигналов оповещения о воздушной опасности? Ведь получи вовремя информацию о воздушном противнике, наши летчики могли бы подняться в воздух, вступить в бой. А так их самолеты бесславно погибли на земле».

В Даугавпилс я приехал на несколько часов раньше штаба, так как добирался туда по более короткому маршруту и с большой скоростью. В намеченном для расположения штаба районе ничего в отношении связи не было сделано. Полковник Сельков невнятно доложил о том, что местная контора выделила очень мало специалистов. Горком в рабочей силе отказал. С помощью этой группы он сумел только проложить соединительные линии.

Действительно, вдоль дороги на земле было протянуто несколько проводов, но ни одного столба для устройства линии не было не только установлено, но и вообще доставлено на трассу. При таком положении узел связи мог быть готов не раньше чем через три-четыре дня, даже при достаточном количестве рабочей силы.

Единственным реальным средством, как я и предполагал, был телеграф даугавпилсской конторы связи. В подвальном помещении, где она размещалась, оказалась подготовленная резервная телеграфная станция, которую и решено было использовать. Для этого наскоро перевели на ее коммутатор соответствующие каналы, установив таким образом телеграфную связь с Генеральным штабом, с нашей оперативной группой в Паневежисе, а также с Ригой, вблизи которой в это время должен был находиться штаб 8-й армии. Во дворе телеграфа развернули прибывшую из Паневежиса вместе с группой связистов фронтового полка связи полевую радиостанцию. С ее помощью попытались выйти на штаб 11-й армии, находившейся предположительно где-то восточнее Каунаса, и на штаб 27-й армии, передвигавшейся из Риги на Резекне.

К вечеру в Даугавпилс прибыло фронтовое командование. Весь руководящий состав собрался на телеграфе, надеясь получить сведения о положении армий. Информация оказалась очень скудной. От оперативной группы из Паневежиса, к примеру, получили данные о том, что немецко-фашистские войска стремительно продвигаются к Западной Двине в направлении на Даугавпилс. Как бы в подтверждение этому сообщению противник начал обстрел города, а вслед за этим его передовые части вплотную подошли к левому берегу Западной Двины.

Командующий фронтом генерал-полковник Кузнецов скоординировал: «По машинам!» Спешно погрузились. Пытаюсь узнать, куда едет штаб, командующий отвечает: «Следовать за мной. В пути я дам указания». Предупреждаю группу связистов полка, чтобы она двигалась по дороге на Резекне. Дежурному по связи даю указание передать в Рокишкис майору Звенигородскому и в Паневежис полковнику Семенихину пробиваться со всеми средствами через Крустпилс на Резекне. С собой беру одну автомобильную радиостанцию, строго-настрого приказав начальнику станции и шоферу не отставать от моей машины.

Противник продолжает обстрел города. Наконец машина командующего тронулась, остальные — за ней. Непроглядная ночь. Фарами пользоваться запрещено. Движемся с небольшой скоростью. Проехали километров тридцать пять и остановились. Командующий решил разместить штаб фронта в лесу, в трех-четыре километрах вправо и влево от шоссе, и сам стал указывать, какому управлению в какой части леса располагаться. Я пытаюсь доложить начальнику штаба, что здесь располагать штаб нельзя, так как нет никаких средств связи. Пробую убедить его в том, что целесообразнее расположить штаб в районе относительно крупного узла связи (гражданского) в Резекне, что для этого нужно проехать еще 50–60 км. Мои соображения не учитываются. Штаб продолжает устраиваться в лесу.

Радиостанция не отстала от меня ни на шаг. Остальная группа связистов задержалась с демонтажем аппаратуры в Даугавпилсе и еще не подошла. Таким образом, все средства связи штаба фронта в этот момент состояли из одной автомобильной радиостанции (РАТ). Вдруг в лесу я увидел линию проводной связи. Соображаем, как бы её использовать. Среди имущества радиостанции оказался индукторный телефонный аппарат. Включаемся в линию, устанавливаем, что она связывает дом лесника с телефонной станцией Боровая, через которую можно связаться с узлом связи Резекне, а через него — с Москвой. В Резекне, в конторе связи, оказался наш военный представитель. Я дал ему указание срочно обеспечить связь с Москвой. Через некоторое время сообщают, что Москва на проводе. Незамедлительно прошу соединить со станцией наркомата обороны и далее с приемной маршала Шапошникова.

У телефона офицер для особых поручений. Обрадованный, бегу к командующему и докладываю, что установлена телефонная связь с Москвой, с кабинетом начальника Генерального штаба. Командующий, далеко не разделивший мою радость, проворчал:

— Что толку в вашей связи с Москвой, сейчас оттуда потребуют доклада о положении войск. А что докладывать? Связи нет ни с одной армией, что делают войска — не знаем. Разговаривайте с Москвой сами. Вы с армиями мне связь обеспечьте. Это меня больше интересует. Вы же ко мне с Москвой лезете.

— Разрешите доложить: своих средств связи нет никаких, район размещения штаба не позволяет использовать местные средства. Я просил начальника штаба не располагать здесь штаб фронта. Надежды на получение связи из этого района нет.

— Что вы предлагаете?

— Я просил и прошу перевести штаб фронта в район Резекне и указать, где находятся штабы армий, с которыми вы требуете установления связи.

— А черт их знает, где они сейчас находятся! — вскипел командующий. — Передайте начальнику штаба, чтобы штаб через час выступил в Резекне. Но предупреждаю, если в Резекне не будет связи, вам будет плохо.

— Товарищ командующий, мне и сейчас не очень-то хорошо. Средств связи нет, где находятся штабы, даже вы не знаете, а район для размещения штаба фронта выбран, как для наблюдательного пункта командира батальона. Прошу разрешения доложить, что я буду делать все возможное для восстановления связи, но не в силу угрозы, а в силу порученного мне дела.

— Вы любите много рассуждать. С большими средствами связь установить ума большого не требуется. А вот как при ограниченных или даже без них — нужно подумать.

— Мне кажется, решение этой задачи будет таким же, как стрельба из пушек при отсутствии снарядов.

После таких «любезных» разговоров я попросил командующего и начальника штаба разрешить мне выехать в Резекне раньше выезда туда штаба.

В Резекне со связью дело обстояло тоже не очень хорошо, но все-таки лучше, чем в лесу. К тому же в Резекне уже прибыл майор Звенигородский со средствами связи, которые он успел свернуть в Рокишкисе, правда, без кабельно-шестовой роты, которая задержалась для снятия линии в том же самом Рокишкисе. С минуты на минуту ожидалось прибытие полка связи полковника Семенихина из Паневежиса.

С помощью наличных средств была установлена радио- и проводная связь с Генеральным штабом, штабами 8-й и 27-й армий; со штабом же 11-й армии — только радиосвязь, так как этот штаб находился в районе, окруженном противником.

Между тем обстановка на фронте все больше усложнялась. Захват противником Даугавпилса и плацдарма на Западной Двине в районе Крустпилса поставил войска фронта в тяжелое положение. Достаточных сил для противодействия ему на правом берегу реки не оказалось. Ограниченные силы 27-й армии, прикрывавшие это направление, не выдержали удара немецких войск и стали отходить в северо-восточном направлении.

Публикация: МОНАСТЫРЁВА Галли Германовна —

сотрудник Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (Москва)

Н.А. МОНАСТЫРЁВ

«Андреевский флаг спущен, спущен для многих из нас навсегда»

Море было спокойно, легкий ветер покачивал лодку той плавной качкой, которая способна успокоить нервы и дать отдохнуть душе от грустных и невеселых переживаний. Наши дамы, невольные пассажиры на «Утке», вышли наверх подышать свежим воздухом, которого так недоставало внутри. От мыса Фиолент мы легли на так хорошо знакомый нам за время войны курс. Сколько раз я прошел этим курсом, не запомнишь, не пересчитаешь.

Быстро уходили от нас берега красного Крыма, цветущего, богатого сада России. Вот уже не видно их больше. Одна верхушка Ай-Петри еще долго блистала на солнце своим снежным покровом, как будто глубже и ярче хотела врезаться в память, оставив надолго в ней свой тревожный след... Но скоро скрылась и она.

К нашему счастью, погода продолжала быть хорошей, и женщины и дети не страдали от морской болезни. Иначе это могло превратиться в кошмар. Ведь внутри лодки не было свободного пятачка, все сплошь было занято невольными пассажирами. Офицеры и команда ютились, где кто мог.

Ранним утром 8 ноября я подошел к берегам Босфора и поднял на стеньге, согласно приказанию, французский флаг. Войдя в пролив, пошел в бухту Каваки для санитарного осмотра. Там к «Утке» подошел катер с французским офицером для получения различных сведений относительно экипажа и пассажиров. Через некоторое время подошел и катер с врачами всех национальностей. После опроса меня о санитарном состоянии катер отошел. Простояв немногим более часа в Каваки, я получил приказание идти в Серкенджи, что около Галатского моста, где находилась французская военная база. Совместно с «Буревестником», «Тюленем» и АГ-22 «Утка» отправилась по назначению.

При подходе к Золотому Рогу нас встретили французские лоцманы, которые поставили все наши четыре подводные лодки у французской военной базы, тогда как остальные русские корабли проходили на рейд Мода у азиатского берега Мраморного моря. Там они и становились на якорь без права сообщения с берегом. Едва мы успели ошвартоваться и пообедать, как было получено распоряжение идти в баню-поезд, стоявший недалеко от Серкенджи. Сначала были отправлены команда и офицеры, а потом женщины. По возвращении из бани от французского коменданта было получено приказание в продолжение часа собрать необходимые вещи и всем, за исключением командира, одного офицера и двух матросов, отправиться на рейд Мода на один из транспортов. Распоряжение, исходившее от французского адмирала, было совершенно непонятным для нас, но, несмотря на наши протесты, оказалось неоспоримым. Бедные женщины с детьми принуждены были провести по пути на транспорт несколько часов на катере под дождем и в грязи. Зачем нужна была эта жестокость по отношению к ним, осталось неизвестным.

Списание офицеров и команды, тоже совершенно ненужное, произвело на меня еще более гнетущее впечатление. Я сразу почувствовал, что положение наше беззащитное и трагическое.

Вечером на лодку пришли французские офицеры с приказанием сдать оружие, а также снять на лодке рубильники главных электрических станций, окуляры перископов, замки от орудий. Таким образом, неизвестно почему нам, командирам, оставшимся на лодках, выразалось недоверие. Для меня это прозвучало оскорблением. Но где искать защиты, к кому обратиться? У нас не было ни Отечества, ни правительства. На наши протесты комендант базы отвечал, что это приказание и что он изменить ничего не может. Оставалось только покориться и ждать прихода главнокомандующего, который с адмиралом, командующим флотом, находился ещё в Черном море, обходя все порты Крыма, откуда шла эвакуация. И без того мое сумрачное настроение усугублялось еще тем, что я не знал о судьбе моей жены, которая несколько раньше уехала из Севастополя и о которой я не имел сведений.

В течение нескольких дней с утра до вечера мимо нас проходили наши транспорты и военные корабли, наполненные войсками. Все они становились на якорь на рейде Мода. Войска испытывали жажду и голод, пока французское командование не снабдило их водой и хлебом. Здешние «акулы», т.е. торговцы, шныряли между судами в юрких яликах, и изголодавшиеся люди готовы были отдать им все за стакан воды и кусок хлеба.

На третий день после нашего прибытия пришел крейсер «Генерал Корнилов» с главнокомандующим. С его приходом положение дивизиона подводных лодок сразу изменилось. Уже на следующий день команды и семьи были возвращены на лодки. Нас перевели в Золотой Рог и поставили у турецкого адмиралтейства. Затем нам выделили маленький пароход «Заря», куда мы немедленно водворили наши семьи. Это дало возможность привести лодки в порядок и зажечь почти нормальной судовой жизнью.

Вскоре выяснилось, что эскадра будет через некоторое время переведена в Бизерту, а войска расположены в окрестностях Константинополя, в Галлиполи и на острове Лемнос. Главнокомандующий армией генерал Врангель все свои мысли и энергию отдавал на то, чтобы их получше обустроить. Его твердая воля и настойчивость дали возможность продлить существование войскового организма, не позволяя ему превратиться в многотысячную толпу голодных, измученных людей. В свою очередь вступивший в командование флотом всего лишь за несколько дней до эвакуации адмирал Кедров прилагал такие же усилия для сохранения эскадры. Французское командование, похоже, поддерживало устремления генерала и адмирала, считая русский военный и транспортный флот материальным залогом вместо собственных понесенных расходов. Залог этот был внушительным – более ста судов, хотя и затраты на 120 тысяч голодных людей тоже были значительны.

Почти месяц стояли русские корабли на рейде Мода. За это время войска развозились по назначенным им пунктам. Правительство Сербии согласилось принять к себе известное число беженцев, поэтому туда были предназначены несколько транспортов, на которые были погружены желающие ехать в те места. Постепенно суда разгружались от пассажиров, и эскадра начала готовиться к дальнейшему переходу. В Бизерту должны были идти только военные корабли. Транспорты же и другие вспомогательные суда малой частью оставались в Константинополе, а большей отправлялись во Францию. Обстановка, в которой оказались осколки русского флота и армии, нашедшие временное пристанище в Босфоре, была крайне унижительной. Мы чувствовали себя в положении непрощенных гостей, от которых хотели побыстрее отделаться. Осознавать это было тяжело и больно.

За время нашей стоянки в Константинополе все время уходило на подготовку к предстоящему походу. Что касается личного состава, то многие из команды решили остаться. Никакого препятствия этому не делалось, поскольку лучше было иметь пусть неполную команду, но зато такую, в которой можно было быть уверенным.

7 декабря подводным лодкам было приказано выйти из Золотого Рога на рейд Мода, приняв все необходимое для похода с французской базы. Утром пришли французские буксиры, чтобы нас вывести из узкости, но из-за густого тумана буксировку отложили. После же полудня, когда туман рассеялся, мы тронулись своим ходом.

По приходу на рейд Мода в распоряжение дивизиона лодок для семей был выделен пароход «Добыча». Он был так ветх, что мы все долго колебались, прежде чем доверить ему наши семьи. Но выбора не было, причем на судне пришлось производить ремонтные работы.

Уход эскадры назначили на 10 декабря. К этому времени начальника дивизиона подводных лодок капитана 1 ранга Погорецкого сменил командир «Буревестника» старший лейтенант Копьев. Вечером 8-го был получен прощальный приказ по флоту главнокомандующего и приказ командующего эскадрой.

Последний документ примечателен тем, что в нем не только отражена сложившаяся обстановка, но и представлен полностью состав эскадры. Вот почему приведу его почти без сокращений.

«Приказ командующего русской эскадрой 7 декабря 1920 г. Крейсер «Генерал Корнилов»

§1

Французское командование предложило мне в наикратчайший срок перевести Русскую эскадру в Бизерту. Весь личный состав знает, какого напряжения сил потребует от нас предстоящий переход в 1200 миль.

Я уверен, что, несмотря на плохое состояние материальной части, мы выполним поставленную нам задачу.

Для удобства перехода эскадра разделена на четыре группы. Ниже показаны места встреч групп.

Я требую строгого выполнения намеченной программы плавания, и отклонение от нее может быть только с моего разрешения.

Эта программа известна французскому командованию, которое в целях содействия переходу эскадры посылает с нею свои суда. Командиры должны помнить, что наше политическое положение не обеспечивает за нами прав, предусмотренных международными законами: на переходе возможны на этой почве недоразумения, и всякое судно, уклонившееся от моего плана без всякого разрешения, может оказаться в условиях, не позволяющих ему продолжать плавание (отказ в угле, воде, в сообщении с берегом и пр.). Как видно из нижеизложенного, все намеченные пункты будут посещены одновременно с нами французскими военными судами. Приказываю все переговоры с береговыми властями в этих пунктах вести через командиров французских судов. В случае отсутствия этих судов обращаться к французским представителям на берегу за посредничеством, объясняя им значение поднятого на форстеньге всех наших судов французского флага (отдача главнокомандующим генералом Врангелем русского флота под

покровительством союзника — Франции. Приказ главнокомандующего №2193 от 30 октября 1920 г.).

§2

Порядок перехода Русской эскадры с рейда Мода в Бизерту:

1. (Первая группа судов). Эскадренный ход 5—6 узлов. В составе линейный корабль «Генерал Алексеев», транспорт-мастерская «Кронштадт», транспорт-угольщик «Далланд» под командой командира л.к. «Генерал Алексеев» 8 декабря в 9ч выходит с рейда Мода и следует в бухту Наварин, с расчетом пройти Дарданеллы утром 9 декабря.

По прибытии в бухту Наварин линейный корабль принимает уголь и воду с транспорта «Далланд» и дает мазут (по 100 тонн каждому) миноносцам «Пылкий», «Дерзкий» и «Беспокойный», которые к этому времени должны быть там.

По выполнению этого л.к. «Генерал Алексеев» следует в Бизерту. Приблизительно в районе острова Мальта его будет ожидать французский крейсер «Эдгар Кинэ», который и будет его сопровождать в Бизерту. Транспорты «Кронштадт» и «Далланд» следуют соединенно в бухту Аргостолли к острову Кефалония на рандеву со 2-й и 3-й группами эскадры.

2. (Вторая группа судов). Экстренный ход 4—5 узлов. В составе — крейсера «Алмаз» (флаг контр-адмирала Остелецкого), 1-го дивизиона судов: вооруженные ледоколы «Гайдамак» (старший, командир), «Илья Муромец», «Джигит», «Всадник», буксир «Голланд» и на буксире у них соответственно миноносцы «Капитан Сакен», «Гневный», «Зоркий», «Звонкий» и «Жаркий»; 2-го дивизиона судов: транспорт-база «Добыча» (брейд-вымпел), подводные лодки АГ-22, «Буревестник», «Тюлень» и «Утка», буксиры «Черномор» и «Китобой»; 3-го дивизиона судов: посыльное судно «Якут» (старший, командир), канонерские лодки «Грозный» и «Страж», имея на буксире учебное судно «Свобода» и лоцмейстерское судно «Казбек». 9 декабря в 10 ч выходят с рейда Мода и следуют в бухту Каламаки у входа в Коринфский канал. По прибытии в бухту Каламаки 2-я группа судов принимает лоцмана, проходит Коринфский канал и следует в бухту Аргостолли (остров Кафалония). Буксир «Черномор» служит для проводки крейсера «Алмаз» Коринфским каналом.

3. (Третья группа судов). Эскадренный ход 8—9 узлов. В составе крейсера «Генерал Корнилов» и парохода «Константин» идут кругом мыса Матапан в Наваринскую бухту, а затем первый — в Аргостолли, а пароход «Константин» — самостоятельно, идя с расчетом быть позади миноносцев 4-й группы, чтобы в случае надобности им помочь и, придя в Бизерту, подчиниться контр-адмиралу Беренсу.

4. (Четвертая группа судов). Эскадренный ход 11—12 узлов. В составе эскадренных миноносцев «Беспокойный» (флаг контр-адмирала Беренса), «Пылкий» и «Дерзкий» 10 декабря в 17 ч выходит с рейда Мода и следует совместно с третьей группой в Мраморное море, а по получении соответствующего приказания отделяется и идет в Наваринскую бухту, огибая мыс Матапан. По прибытии туда принимает мазут и воду и самостоятельно следует в Бизерту.

5. Распоряжение о выходе в Бизерту судам, которые придут на рандеву в бухту Аргостолли (2-я и 3-я группы судов, транспорты «Кронштадт» и «Далланд»), будет дано мною лично по прибытии в эту бухту.

6. Перед проходом судов второй группы через Коринфский канал французский крейсер «Эдгар Кинэ» придет туда и наладит совместно со мной или контр-адмиралом Остелецким все формальности с греческими властями по проводу наших судов через канал, после чего крейсер пойдет в Аргостолли, а затем в направлении острова Мальта для встречи линейного корабля «Генерал Алексеев». Французская канонерская лодка «Табур» пойдет из бухты Мода совместно с 4-й группой судов и будет ее конвоировать до Наваринской бухты, где отделяется от нее и идет в Аргостолли. Французские миноносцы «Марокен» и «Араб» выйдут навстречу нашим судам из Бизерты.

7. Если выход первой группы судов будет отложен на сутки (на двое), то соответственно переносится момент выхода 2-й, 3-й, 4-й групп на сутки (на двое).

§3

Приложение: Таблица моментов предполагаемого выхода и прихода и рандеву.

§4

Предвидя возможность аварии отдельных кораблей и разлучения их из-за свежей погоды со своими группами, для удобства их розыска приказываю:

1) Всем группам следовать, точно придерживаясь общих путей, а именно: а) в Мраморном море оставить остров Мармара слева, по выходе из Дарданелл оставить остров Рабитт слева в 4—5 милях и следовать прямым курсом в пролив Доро. Идти этим проливом и проливом Зея, откуда судам, идущим в Коринфский канал, следовать в бухту Каламаки, оставляя слева остров Эгина, а идущим в Наварин оставить справа острова С.Георгия и Бело-Пуло, идти между мысом Малеа и островом Китра, затем, огибая мыс Матапан и острова Скица и Сопиенца, идти в Наваринскую бухту; б) на пути в Наварин и порт Аргостолли оставлять остров Занте к западу.

2) В случае разлучения на пути стараться подойти к одному из нижеуказанных пунктов, на которых будет обращено особое внимание при розысках: в Дарданеллах у Чанака; пройдя канал Доро, в бухте Користос.

3) О вынужденном отклонении с назначенного пути отставшим кораблям доносить по радио своему начальнику группы и командующему эскадрой.

§5, 6 и 7

О строе судов, сигнализации и радиопереговорах.

§8

На переходе строжайше соблюдать экономию угля и особенно воды. Последняя взята в самом ограниченном количестве на транспортах «Кронштадт» и «Далланд», а в предполагаемых к

посещению бухтах получить воду нельзя. Пополнения запасов масла и провизии на переходе не будет.

Вице-адмирал Кедров».

10 декабря по сигналу командующего отряды начали сниматься с якорей и выходить в море. Длинной лентой растянулась наша многочисленная вторая группа, по преимуществу состоящая из калек, ведомых на буксире. День был пасмурный, но море совершенно спокойно. «Утка» и АГ-22 шли под своими машинами, так как те находились в совершенно исправном состоянии. Великая армада, казалось, растянулась по всему Мраморному морю, направляя свой путь к далеким незнакомым берегам, закрытым от нас густой пеленой тайн и неизвестности. Что ждет нас там? Что готовит нам вновь жестокая и неумолимая судьба? Никто не мог ответить на это, но чувствовали все, что путь будет тернист. В действительности же получилось, что это были последние дни русской эскадры. Но пережили мы это сполна лишь спустя некоторое время по прибытию на чужбину.

На четвертый день тяжелейшего плавания по штормовому морю, точнее 26 декабря в 18 ч 45 мин, «Утка» вошла в аванпорт Бизерты и отдала якорь. Ранним утром следующего дня прибывший на лодку лоцман повел ее Бизертским каналом к озеру, где против бухты Понти стояли все наши, пришедшие ранее, суда. За это время от Севастополя до Бизерты «Утка» преодолела 1380 миль без поломок и ремонта, все время следуя под своими машинами. Это я должен приписать труду моих офицеров и команды, которые безропотно переносили тяжесть похода, непрестанно думая о скором возвращении к родным берегам. Но судьбе было угодно другое. Почти четыре года простояли мы в тунисских водах с тем, чтобы быть в конце концов принужденными покинуть наши корабли.

Через три дня после прибытия был вызван в Париж командующий эскадрой вице-адмирал Кедров, а его сменил контр-адмирал Беренс. Эскадра стояла в карантине, и поэтому никакого сообщения с берегом не имела. На ней, включая личный состав, женщин и детей, насчитывалось 5600 человек. В начале января всех семейных по группам свезли в дезинфекционный пункт при госпитале Сиди-Абдалла, откуда их направляли в устроенные для их жительства лагеря (Айн-Драгам, Табарка, Монастир, Надор, Рара, Сен-жан, Эль-Эйч), разбросанные по разным местам Туниса. Вслед за семейными были списаны на берег инвалиды и случайный элемент, который находился на эскадре в большом количестве. Кроме того, было объявлено, что все желающие могут вернуться в Константинополь или ехать в Сербию, для чего давался пароход «Константин». Таковых нашлось 1000 человек. Они были уже посажены на пароход, но поскольку их отправка почему-то не состоялась, им предоставили убежища в лагерях Надор и Бен-Негро, что близ Бизерты. Морской корпус, пришедший на линейном корабле «Генерал Алексеев», был размещен в форту Джебель-Кебир и лагере Сфаят, предназначенном для семей.

С первых чисел февраля и до 10 марта все суда поочередно прошли дезинфекцию с применением сернистого газа. Большие корабли вернулись снова на рейд, а миноносцы и вспомогательные суда были поставлены на бочки в бухте Каруба. Подводные лодки разместились в соответствующей французской базе в бухте Понти.

По соглашению с французскими властями командующий эскадрой разрешил желающим списываться на берег для поступления на частные работы или для проживания на свой счет.

Первое время команда уходила на частные работы в весьма ограниченном количестве, но с началом полевых работ списывание на берег по этой причине приобрело массовый характер, несмотря на низкую заработную плату. Вскоре число экипажей эскадры стало ниже даже той нормы, которая была установлена французскими властями по соглашению с командующим эскадрой. Оставшимися на эскадре приводились в порядок корабельные механизмы, производилась подготовка судов к долговременному хранению.

С окончанием полевых работ сотни безработных русских снова устремились в Бизерту для поступления на эскадру, отдельные — в Тунис для приискания там работы. Хороший элемент охотно принимался на корабли в количестве, не превышающем установленной нормы. Тех же, кто не мог быть принят, французские власти по просьбе командующего направляли временно в лагерь Надор, где они ожидали предоставления им работы. Для организации помощи им и другим соотечественникам при эскадре была образована «Комиссия по делам русских граждан в Северной Африке». Но крайне ограниченные возможности в использовании ею денежных средств не позволяли дойти до каждого нуждающегося. Подспорьем являлись пищевой паек, выдававшийся французскими властями, а также поставки кое-чего из белья и обмундирования. Начиная с июня, чинам эскадры стали выдавать даже жалование. Правда, оно было более чем скромно: 21 франк командиру корабля и 10 франков матросу. Этого едва хватало на табак и килограмм сахара.

В июле на транспорте «Кронштадт» вскрылись случаи заболевания бубонной чумой, и он был уведен в Сиди-Абдалла для проведения дезинфекции. К нам он больше не возвратился, а, отправленный в Тулон, оказался включенным в ранге плавучей мастерской в состав французского флота. Транспорт был прекрасно оборудован именно как мастерская, имел богатое обеспечение всякими материалами. С его уходом эскадра лишилась ремонтной базы, что явилось очень чувствительным для нее, поскольку теперь необходимые ремонтные работы приходилось производить примитивными судовыми средствами.

Для продолжения образования молодых офицеров были организованы подводный и артиллерийский классы, поддерживался интерес к морскому делу и морской литературе посредством издания журнала «Морской сборник», который выходил ежемесячно в течение почти трех лет.

В октябре морской префект Бизерты получил приказание сократить личный состав Русской эскадры до 200 человек. Это было равносильно ее ликвидации. Начались переговоры, длившиеся несколько дней, которые закончились тем, что сперва было разрешено оставить 348 человек, а затем, благодаря влиянию вице-адмирала Кедрова и морского агента капитана 1 ранга Дмитриева, удалось удвоить эту цифру. Из-за вынужденных сокращений пришлось закрыть классы, тем более, что молодые офицеры уже успели рассеяться в поисках заработка. Перешел на укороченные выпуски и морской корпус, а относительно оканчивающих его гардемарин начались хлопоты о приеме их в высшие учебные заведения Чехословакии, Франции и других стран.

В конце декабря было получено предложение для русских ехать в Марокко, что побудило покинуть эскадру 113 человек, в числе которых оказались хорошие специалисты: корабельные инженеры, гидрографы, механики и прочие.

В апреле и мае 1922 года, когда русские суда (транспорт «Дон» и теплоход «Баку»), стоявшие в Бизерте, но не принадлежащие эскадре, были проданы французским правительством, появились

слухи и о продаже вспомогательных судов эскадры (ледоколов, буксиров). Впрочем, к тому времени в этом не виделось ничего неожиданного, поскольку подобным образом французское правительство уже обошлось со многими нашими военными транспортами, остававшимися в портах Франции. Вырученные деньги шли на покрытие расходов по содержанию эскадры.

В феврале тот же морской префект прислал письмо командующему относительно необходимости сокращения личного состава к 1 апреля до 311 человек, а к осени его оставалось уже столько, что не приходилось думать о каких-либо занятиях и работах. Людей едва хватало на поддержание порядка и чистоты на кораблях. Зимовать осталось и того меньше — для несения сторожевой службы. Вместе с тем кое-как еще существовал подводный дивизион: на лодках работали машины и производилась зарядка батарей аккумуляторов. Продолжал выходить журнал «Морской сборник», в котором собиралось все, что было интересного и поучительного за время войны.

В конце 1922 года французским правительством были проданы вспомогательные суда эскадры «Добыча», «Илья Муромец», «Гайдамак», «Голланд», «Китобой», «Всадник», «Якут» и «Джигит» и еще несколько военных транспортов, находящихся в портах Франции. В начале 1923-го туда же, во Францию, в порт Марсель, были переведены небольшие вспомогательные суда, вышедшие вместе с эскадрой из Севастополя и остававшиеся до сей поры в Константинополе. Когда же стали распространяться слухи о продаже двух канонерских лодок «Страж» и «Грозный», произошло чрезвычайное происшествие. В ночь с 26 февраля два молодых мичмана с «Грозного» открыли кингстоны и затопили канонерскую лодку в знак протеста против продажи русского военного корабля. Офицеров арестовали и посадили в тюрьму, причем французские власти рассматривали их как большевиков, затем, смягчившись, выслали из пределов Франции и французских колоний как нежелательных лиц. Через некоторое время им была выхлопотана виза в Сербию. Возможно, лучшей участи для таких людей, как и для личного состава эскадры, командующий мог добиться, но при всех его прекрасных личных качествах он был бездеятелен и мало интересовался судьбой подчиненных.

Через две недели «Грозный» был поднят со дна и уведен в Сиди-Абдалла. Расход по его подъему был отнесен на русский счет и обошелся в несколько десятков тысяч франков.

После увода всех вспомогательных судов в бухте Каруба, куда был переведен и подводный дивизион, остались только чисто военные суда. Подводная лодка АГ-22 своими аккумуляторами давала им освещение до самого последнего часа жизни эскадры. А он, этот час, уже был не за горами. Его могло ускорить стремление Польши заполучить наши миноносцы и подводные лодки. Однако французское правительство отвергло эту сделку, заявив: «Старая Россия была честна по отношению к нам, и мы должны быть такими же».

Лето 1923-го прошло без каких-либо событий и перемен, только состав эскадры неуклонно уменьшался. В частности, на четырех подводных лодках остались всего-навсего восемь человек. Несмотря на это, и работы продолжались, и АГ-22 давала освещение. Издание же «Морского сборника», в которое я вложил все, должно было прекратиться к концу года за полным отсутствием средств. Последний номер был выпущен в ноябре.

Невесело встречали мы и очередной год, тем более, что вскоре выяснилось отношение Франции и к новой, Советской России. В мае 1924 года французское правительство начало переговоры с Советами, а 28 октября официально признало их. Это означало, что мы должны были покинуть наши корабли, и мы — ушли...

6 ноября я в последний раз приказал пустить машины для сдачи лодок французской комиссии, назначенной для приемки, с тем, чтобы продемонстрировать их живучесть и исправность всех механизмов. Я сам стоял у электромоторов. Мне самому хотелось услышать, как они прощально зашумят, как вздрогнет корабельный корпус от работы дизелей... Одиннадцать лет я провел на подводных лодках, и мысленно пропускал через свою память, через все свое естество эти годы, подобные струе электрического тока. Кончалась моя карьера не только подводника, но морского офицера вообще. Вместе с ней умирала Русская эскадра.

Тихо в бухте Каруба. Легкий бриз колышет кормовой флаг эскадренного миноносца «Дерзкий». Багровый шар солнца опускается за холмы Африки. Когда верхушка его диска скрылась за горизонтом, белое с синим крестом знамя медленно проползло по древку флагштока. Андреевский флаг спущен, спущен для многих из нас навсегда.

Теплая звездная ночь окутала своим покровом покинутые корабли. Однако в душе пустынно и холодно. Ушло навсегда то, что было любимо, что было дорого.

Бизерта. 1928 год.

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

ПАВЛОВ Александр Петрович —

полковник в отставке (пгт Колпна Орловской обл.)

«ЗДЕСЬ ПРОШЛО МОЕ СТАНОВЛЕНИЕ КАК ШТАБНОГО ОФИЦЕРА» О службе в Группе советских войск в Германии в 1968—1972 гг.

После чехословацких событий 1968 года жизнь вошла в привычное русло, и подошло время очередных фронтовых командно-штабных учений, по легенде которых участвующие в нем стороны обменивались ядерными ударами с тяжелыми последствиями: огромные потери в живой силе, вооружении и технике, радиоактивное заражение местности, лесные пожары, вывод из строя аэродромов и железнодорожных магистралей, разрушение мостов, непроходимость автомобильных дорог.

Как же в таких условиях питать войска боеприпасами? Получается, что нельзя воспользоваться ни железнодорожным, ни автомобильным, ни воздушным транспортом. Нужен транспорт, независимый от наземной сети дорог и от аэродромов, но достаточной грузоподъемности. «Это может быть только дирижабль», — вдруг осенила меня идея. Она настолько захватила меня, что и после окончания учений я не переставал думать о дирижабле. Еще с детства, с довоенной поры я помнил, как эти удивительные аппараты, словно огромные рыбы, тихо проплывали у нас над головой в бездонном небе, поблескивая остеклением гондол.

Из открытой печати мне стало известно, что в США до сих пор содержится в консервации флот из трехсот дирижаблей. У нас тоже было время их бурного строительства, но потом они были вытеснены самолетами.

— Отличная идея, — поддержал меня прибывший недавно по замене из Сибирского округа во второй отдел подполковник Иванов, с которым я поделился своими размышлениями. — Особенно дирижабли пригодятся на Дальнем Востоке, где громадные расстояния, а дорожная сеть практически отсутствует.

Вдохновлённый этой поддержкой, я стал накапливать материал по дирижаблям и к удивлению узнал, что некоторое отношение к этому делу имеет наше родное управление — Главное ракетно-артиллерийское, короче — ГРАУ. В нем, как оказалось, даже существовал некогда воздухоплавательный отдел, который, правда, больше занимался аэростатами. Однажды, проходя мимо книжного киоска, я увидел в витрине некое издание с дирижаблем на обложке. Тут же приобрел его, а когда развернул, удивился, поскольку это был немецкий журнал для легкого чтения «Магазин», причем женский. Тем не менее в нем имелась пространная публикация о дирижаблях. Особенно заинтересовало меня в статье описание конструкции современного воздухоплавательного аппарата: корпус — из высокопрочных эластичных материалов, наполнитель — инертный гелий вместо взрывоопасного водорода, грузоподъемность — сто тонн, скорость — около 100 км/ч, высокоэффективные двигатели. Но ведь это то, что нужно!

Обобщив накопленный материал, я решил доложить свою идею генералу Павленко.

— Где вы предполагаете применять дирижабли во фронтовой операции? — спросил меня Алексей Венедиктович.

— Конечно, они очень уязвимы от огня зенитной артиллерии, — взволнованно стал объяснять я. — Так их и не надо подпускать близко к линии фронта. Лучше всего использовать для переброски грузов от фронтовой тыловой базы до передовых баз.

Затем я стал излагать и другие подробности о дирижаблях, отмечая их слабые стороны: большая парусность и громоздкость, многочисленность экипажа. К примеру, на дирижабле «СССР В-6» были: первый командир, второй командир, первый помощник командира, второй помощник командира, третий помощник командира, четвертый помощник командира, первый штурман, второй штурман, корабельный инженер, старший бортмеханик, пять бортмехаников, бортрадист, бортсиноптик, радиоинженер. Всего — 19 человек...

— Займитесь вы лучше совершенствованием системы непосредственного снабжения войск боеприпасами, — прервал меня на этом генерал.

Вышел я из кабинета начальника обескураженным, однако мечта о воздушном помощнике для боеприпасников осталась, и все публикации об этом замечательном воздухоплавательном аппарате я продолжал читать и накапливать. А однажды на учениях, это уже после Германии, во время службы в Одесском военном округе, я разговорился еще с одним энтузиастом — полковником Дмитриенко, отвечавшим за воинские перевозки, а проще — начальником ВОСО. Эта организация для нас, т.е. боеприпасников, жизненно важна. По существу, свой рабочий день я начинал и заканчивал общением с восовцами: планирование железнодорожных перевозок, внеплановые перевозки, караулы, простои вагонов и т.д. и т.п. И все это мне приходилось решать в тесном контакте с офицерами ВОСО, с которыми у меня сложились хорошие, товарищеские отношения.

Так вот, когда полковник Дмитриенко поинтересовался, нет ли жалоб на его подчиненных-транспортников, я отшутился:

— Транспорта — в избытке. Возим снаряды и автомобилями, и вагонами, и кораблями и... дирижаблями.

— Это хорошо, что дирижаблями тоже, — поддержал шутку Дмитриенко, но неожиданно для меня продолжил разговор в серьёзном тоне. — Дирижабли — транспорт будущего. Сейчас проблема этого вида транспорта — в парусности. Кроме того, для их хранения нужны специальные дорогостоящие ангары. Когда то и другое будет решено, когда конструкторы изобретут складывающийся надувной корпус, мы получим универсальный дешёвый и экономичный транспорт на тыловых коммуникациях. Помню, в Академии тыла и транспорта это нами изучалось...

Однако вернемся в Германию, точнее к событию, изменившему, можно сказать, статус вооруженцев. Словом, мы стали называться «службой». Ведь везде были службы: автомобильная, бронетанковая, медицинская, вещевая, продовольственная. Все, кроме нас. Мы же — управление вооружения. И вот, наконец, подчиняясь традиционному воинскому закону единообразия, появилась Служба ракетно-артиллерийского вооружения, а ответственные вооруженцы, от полковых до окружных, получили наименование и статус соответствующих начальников.

Вошедшее во все документы и закрепившееся во всех уставах нововведение, однако, очень не понравилось генералу Павленко, и он стал звонить в ГРАУ.

— Что вы там придумали? Вам что там, делать нечего? — возмутился он.

Действительно, к сожалению, формальное отнесение вооруженцев в разряд «служб» не дало им ничего, кроме лишнего слова в наименовании должности. По мне же, так старое краткое и емкое название «начальник боепитания» или попросту «начбой» — более полно отражало сущность вооруженцев: нет боепитания — нет и самого боя.

К этому времени поменялось командование Группы советских войск в Германии — прежнего главнокомандующего Маршала Советского Союза П.К. Кошевого сменил генерал армии В.Г.Куликов, что сильно отразилось на гарнизонной жизни. При Кошевом нам жилось относительно спокойно: нас не дергали, работа в основном шла плановая. После окончания рабочего дня мы любили зайти в расположенный напротив штаба киоск «Под березками» и выпить там по бутылочке пива с соленой хрустящей соломкой. Было еще одно заведение, наиболее часто посещаемое обитателями нашего гарнизона, «Рваные паруса».

Новый главком сходу запретил всякое спиртное и снес киоски. Когда на месте «Рваных парусов» зазяло пустое место, неведомый острослов из офицерской молодежи вывесил на «дорогих руинах» плакат с довольно злой надписью: «Враги сожгли родную хату».

Генерал армии Куликов, обладавший прямо-таки вулканической энергией, объявил помимо «антипивной кампании» «борьбу с ожирением». Под страхом сурового наказания он ввел обязательную явку офицеров и генералов на физподготовку в утренние часы по понедельникам, средам и пятницам. Сам же с раннего утра ездил на велосипеде. В синем спортивном костюме, в синей вязаной шапочке с козырьком в сопровождении, тоже на велосипеде и одетого точно так же, своего адъютанта «инспектировал» на большой скорости всю округу.

Не оставил он вне своего неусыпного внимания и наш так называемый придворный склад боеприпасов в Топхине, что вышло нам, можно сказать, боком. Дело в том, что мы унаследовали от вермахта скрытную систему охраны склада, когда техническая территория сливается с

окружающей местностью, а охрана осуществляется секретными блок-постами караульных собак и мобильным караулом. По нашим же, отечественным канонам вокруг склада должны быть ярко освещенный охранный периметр с двумя рядами колючей проволоки, караульные вышки и широкая противопожарная полоса. Поскольку ничего этого в Топхине не имелось, то приметивший это с высоты велосипедного седла главком повелел оборудовать периметр «как положено».

И вот работа закипела. Сначала вокруг склада вырубали широкие просеки, выкорчевали пни и выровняли периметр, а уже потом установили ограждение, вышки, освещение, сигнализацию и прочее. Даже исчез глубокий овраг с северной стороны: на его ликвидацию была брошена мощная землеройная техника, и естественная преграда в конце концов оказалась зарытой. Короче говоря, месяца через два периметр был готов, светился всеми огнями и теперь даже с воздуха был виден как на ладони. Целеуказание для супостата — да и только. К счастью, такой периметр мы оборудовали только в Топхине, а на остальных складах все оставили по-прежнему.

Но это, откровенно говоря, «производственные издержки» деятельного военачальника, приводившего огромный воинский организм к неременному должному порядку. Так, генерал армии В.Г.Куликов любил объявлять войскам внезапные тревоги. Чтобы обмануть оперативного дежурного, зорко следящего за ним, Виктор Георгиевич, не зажигая света, тихо выходил из дома, садился в поджидавшую его в укромном месте машину и уезжал в неизвестном направлении. Внезапно появившись в какой-либо дивизии, он, не давая опомниться дежурному по соединению, тут же объявлял тревогу. Летели, как говорится, пух и перья. Хотя в Германии войска и без того находились в постоянной боевой готовности, в повседневной жизни некоторые все же расслаблялись, и боеготовность от этого, естественно, снижалась.

Взять хотя бы те же боеприпасы, которые, как уже упоминалось, в войсках часто разгружали, освобождая для хозяйственных нужд в ущерб боевым специально выделенные машины. Вот этот-то момент и контролировал главком при внезапных тревогах: приказав пересчитать оставшиеся в хранилищах и боксах ящики с боеприпасами, он одновременно требовал данные о боеприпасах, вывезенных в район сосредоточения. Если оказывалось, что значительная их часть осталась в городке, виновных ожидало суровое наказание. Нужно сказать, что такая методика возымела свое положительное действие, и в войсках перестали заниматься разгрузкой боеприпасов, чего нам раньше не удавалось искоренить.

Вместе с тем для нашего отдела настали непредсказуемо суетные дни.

Однажды главком поднял по тревоге одну из дивизий, в которой никак не могли сосчитать имевшиеся в наличии боеприпасы. Срочно вызвали меня. Через полчаса езды я прибыл в нужное место. То, что я увидел, запомнилось надолго: на пространстве с футбольное поле громоздились ящики с боеприпасами, между которыми с блокнотами в руках сновали офицеры оперативного управления, записывая и считая снаряды, патроны и гранаты. К счастью, большая часть транспорта была еще не разгружена, и колонна «Уралов» с прицепами, похожих в темноте на стадо слонов, дожидалась своей очереди. Операторы при свете луны считали, пересчитывали, путались. Между тем главком требовал доклад, а результатов все не было.

Майор Опалев был уже здесь, и мы вместе с ним, ориентируясь по «гармошке» и разделившись по колоннам, стали проверять наличие запасов. Боеприпасы мы не разгружали — зачем это делать, если уже наизусть знаешь нормы загрузки по каждой номенклатуре? К примеру, в «Урал» вмещалось 188 ящиков патронов, в прицеп — 140; гранат соответственно — 230 и 160; 100-мм

танковых выстрелов — 45 и 34 и т.д. Исходя из этого, мы сверялись по открытым листам и, пересчитывая стопки, довольно быстро уточнили всё, что нужно, составив сводную ведомость.

Между тем назревали изменения и в нашем отделе. Летом 1969 года уволился подполковник Индже. Это только так говорится, что незаменимых людей нет, но в лице Юрия Леонидовича наш отдел лишился исключительно добросовестного, пунктуального и исполнительного офицера. Так что, заменив его формально, я долго ощущал отсутствие рядом многоопытного старшего товарища, стараясь следовать в делах его примеру и пользуясь его запоминавшимися наставлениями, советами, подсказками.

Старший офицер штаба группы войск, обязанности которого достались мне от подполковника Индже, являлся основной рабочей лошадкой, тянущей тяжелый воз вооруженческой работы. Чтобы справиться с ней, мне пришлось появляться в отделе на часок раньше, а уходить попозже. Прибегнул также к помощи вычислительного центра, задумав передать туда учет боеприпасов мелких частей группового подчинения, которых было около пятисот и которые присылали нам отчеты как бог на душу положит. Одни начинали с гранат, другие с 9-мм патронов, третьи еще с чего-нибудь. Форма отчетов тоже была разная: кто склеивал длинную бумажную «простыню», кто сшивал тетради, кто испещрял мелким почерком отдельные листки. Естественно, обрабатывать все это разнокалиберное бумаготворчество было непросто, хотя мой предшественник, легко щелкая на счетах, успевал не только все проверять, но даже писать замечания по каждому отчету. Вычислительные же центры тогда только входили в моду, и еще никто не знал, как к ним подступиться. Мое появление в этом «волшебном неведомом царстве» было встречено даже с энтузиазмом, когда я попросил его сотрудников сослужить для вооруженцев непростую службу: закодировать около сотни номенклатур боеприпасов для мелких частей условными трехзначными цифрами.

Пока программист готовил нужную программу, я отпечатал и разослал в войска формализованные бланки вместе с краткой инструкцией по их заполнению. В итоге помощь вычислительного центра значительно облегчила мне дальнейшую отчетную работу.

Кадровые изменения в нашей службе продолжались: взамен уволившегося начальника 1-го отдела полковника Пиляева назначили полковника Колесникова. Он слыл настоящим вооруженцем: опытным, дальновидным, прошедшим по всем ступенькам нашей непростой службы. Начал он со знакомства с войсками и подчиненными частями. В командировки часто брал меня с собой. Ездить с ним было одно удовольствие: Иван Петрович не мелочился, видел главное, быстро и объективно оценивал положение в частях.

В 1-м отделе появился и новый старший офицер — майор Горбатко. Служил Виталий Васильевич до этого вместе с Колесниковым в Чернигове. Этот тоже был хорошо подготовленный вооруженец. Во время учений мне постоянно приходилось взаимодействовать с ним, и у нас сложились хорошие товарищеские взаимоотношения.

Где-то в начале февраля 1970 года предстояли большие учения с боевой стрельбой под руководством главкома с 3-й армией, из состава которой полностью задействовались 47-я танковая и 207-я мотострелковая дивизии. Штатным снарядом предстояло стрелять, первой из них, т.е. танкистам. Дело в том, что в ходе боевой подготовки те на полигоне использовали штатный осколочно-фугасный снаряд ОФ-11 с укороченной дальностью стрельбы, а боеукладки машин, стоящих в боксах, загружались выстрелами с другим снарядом — осколочно-фугасным марки ОФ-18. Он имел увеличенную дальность стрельбы (свыше 17 км). Словом, нам нужно было

каким-то образом положить в каждый танк по четыре снаряда ОФ-11, но так, чтобы заряжающий не перепутал их с остальными выстрелами. Я мысленно поставил себя на его место: удобнее всего доставать нужный выстрел из левого верхнего угла передней боеукладки, остальную боеукладку опломбировать. Необходимо также для подстраховки наклеить на донную часть гильзы со снарядом ОФ-11 белую полоску. Имелась еще одна проблема: поскольку стрельба наземной артиллерии будет вестись через головы своих войск, пороховые заряды должны соответствовать установленным нормам, обеспечивая тем самым необходимую точность огня, помогая избегать возможных недолетов снарядов. С согласия начальства я лично выехал в Хознляйпиш готовить боеприпасы для наземной артиллерии.

Хорошо на складе боеприпасов! После штабной сутолоки я просто отдыхал и не спеша ходил по территории, подбирая нужные партии выстрелов, которые тут же грузили и отправляли в цех. На потоке в цеху боеприпасы чистили, взвешивали заряды, осматривали и в конце пломбировали ящики. В сопроводительных документах и на каждом ящике написали: «Вскрывать на ОП*, перед стрельбой!». Этой надписью мы страховались еще раз: пороховой пучок мог исчезнуть во время неоднократных перегрузок где-то на пути от склада до огневых позиций, и виновных не найти. А так, если пломба сорвана, — ящик в сторону. В заключение, переписав все данные по боеприпасам в свою записную книжку, я отправился обратно в Вюнсдорф.

Все мои старания чуть было не извел на корню все тот же главком, повелевший ради неожиданности... переложить снаряды ОФ-11 из танков 47-й в танки 207-й дивизии, которой и порекомендовалось стрелять. Это повергло в уныние назначенного старшим по вооружению на период учений полковника Колесникова, так как времени на переукладку не оставалось.

— А переукладывать и не нужно, — пришло мне в голову.

Исходил я из того, что в 47-й танковой — танки Т-62 со 115-мм гладкоствольной пушкой, а в 207-й мотострелковой — Т-55 со 100-мм нарезной. Так что снаряды не подходят...

— Верно! — хлопнул себя по лбу Иван Петрович. — Ты прямо-таки спас меня!

Конечно, главком все это не станет слушать сейчас, в лихорадочной ситуации. Но чтобы не вступать с ним в бесполезные и неуместные объяснения, решили срочно доставить на полигон с ближайшего склада пару машин 100-мм танковых выстрелов со снарядами ОФ-462 и взрывателем МГ-НС-2, предназначенных для стрельбы на полигонах. Если сработать оперативно, то к назначенным «восемь ноль-ноль» можно и успеть подготовить хотя бы одну роту...

Многоопытному Колесникову не требовались дальнейшие подробности. Сразу уловив мою идею, он схватил телефонную трубку, связался со складом и, называя командира по имени-отчеству, поставил ему срочную задачу. Тот же, по всей видимости, давно знал Ивана Петровича, и, уважая его, заверил, что немедленно приступает к погрузке боеприпасов. Довольно потирая руки, Колесников сказал:

— Теперь поедем в двести седьмую. Посмотрим, как они выполняют приказ главкома.

Было уже два часа ночи, когда мы подъехали к КП дивизии.

Комдив генерал Столяров боролся с дремотой в штабной машине в одиночку, склонившись над картой.

— Товарищ генерал, главком приказал вести стрельбу из танков вашей дивизии, — без предисловий сообщил ему Колесников.

— Я такого приказа не получал, — полусонно ответил Столяров, не меняя позы.

На все наши доводы и на все ссылки на начальника штаба он отвечал одно и то же: «Я такого приказа не получал». Ничего не добившись от командира дивизии, мы решили действовать через вооруженцев. Начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения дивизии подполковник Ратьков оказался на месте. Расторопный, боевой, он задачу понял и заверил, что все будет выполнено.

— Главное, — наставлял его Колесников, — выведи своевременно на исходный рубеж танковую роту. Она должна быть готова к стрельбе к восьми часам. А снаряды подвезут...

Остаток ночи мы провели в разъездах и звонках, но в шесть утра уже были на танковой директрисе. В семь часов подошла танковая рота. Из-за того, что машин с боеприпасами еще не было, Иван Петрович заметно нервничал. Вздохнул с облегчением лишь с их появлением в 7 ч 30 мин., оживленно поторапливая разносивших ящики с боеприпасами по танкам.

Ровно в восемь в сопровождении свиты появился главком, конечно же, возмущившийся отступлением от его «тактической задумки». Первый удар принял на себя подполковник Ратьков, оказавшийся в этот момент возле головного танка и четко доложивший генералу Куликову о готовности танкистов 207-й дивизии к стрельбе.

— Снаряды ОФ-11? — уточнил главком.

— Никак нет, снаряды ОФ-462, — последовал ответ.

Куликов удивленно поднял брови и несколько раз, накапливая в себе заряд недовольства, переспросил обещающим грозным голосом: «Так каким снарядом собираетесь стрелять?!».

Тогда Ратьков подбежал к ящику, обдирая пальцы, открыл его, показал маркировку на снаряде и пояснил, что именно этот снаряд идет к 100-мм пушке танка Т-55, стоящего на вооружении 207-й мотострелковой дивизии.

Только теперь Виктор Георгиевич осознал, что его приказ о перекладке снарядов не имел смысла, однако свое недовольство нелепой ситуацией переложил с себя на генерала Якушина. Стрельбы же вообще отменил. Когда после короткой «грозы» он уехал, мы вздохнули с облегчением, а бедный Ратьков стоял потерянно, ничего не понимая.

Однако, как выяснилось позже, генерал армии В.Г.Куликов кратковременным инцидентом не исчерпал заряд своего недовольства. Примечательно, что это не распространилось ни на нас, офицеров-вооруженцев, ни на нашего начальника. Выяснилось это на подведении итогов прошедших учений во время заседания военного совета, проходившего в Вюнсдорфе, в штабе ГСВГ.

Обстановка в зале была наэлектризована: все, нервничая, ждали оценки своих действий со стороны грозного главкома, тем более, что явных ошибок и разных упущений было допущено немало.

Слушания начались с докладов начальников родов войск и служб. Выступили, вернее лишь поднимались на трибуну, пять или шесть человек. Каждый, успев только представиться, тут же прерывался главкомом и отсылался на место. Устыдив таким образом всех потенциальных докладчиков, генерал Куликов свою назидательную речь начал похвалой нашему начальнику:

— Берите пример с генерала Павленко. Сколько ему ни задавали вопросов, он всегда внятно и четко отвечал на них...

За всю многолетнюю службу мне никогда не приходилось слышать таких лестных слов от военачальников в адрес вооруженцев. Причем Алексей Венедиктович Павленко не случайно получил такую высокую оценку: он и впрямь всегда был готов к обстоятельному докладу по всем вопросам службы.

Не обошел своим добрым вниманием грозный главком и меня. В канун Нового года генерал Павленко вручил мне от его имени наручные часы «ЗИМ» с гравировкой на задней крышке: «Инженер-майору Павлову А.П. от Главкома ГСВГ 31.12.1970 года». Были у меня потом и другие ценные подарки и награды, но этот, первый ценный подарок, мне особенно дорог.

Вскоре в нашем отделе вновь произошли изменения: полковника Ждановича назначили заместителем начальника службы РАВ 8-й гвардейской армии, а вместо него отдел возглавил подполковник Ренке. О таком начальнике можно было только мечтать: спокойный, рассудительный, грамотный, с большим стажем штабной работы, Георгий Владимирович знал меня еще с моей лейтенантской поры.

Между тем вопрос создания повышенных запасов боеприпасов в войсках группы вступил в завершающую фазу, и на Ютербогском полигоне было запланировано показательное занятие с загрузкой не только боеприпасов, но и всех материально-технических средств в штатный войсковой транспорт. Прибыв для его подготовки в штаб 14 мсд, я целый день разбирался с цифрами, написанными на огромном плакате, причем непонятные вопросы мне никто не мог разъяснить, и поэтому все расчеты я вынужден был делать заново. Генерал Павленко внимательно ознакомился с моими расчетами и, не найдя погрешностей, утвердил их. По составленной мной черновой схеме чертежник оформил большую обстоятельную таблицу.

Наконец, все готово: транспорт загружен и выстроен на огромном поле колоннами головой к генеральной линейке, возле головной машины каждой колонны — щит с плакатом. Участники сбора, разбившись на отдельные группы, слушали пояснения руководителей занятий по каждой колонне, осматривали каждую загрузку. Им предельно доходчиво была продемонстрирована возможность создания повышенных запасов боеприпасов не в ущерб другим видам материально-технических средств. Такой подход пришелся по душе даже щепетильному в деталях главкому, и он без замечаний утвердил наши расчеты. Отныне в ГСВГ создавались единые для всех дивизий повышенные нормы содержания боеприпасов. Кто участвовал в подготовке и проведении подобных сборов, тот знает, какой груз сваливается с плеч и какое испытывается облегчение после их завершения. А тут еще — радость,жданная и от этого еще больше неожиданная: когда мы снимали со щитов секретные плакаты и схемы, ко мне подошел генерал Павленко.

— Поздравляю с присвоением вам очередного воинского звания инженер-подполковник и желаю всего наилучшего! — с теплотой сообщил он мне эту новость.

В 1971 году подошло время и моей замены. В оставшийся последний год моей службы в Германии особых, примечательных событий не было. Разве что главком, Виктор Георгиевич

Куликов, был назначен начальником Генерального штаба и стал Маршалом Советского Союза. Работа вооруженцев стала после этого спокойнее, и мы теперь больше занимались непосредственным снабжением войск, своими складами и работой с документами.

Дальнейший мой путь лежал в Одессу. Служба же в ГСВГ осталась в моей памяти как довольно насыщенное время: ведь приехал я сюда молодым капитаном, а уезжал опытным подполковником. Здесь прошло мое становление как штабного офицера. Участвуя в многочисленных командно-штабных учениях и учениях с войсками, я получил хорошую оперативно-тактическую подготовку, а постигая науку вооруженца рядом с многоопытными старшими товарищами, такими, например, как Индже и Грибанов, перенял их стиль работы и овладел методикой обеспечения войск боеприпасами. В 1972-м, то есть в год моего отъезда в Союз, Группа советских войск в Германии была еще в расцвете своего могущества, и печально, что ее история завершилась по-иному.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

НИКОЛАЙ I ОТКАЗАЛ НАПОЛЕОНУ III в императорском приветствии

В 2008 году российская общественность отмечает 155-летие начала Крымской (Восточной) войны, итоги которой оказались для нашей страны весьма неутешительны. Так сложилось, что в этом же году исполняется 200 лет со дня рождения одного из главных организаторов антироссийской коалиции — Великобритании, Франции, Турции, Сардинского королевства — императора Франции Наполеона III. Избранный 10 декабря 1848 года президентом Второй республики, он 2 декабря 1851 года с помощью армии совершил переворот, получив единоличную власть, а ещё через год, 2 декабря 1852 года был провозглашён императором под именем Наполеона III. Все 18 лет своего правления он вёл многочисленные захватнические войны, но потерпел сокрушительное поражение от Пруссии в ходе Франко-прусской войны 1870—1871 гг., попал к пруссакам в плен и вынужден был доживать свой век в Англии, где и умер в 1873 году.

Вообще-то, надо признать, что жизнь этого человека, оставившего в истории памятный, хотя и недобрый след, спокойной не назовёшь.

Шарль Людовик (Луи) Наполеон Бонапарт, родившийся 20 апреля 1808 года, был третьим сыном голландского короля Людовика (Луи) Бонапарта, брата Наполеона I, и королевы Гортензии (Богарнэ), падчерицы Наполеона I, к которому Шарль с детства испытывал романтическое поклонение, переросшее в стремление унаследовать славу своего великого дяди. Всю молодость Шарль Людовик провёл в скитаниях: его мать изгнали из Франции, даже несмотря на личное сочувствие к ней Александра I, не пустили в германские государства. Гортензия Богарнэ нашла приют лишь в Швейцарии, где Шарль поступил на военную службу, стал артиллерийским офицером и сразу же втянулся в авантюру, целью которой было освобождение Рима из-под светской власти пап. Авантюра провалилась, и Наполеону пришлось скрываться. В 1836 году во

Франции он попытался организовать восстание, по поддержки не получил и был выслан в Америку. Однако долго в изгнании не пробыл: вернулся в 1837 году, поселился в Швейцарии, снова, используя возникшую волну «Наполеоновского» культа в связи с решением правительства Людовика-Филиппа перевезти тело Наполеона Бонапарта во Францию, попробовал поднять мятеж, но был арестован и просидел блет в крепости Гам, из которой сумел бежать в Англию.

После Февральской 1848 года революции во Франции Наполеон поспешил в Париж. Ортодоксальный монархист в душе, который спал и видел себя по меньшей мере королём, избранный депутатом парламента, он постоянно заявлял, что отказывается от своих претензий на трон, и как верный слуга народа является искренним и горячим республиканцем. Правда, несколько позже, 2 декабря 1852 года он с радостью принял императорскую корону. Европейские державы немедленно признали новую империю; только Россия несколько замедлила своим признанием, и Николай I отказал новому императору в обычном титуле «Monsieur mon frige».

Сначала обстоятельства для Наполеона III складывались благоприятно. Особенно высоко его престиж на родине подняла Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг., хотя никаких дивидендов Франции она не принесла. Вдохновлённый успехом, он в 1859 году начал войну с Австрией, результатом которой было присоединение к Франции Ниццы и Савойи; оказались удачными также экспедиции против Китая (1857—1860), Японии (1858), Аннама (1858—1862) и Сирии (1860—1861). С середины 1860-х гг. начался для Франции ряд неудач. В 1862 году была предпринята экспедиция в Мексику, как бы подражание египетской экспедиции Наполеона I, но она потерпела полнейшее фиаско. Не удалась и попытка в 1863 году организовать вмешательство европейских держав в защиту восставшей Польши. В 1866 году он не понял, какое значение для Франции имела война между Пруссией и Австрией и допустил блестящую победу Пруссии, значительно усилившую этого опасного соседа, что французы вскоре ощутили на себе, потерпев сокрушительное поражение в войне 1870—1871 гг. В районе Седана 2 сентября 1870 года Шалонская армия капитулировала вместе с находившимся при ней Наполеоном III, а 4 сентября Франция была вновь провозглашена республикой. Эти революционные события вылились в конце концов в создание в 1871 году Парижской коммуны, война же окончилась подписанием 10 мая 1871 года унижительного для Франции Франкфуртского мира. Наполеон, освобождённый после этого из плена, уехал в Англию, в Чизльгерст, опубликовав между прочим протест против постановления бордосского национального собрания о его низвержении с престола. В Чизльгерсте он провёл остаток жизни и умер, где и 9 января 1873 года от «каменной» болезни после операции.

Отметим, что в юности Шарль Людовик не был чужд, по крайней мере на словах, идеям социализма и не уставал повторять, что, придя к власти, он будет «опираться единственно на волю и интересы народа и создаст непоколебимое здание; не подвергая Францию случайностям войны, он даст ей прочный мир», и представлялся как истинный и горячий республиканец, который, заняв президентское кресло, сможет «по прошествии четырёх лет передать своему преемнику власть — твёрдую, свободу — неприкосновенную, прогресс — осуществившимся на деле». Он немало говорил также о покровительстве религии, семье, собственности, о свободе вероисповедания, об экономике, о мерах в пользу рабочих. Однако всё это забылось. Получивший власть благодаря содействию клерикальных и реакционных элементов, Наполеон III с самого начала должен был отказаться от своих социалистических и демократических мечтаний. Строго монархическая конституция, в стране, пережившей несколько революций и знакомой с более свободными порядками, могла держаться только опираясь на суровый полицейский гнёт: печать была подвергнута режиму предостережений, суды были орудием исполнительной власти,

парламентские выборы производились под сильным давлением администрации. Намеченные уступки общественному мнению из-за начавшейся конфронтации с Пруссией реализовать при его правлении не удалось. Раздутые сторонниками императора мнимые способности Наполеона III стали резко пробуксовывать, когда пришлось управлять таким государством, как Франция: Наполеон не блистал ни военным, ни административным гением. О.Э.Бисмарк не без основания называл его впоследствии «не признанной, но крупной бездарностью».

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

Зимин Игорь Викторович —

профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Кокарда в русской армии. 1731—1918 гг.

В повседневном обиходе под кокардой понимается отличительный металлический или матерчатый знак установленного образца на форменном головном уборе¹.

Начало истории кокарды (от франц. *Cocardes* — петушиные перья; нем. *Kokarde*) связано с развитием военной формы в королевской Франции, хотя в первоначальном виде кокарды носились еще мадьярской легкой конницей — кроатами в XVII веке. Однако во всеобщее употребление кокарда все же была введена французами в начале XVIII века. Первоначально это был небольшой султанчик или пучок перьев, которыми украшался военный головной убор спереди или сбоку, затем — лента или бант определенных цветов (одного или нескольких) и, наконец, металлический знак в форме кружка или овала под цвет государственного флага. Во Франции кокарды сначала были бумажными, причем разных цветов, но в 1767 году они стали белого цвета. Вплоть до 1789 года белая кокарда являлась одним из символов французской монархии. С началом Великой французской революции (1789—1794) привычная белая кокарда по инициативе М.Ж.Лафайета стала трехцветной — сине-красно-белой, и впоследствии принята как национальная.

В России появление кокарды как элемента военной формы относят ко второй четверти XVIII века, поскольку в ходе реформ Петра I мощный импульс получило развитие военной символики. О времени появления кокард на головных уборах существуют разные мнения. Так, в словаре Даля утверждается, что кокарда белого цвета появилась в русской армии еще в 1700 году. Правда, это маловероятно, поскольку после скоротечной «нарвской конфузии» осенью 1700 года вряд ли было время заниматься столь детальной проработкой элементов военной формы. Так или иначе, но именно при Петре I на военных головных уборах появляется государственная символика. В русской армии, видимо, не ранее 1705 года, стали применяться и меховые гренадерские шапки, на переднем козырьке которых крепилось штампованное изображение двуглавого орла. Достоверно известно, что в 1712 году в Англии был размещен заказ на 12 офицерских и 400 солдатских меховых шапок². По второй версии, кокарды появились в 1720 году, что было связано с

переобмундированием армии. Большинство же исследователей полагают, что кокарда в России впервые была введена в 1732 году в виде банта под названием «российский полевой знак». Бант белого цвета изготовлялся для офицеров из шелка, для унтер-офицеров и нижних чинов — из шерстяного и других материалов. В дальнейшем форма, цвет и материал кокард неоднократно изменялись. Есть и такое мнение: при подготовке Екатерины I к коронации (1725—1727) была учреждена конная рота кавалергардов, шляпы которых обшивались широким зубчатым галуном, а с левой стороны прикреплялся бант из белых шелковых лент и золотая пуговица³. Вот эти банты со второй половины 1731 года и становятся «российским полевым знаком». Так или иначе, можно с уверенностью утверждать, что с 1830-х годов на головных уборях личного состава русской армии появляется кокарда в ее современном понимании.

Первыми белую кокарду на треугольные шляпы получили штаб-офицеры и чины мушкетерских рот. Шляпы нижних чинов обшивались по краю белой тесьмой, а слева помещалась белая кокарда в виде банта из такой же шерстяной тесьмы. Офицерские шляпы обшивались широким золотым галуном, кокарда была шелковая, пуговица на ней золоченая или обтянутая золотым галуном⁴. Отметим, что в XVIII веке сложилось четкое разделение в характере символики, крепившейся на военные головные уборы. «Жесткие» гренадерские шапки, как правило, украшались обильной металлической арматурой, при этом центральное место на них занимали металлические двуглавые орлы. Так, в 1756 году были введены новые гренадерские шапки, изготовленные из пумповой кожи. На переднем козырьке крепился медный налобник с изображением двуглавого орла, окрашенного в черный цвет, а под ним полковой герб и две гренады. В полках, не имевших герба, его заменяли вензелем Елизаветы⁵. «Мягкие» же треуголки, которые носили штаб- и обер-офицеры, украшались матерчатой белой кокардой, которую размещали слева в виде белого банта. При этом, поскольку в XVIII веке военная униформа еще «не устоялась», белая матерчатая кокарда могла быть самой разной: от скромного бантика до пышного банта.

Белая «аннинская» кокарда просуществовала до декабря 1761 года. После вступления на престол Петра III Федоровича (декабрь 1761 — июнь 1762) создается так называемая голштинская гвардия, которая должна у подножия трона сменить русскую гвардию. Именно в голштинской гвардии в начале 1762 года впервые появляется новая кокарда. Унтер-офицерам полагается кокарда из черной ленты с оранжевой полоской по краям, которая крепится с левой стороны шляпы; офицеры носят шляпы с кокардой из черного шелка с оранжевыми полосками, золотой петлицей, кистями на углах и галуном по краю полей⁶.

Черно-оранжевый цвет кокарды Петр III позаимствовал у Фридриха II, перед которым преклонялся, считая его величайшим из полководцев.

Однако правление Петра III длилось недолго. После дворцового переворота в июне 1762 года Екатерина II (1762—1796) восстановила белый цвет имперской кокарды. Головные уборы армейской пехоты с 1763 по 1796 год с левой стороны украшались бантом из белой тесьмы с черной петлей, застегнутой на медную пуговицу. Над бантом крепился белый султанчик высотой 13 см. Но при этом Екатерина II реализовала и «наработки» своего мужа, использовав новую цветовую гамму на ленточке ордена Св. Георгия. И вплоть до настоящего времени «огонь и порох» георгиевской ленты остаются самыми чтимыми цветами в Российской армии.

При Павле I (1796—1801) черно-оранжевые цвета снова вошли в моду. Еще в 1793 году гатчинские кирасиры получили на шляпу кокарду из черной ленты с оранжевыми каемками и медной пуговицей, а офицерский султан «строился» из белых, внизу — из черных и оранжевых перьев⁷. В

1796 году новая черно-оранжевая кокарда была распространена на всю армию. После того как Павел I принял титул гроссмейстера Мальтийского ордена, на кокарде появилась третья, малиновая, полоска. Следует учитывать, что реорганизации Павла I приводили к «пестроте» формы. Так, в армейском Московском гренадерском полку на офицерскую шляпу с левой стороны крепились черный шелковый бант с оранжевыми полосами, золотые пуговица и петлица. На петлицу крепилась восьмиконечная звезда — кокарда. В конце XVIII века подобной кокардой украшались все офицерские шляпы. На шляпах гвардейских кавалергардов имелись две шелковые кокарды: одна из белых лент, другая — из черных с оранжевой каймой. Петлицы, пуговицы и кисти на шляпе были золотыми. Видимо, к этому времени смысл символики русско-прусского союза был утрачен, и Павел I просто восстанавливал «цвета отца», хотя нельзя исключать и прогерманских симпатий императора. Так или иначе черно-оранжевые цвета стали на долгое время одним из символов России. В середине XIX века, для того чтобы стереть «прусский след» из русской военной символики, была выдвинута версия, что эти цвета соответствуют романовскому «черному государственному орлу в желтом или золотом поле»⁸.

После убийства Павла I и восшествия на трон Александра I (1801—1825) малиновая полоска с кокарды исчезла, и вплоть до конца 1814 года в русских войсках вновь использовалась черная кокарда с оранжевыми полосками. В 1814 году, после вступления победоносной русской армии в Париж Александр I добавил к кокарде белую (наружную) полоску, которая символизировала белого или серебряного всадника (Св. Георгия) на древнем Московском гербе⁹. По другой версии, трехцветная (черно-оранжево-белая) кокарда символизировала союз России, Пруссии и Австрии, ставший основой монархической реставрации в Европе.

Следует сказать, что при Александре I трёхцветную матерчатую кокарду, по примеру других стран, начинают скручивать, гофрируя ее. Как видно на парадных портретах, к треуголке крепился не бантик, а гофрированная круглая кокарда из черного шелка с оранжевой оторочкой и пуговицей, на которую пристегивалась галунная петлица у штаб- и обер-офицеров или витой жгут из плетеного шнура — у генералов. Эта достаточно сложная конструкция должна была удерживать пышный трёхцветный черно-желто-белый плюмаж.

Таким образом, к 1815 году в русской армии сложилась классическая трехцветная кокарда: черный центр окружен оранжевой полоской, за которой следует черная полоска, затем опять оранжевая и, наконец, наружная белая. Таковыми были и матерчатые, гофрированные кокарды. Следует отметить, что, несмотря на появление металлических овальных кокард, в армии и на флоте матерчатые гофрированные кокарды продолжали сохраняться.

Предшественником овальных металлических кокард стал так называемый репеек, который в 1803 году появился во французской армии. На киверах, для отличия унтер-офицеров от солдат, использовалась выпуклая, овальной формы деревянная деталь («репеек»), которая фиксировала султан на кивере. У солдат цвет репейки зависел от номера батальона в полку. У всех унтер-офицеров репейки делились на четыре части и окрашивались в белый и оранжевый цвета. В русской армии, судя по дошедшим до нас картинам, репейки появились на уланских касках уже в 1812 году. Репейки на кивера обер-офицеров изготавливались из серебряной канители, а для штаб-офицеров расшивались серебристыми блестками.

Поскольку эволюция русской военной кокарды неразрывно связана с военными головными уборами, следует привести несколько фактов, связанных с появлением так называемых фуражных шапок, или фуражек. В 1809 году нестроевым чинам были даны шапки из темно-зеленого сукна с козырьком, подбородным ремнем и красным околышем, т.е. фуражки. В 1811 году фуражная

шапка рядовых гренадерских полков состояла из тульи темно-зеленого сукна и красного околыша без козырька. Офицерская фуражка имела козырек из лакированной кожи; номера и буквы на околыше не полагались. Если в целом датой появления фуражки в русской армии можно считать 1811 год, то в качестве повседневного головного убора фуражки вводятся в отдельных подразделениях в начале 1820-х годов. Так, в 1821 году кавказскому стрелковому батальону вместо кивера было разрешено носить фуражную шапку с темно-зеленой тульей и черным околышем. С июня 1843 года фуражки надели и нижние чины морского ведомства, проходившие службу в Астрахани. В летнее время им разрешалось носить фуражки с козырьком и белым холщовым чехлом. Затем фуражки стали носить и на других флотах¹⁰. Еще раз следует подчеркнуть, что вплоть до начала XX века офицерские фуражки оснащались козырьком, а солдатским козырек не полагался.

Николай I (1825—1855) всю страну, можно сказать, затянул в мундиры. На роскошных парадных киверах и касках николаевской эпохи крепились не менее роскошные кокарды, как правило, в виде имперского орла. Постепенно матерчатые кокарды на повседневной военной форме выходят из употребления. В 1830-х годах их сменяют штампованные знаки из жести, серебра и мельхиора. С 1844 года металлические кокарды становятся единообразными — продолговатыми трехцветными. Первыми их получают на околыши своих фуражек офицеры гвардейской пехоты¹¹. Следует отметить, что трехцветную овальную металлическую кокарду в конце 1840-х годов часто комбинировали с массивными металлическими орлами на различных головных уборах. Например, с 1845 года овальную трехцветную металлическую кокарду начали носить на киверах. При этом ее крепили чуть выше арматуры двуглавого орла, под короною, чтобы центр кокарды совмещался с серединой короны. Эти овальные металлические кокарды по-прежнему удерживали пышные плюмажи различной формы, фактически заменив деревянный репеек.

В XIX веке начало каждого царствования сопровождалось массовым «переодеванием» армии и государственной бюрократии. Все Романовы тщательно следили за веяниями военной моды, и решения даже по малейшим изменениям в военной и гражданской форме принимались исключительно на высшем уровне. Стены в рабочих кабинетах Николая I и Александра II были буквально покрыты акварелями, изображавшими форму полков русской армии. Акварели дополнялись куклами из папье-маше, одетыми в мундиры различных полков, которыми были уставлены шкафы в кабинетах.

Крымскую войну (1853—1856) русская армия встретила в мундирах, принятых в 1840-х годах. На киверах и касках роль кокард по-прежнему выполняли двуглавые орлы, на фуражках же прочно закрепились металлические кокарды. Например, на картине художника А. Гюбенса «Чины лейб-гвардии Конно-гренадерского полка», датированной 1853 годом, эта металлическая кокарда отчетливо просматривается на фуражке одного из офицеров.

Поскольку в ходе войны ряд подразделений отличились в боях, то по традиции они были удостоены знака «За отличие», который размещался на головном уборе в виде кокарды¹².

В феврале 1855 года начинается царствование Александра II, и уже с 28 мая* рядовые гвардейских пехотных полков получают обмундирование нового образца. Каска остается без изменений, только под правой чешуей добавляется круглая кокарда из жести с одной белой, двумя оранжевыми и двумя черными полосками¹³.

На флоте также появляются подобного рода новшества. С 23 марта 1855 года изменяется форма для офицерского состава. Для адмиралов, штаб- и обер-офицеров вводится шляпа, получившая

название треуголки. На ней крепится традиционная матерчатая гофрированная кокарда с петлицей и пуговицей. 25 ноября 1855 года вносятся изменения и в форму нижних чинов флота: на фуражках стала крепиться жестяная, овальной формы, кокарда с одной белой, двумя оранжевыми и двумя черными полосками. В декабре 1855 года вместо киверов флот получил фуражку с уже утвержденной металлической овальной кокардой, а адмиралы, генералы и офицеры могли носить фуражку без герба, только с металлической трехцветной кокардой¹⁴.

В 1857 году армейские и флотские офицеры получили упрощенный и дешевый виц-мундир для повседневной службы. На виц-мундире и кителе было предписано носить погоны, а не эполеты, которые с этого времени постепенно стали уходить с повседневной формы, оставаясь атрибутом формы парадной. На смену громоздким каскам и киверам повсеместно приходили матерчатые фуражки, соответственно, кокардные орлы сменялись скромной трехцветной овальной кокардой. С 1857 года металлические кокарды ввели и для всех гражданских чиновников, но в отличие от военных, которые носили овальные кокарды, их кокарды были круглыми.

К началу 1860-х годов металлическая овальная кокарда стала украшать все виды армейских головных уборов — кепи, фуражки, шапки. К этому времени сложились три основных вида металлических кокард. Размер их был практически одинаков, отличия заключались в ширине гофрированной чашечки из белого или «золотого» металла. На кокардах для нижних чинов гофрированная «волна» отсутствует, на кокардах для унтер-офицеров она узкая, на офицерских кокардах — практически совпадает с современными стандартами.

3 февраля 1873 года армия переодевается в другую походную форму, частью которой является новая фуражка для рядовых, на околыш которой пришивается кокарда прежнего образца¹⁵. С 8 марта 1872 года кокарда появляется на головных уборах нижних чинов флота. На темно-зеленой фуражке без козырька (бескозырке) с черной лентой по околышу кокарда крепится на тулье, на офицерских фуражках — на околыше.

Металлические овальные кокарды подчас использовались самым неожиданным образом. Например, их крепили на голенищах гусарских сапог образца 1876 года. Причем иногда под кокарду помещали миниатюрную коробочку с ваксой. Следует отметить, что это были не изыски офицерской среды, а формально узаконенное явление.

Таким образом, можно констатировать, что при Александре II было положено начало удешевлению и демократизации военной формы, что вполне вписывалось в контекст его реформ. Эта тенденция продолжалась и при Александре III. Отметим, что скромная трехцветная овальная кокарда пришлась и к месту, и ко времени и в армии, и на флоте¹⁶. К концу XIX века роскошные мундиры сохранила только русская гвардия, которая выполняла преимущественно представительские функции.

В 1907—1908 гг. Николаем II была предпринята последняя в русской армии реформа военной одежды. Наряду с введением практичного и удобного солдатского мундира в ряде гвардейских подразделений восстанавливалась «историческая» форма, характерная для первой половины XIX века. В это время (1908—1914) имперские орлы вновь потеснили овальную кокарду, которая, впрочем, продолжала использоваться в повседневной форме одежды. Например, 5 мая 1907 года кондукторам флота было приказано на околыше фуражки носить офицерскую кокарду.

В ходе реформы ряд подразделений получили весьма оригинальные кокарды. Так, с 21 июня 1909 года кокарду в виде «Адамовой», или «Мертвой головы» получили чины 17-го Донского генерала

Бакланова полка. В 1914 году такая же эмблема появилась у «черных гусар» 5-го Александрийского императрицы Александры Федоровны полка.

С началом Первой мировой войны русская армия оделась в полевую форму цвета хаки, а на всех головных уборах вновь появилась простая металлическая овальная кокарда.

После Февральской революции 1917 года начался процесс смены государственной символики. Приказом по морскому ведомству от 16 апреля 1917 года за № 125, который издал военный и морской министр Временного правительства А.И.Гучков, в числе прочего предписывалось «середины кокарды, впредь до установления фуражки нового образца, закрасить в красный цвет»¹⁷.

Летом 1917 года на флоте получила признание фуражка так называемого американского типа с плоским и прямым козырьком и новой кокардой, которая могла быть как вышитой, так и металлической. Причем, если нарукавные нашивки были золотыми, то и кокарда должна была быть такого же цвета, а якорь серебряным. Так на флоте появилась кокарда — «краб»¹⁸. При этом разрешалось донашивать старые «царские» фуражки, закрасив внутреннюю часть кокарды в красный цвет.

В армии таких радикальных изменений не произошло, за исключением того, что образованные приказом генерала Л.Г.Корнилова от 2 июля 1917 года ударные части получили в качестве кокарды «Адамову голову».

Металлические овальные «перекрашенные» кокарды просуществовали на повседневных армейских головных уборах вплоть до отмены большевиками всех орденов, медалей, чинов и знаков различия русской армии. В белых армиях традиционная овальная трехцветная металлическая кокарда просуществовала всю Гражданскую войну.

Таким образом, за 200 лет армейская кокарда проделала значительный путь в своем развитии: от белого банта, символа незыблемости монархии, к овальной трехцветной металлической кокарде, ставшей к началу XX века привычным и органическим символом российских Вооруженных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В словаре В.И. Даля кокарда определяется как французский бант, лента, сложенная петлями и сборками, собранная кружком тесьма, обычно носится на шляпе и по цветам своим означает подданство или принадлежность к стране.

² **Леонов О.Г., Ульянов И.Э.** Регулярная пехота 1698—1801. М., 1995. С. 40.

³ **Чернушкин А.В.** Русская армия XVIII—XIX веков: 1700—1801: Пехота — Кавалерия — Артиллерия. 1801—1825: Гвардейская и армейская пехота. М., 2004. С. 18.

⁴ **Леонов О.Г., Ульянов И.Э.** Указ. соч. С. 85.

⁵ Там же.

⁶ **Чернушкин А.В.** Указ. соч. С. 46.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Полный свод законов Российской Империи (ПСЗРИ). 2 изд. Т. XXXIII. № 33289.

⁹ По некоторым данным, белый цвет появился на черно-оранжевой кокарде еще в 1805 г. в связи с заключением русско-австрийского союза против Наполеона, по другим — в 1811 г. См.: **Введенский Г.Э.** Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005.

¹⁰ **Доценко В.Д.** Русский морской мундир. 1696—1917. СПб., 1994. С. 62.

¹¹ **Чернушкин А.В.** Указ. соч. С. 60.

¹² Например, 7 рота 34-го пехотного Севского полка, 28-й пехотный Полоцкий полк, 32-й пехотный Кременчугский полк, 52-й пехотный Виленский полк.

¹³ **Чернушкин А.В.** Указ. соч. С. 94.

¹⁴ На многочисленных изображениях адмирал П.С. Нахимов, герой обороны Севастополя, как правило, представлен в офицерской темно-зеленой фуражке, которая имела три белые выпушки, узкий околыш, высокую тулью и круто опущенный книзу лакированный черный козырек. На околыше фуражки — овальная металлическая кокарда. Следует заметить, что адмирал П.С.Нахимов, смертельно раненный в голову, умер 30 июня (12июля) 1855 года, а адмиралам было разрешено носить подобную фуражку только с 13 декабря 1855 г. Следовательно, если Нахимов и носил фуражку, в которой он изображен на хрестоматийном портрете, то только в нарушение утвержденной тогда формы одежды (См.: **Доценко В.Д.** Указ. соч. С. 82).

¹⁵ **Чернушкин А.В.** Указ. соч. С.104.

¹⁶ Для описания кокарды к этому времени появилась специальная терминология: рядовым была присвоена кокарда с выштампованными ободками (2 черных, 2 оранжевых — на фото ободок красный, что было принято в казачьих частях, — и по краю мельхиоровый); у унтер-офицеров внешний ободок зернистого металла имел окантовку из крупных зерен; на кокарде офицеров и прапорщиков оранжевый цвет заменялся на золотой, а наружный ободок выполнялся в виде сияния (См.: **Ленов О.Г., Ульянов И.Э.** Регулярная пехота 1855—1918. М., 1998. С. 176).

¹⁷ **Доценко В.Д.** Указ. соч. С. 142.

¹⁸ Там же. С. 144.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ПОПОВ Александр Викторович —

подполковник внутренней службы, кандидат исторических наук, доцент (г. Владимир)

Офицерская честь в русской армии XVIII — начала XX века

В XIV—XVII вв. начальствующий состав русской армии занимал должности в соответствии с системой местничества, основанной на приоритетном учете родового происхождения,

служебного положения и заслуг предков. В связи с этим то и дело возникали споры, кому и какую воинскую должность следует занимать, следуя «месту» в боярской иерархии. Конечно, присутствовала и такая важная составляющая «должного места», как стремление не уронить славы и чести рода, фамилии. Но всё же превалировали честь-гордыня, боярская амбициозность, за которыми далеко не всегда стояли качества, соответствовавшие требованиям к военному профессионалу на поле брани. В 1682 году царь Фёдор Алексеевич отменил систему местничества, велел уничтожить разрядные военные книги, тем не менее во многом эта система фактически продолжала действовать.

Уважая родовую честь, но стремясь подчинить её интересам государства, Пётр I на первое место решительно поставил честь профессионально-должностную, корпоративную, отражавшую личные способности и личные заслуги человека на порученной ему должности. Вводя «Табель о рангах» (1722), Пётр заботился о том, чтобы представления о «должной чести» в большей мере определялись местом дворянина в служебной иерархии («чином») и личными заслугами на службе Отечеству. Царь подчёркивал: «Надлежит каждого офицера и унтер-офицера главным генералам в... делах искушать и на поле оным велеть так делать порознь, якоб к самому делу, и потом паки вкупе; и ежели который в том неискусен явится, а нижний лучше учинит, то верхнего сводить на низ, а нижнего на верх, чрез которую юстицию у всех охота и страх прирастет; кто же в том станет манить, и тот во время может своею головою заплатить»¹. Следует отметить, что это требование Петра на практике все же редко выходило за пределы регулирования военно-служебной иерархии дворян, так как обновление начальствующего состав русской армии за счет выходцев из непривилегированных сословий было крайне редким².

Честь офицерского корпуса России в XVIII веке не стала только корпоративно-профессиональным явлением, отдельным от фамильной чести каждого офицера: представления об образе поведения формировались в раннем детстве и подразумевали, безусловно, гордость за своих предков и свой род. Попадая в полк, офицер должен был доказать соответствие его родовой чести чести полка и таким образом пополнить офицерскую корпорацию. Следовательно, характеризуя офицерскую честь в послепетровское время этого периода, надо говорить о синтезе родовой и корпоративной чести. При этом роль и значение корпоративно-профессиональной составляющей офицерской чести постепенно возрастали.

Корпоративная честь подразумевала в первую очередь честь полка. «Полковнику честь и право полку своего весьма удерживать, во всяком случае, стараться, — писал П.А.Румянцев в «Инструкции пехотного полку полковнику...», — однако ж при том за всякую мелочь шуму и ссор с начальниками не вчинять, но порядочно и вовремя о всем том представлять, что чести полку, следовательно и его собственной, к предосуждению следовать будет»³.

Личная и корпоративная честь была единым целым, и поведение одного человека могло возвысить или оскорбить весь полк: «честь, заслуженную полком, каждый старается переносить и на себя», — писал в инструкции ротным командирам С.Р.Воронцов⁴. Таким образом, формируется представление о должном поведении дворянина, отступая от которого, он роняет в глазах окружающих честь не только свою или своего рода, но и своего полка, мундир которого он носит, и — в конечном счете — честь всего дворянского сословия. Понимание этого было связано с осознанием того, что дворянство как привилегированное сословие должно отличаться благородным поведением.

Г.Р.Державин свое представление о чести дворянина выразил в стихах:

Что наше благородство, честь,

Как не изящности душевны?

Я князь, коль мой сияет дух...5.

Основой честного поведения офицеров считалось соблюдение взятых на себя обязательств, своего слова. Служба офицера начиналась с присяги, совмещавшей религиозную клятву, обязательство в личной преданности императору и честное слово, данное своим товарищам. Для офицера безусловно обязательным было любое данное им слово. Честь дворянина выражалась в том, что «исполненный чистосердечия, гнушается он ложью; прямой душою рушит замыслы двуличных; ...честь и честность составляют его особенные качества»6 (А.В. Суворов).

В числе моральных ценностей военных профессионалов присутствовало еще одно качество, необходимое военному человеку вообще, а благородному воину, дворянину в особенности. Это — храбрость. Петр I писал: «...Всему мать есть безконфузство, ибо, кто его не блюдет, тот всегда без прекословия потеряет, ибо сие едино войски возвышает и низвергает, чего всякому офицеру, паче живота своего, хранить достоит...»7. А.В.Суворов, продолжая мысль Петра Великого, также начинал характеристику офицера с его храбрости и мужества8. В «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения, 17июня 1812года» его автор командир 12-й дивизии М.С.Воронцов, писал: «Долг чести, благородства, храбрость и неустрашимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны, храбрость ничем на свете заменить не может: кто во себе не чувствует уверенности, что страх им в деле не овладеет, тот должен немедленно оставить службу и в обществе офицеров 12-й дивизии терпим быть не может»9.

Честь офицера-дворянина в общественных условиях России защищалась и с помощью такого средства, как дуэль, что стало характерно с конца XVIIIвека. В это время утверждались формальные правила поединка, а, главное, общественное мнение однозначно считало дуэль делом необходимым и неизбежным. Хотя поединки оставались противозаконными, дворянин, стремясь на дуэли отстоять свою честь, не только следовал требованиям общественного мнения, но и отстаивал собственное достоинство, в основе которого лежало самоуважение.

Развитие чувства собственного достоинства, по единодушному мнению офицеров XVIII — начала XIX века, было немыслимо без честолюбия. С XVIII до начала XX века это качество претерпевало существенные изменения. С.Р.Воронцов разъяснял ротным командирам: «Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, то в то же время оно отличается от них неоспоримой честью и славою... все это должно возможно чаще повторять и твердить солдатам; следует прилежно стараться вкоренить в них возможно более честолюбия, которое одно может возбуждать к преодолению трудов и опасностей и подвигнуть на всякие славные подвиги»10.

Для военного профессионала в XVIII веке одним из основных стимулов его деятельности было стремление к славе. Г.А.Потемкин считал необходимым воспитывать солдат тем, что «наибольшее отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость»11. Стремление к славе у русских солдат развивал и А.В.Суворов. По его мнению, послушание необходимо, чтобы каждый солдат освоил свою профессию, но только честолюбие позволит достичь совершенства12. Суворов советовал юноше-дворянину: «Выбери себе героя, догоняй его, обгони его!»13.

Честолюбие военного человека предполагало не только его стремление к наградам. Так же, как и на ранних этапах истории русского профессионального военного корпуса, честь и слава, заработанные на поле боя, оставались статусными категориями. Они не только обеспечивали герою ту или иную долю почестей, но и предполагали соответствующее поведение: ожидалось, что он останется героем и впоследствии, выполняя самые трудные и опасные задания командования.

Однако понимание честолюбия как простого стремления к славе, известности и почестям для русских офицеров являлось совершенно недостаточным. Высшим воплощением чести для них, начиная с XVIII века, были достоинство и слава России. «Я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию»¹⁴, — писал А.В. Суворов. Полководец всегда стоял на страже боевой чести и славы России. Наиболее ярко это стремление проявилось при штурме Измаила. В приказе Суворова накануне штурма говорилось: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам надлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою»¹⁵.

В Швейцарском походе 1799 году, оказавшись в ловушке в Муотенской долине, А.В. Суворов обратился к солдатам: «Идти назад... стыд! Это значило бы отступить... а русские и я никогда не отступали!.. Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире: мы на краю пропасти!.. Но мы русские!»¹⁶.

Поколение офицеров, выросших на рассказах о подвигах Суворова, в полной мере оправдало надежды, возлагавшиеся на них великим полководцем. 2 июня 1807 года, во время русско-прусско-французской войны отряд Н.М.Каменского, занимавший Кёнигсберг, был окружен французскими войсками. 5 тысяч русских были окружены 30 тысячами французов. Последние предложили Каменскому капитуляцию на самых почетных условиях. «Удивляюсь, — ответил тот французскому генералу. — Вы видите на мне русский мундир и осмеливаетесь предложить сдачу!»¹⁷. Ценой невероятных усилий русский отряд сумел вырваться из окружения.

Личным бесчестьем русские офицеры считали военные поражения России. Чрезвычайно болезненную реакцию вызвало отступление русской армии перед Наполеоном в 1812 году. Д.С.Дохтуров писал жене: «Я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас!.. Какой стыд для русских покинуть столицу без малейшего ружейного выстрела и без боя... Какой позор!..»¹⁸. П.И.Багратион с горечью писал А.П.Ермолову: «Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже австрийцев и пруссаков стали»¹⁹. Победы же в сражениях с наполеоновской армией русские генералы и офицеры рассматривали прежде всего как свидетельства чести и славы России.

Таким образом, в XVIII — начале XIX века офицерская честь являлась одним из важнейших моральных источников, питавших русскую армию. В этом понятии воедино сливались родовая честь, личное достоинство, военно-профессиональная гордость, честь и слава Российского государства.

¹ Учреждение к бою // Русская военная мысль. XVIII век. М.; СПб., 2003. С. 31.

- ² См. подробнее: **Фаизова И.В.** Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 48.
- ³ **Румянцев П.А.** Инструкция пехотного полку полковнику, с приложением форм, штатов и табелей // О долге и чести воинской в российской армии: Собр. материалов и статей. М., 1990. С.34.
- ⁴ Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунктах, состоящая на 13 листах // Там же. С. 38.
- ⁵ **Державин Г.Р.** Вельможа // Русская литература XI—XVIII вв. М., 1988. С.360.
- ⁶ **Суворов А.В.** Письма. Изд. подгот. В.С. Лопатин. М., 1986. С.260.
- ⁷ Учреждение к бою. С. 31.
- ⁸ **Суворов А.В.** Письма. С. 257.
- ⁹ **Воронцов М.** Наставление господам пехотным офицерам в день сражения, 17 июня 1812 года // Воен.сборник. 1902. №7. С.244.
- ¹⁰ Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова... С. 38.
- ¹¹ Ордер князя Г.А. Потемкина-Таврического господину генерал-аншефу и кавалеру Александру Васильевичу Суворову. Декабря 18 дня 1788 г // О долге и чести воинской в российской армии. С. 36.
- ¹² «От послушания родитца попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский распорядок» (Полковое учреждение // Суворов А.В. Документы: В 4 т. М., 1949. Т.1. С.98).
- ¹³ История Князя Италийского, Графа Суворова-Рымникского, Генералиссимуса Российских войск. Сочинение Н.А. Полевого. М., 1890. С. 281.
- ¹⁴ **Суворов А.В.** Письма. С. 25.
- ¹⁵ Цит. по: **Петров А.Н.** Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, 1787—1791 гг.: В 2т. СПб., 1880. Т. 2. С. 179.
- ¹⁶ Цит. по: **Старков Я.М.** Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 214, 215.
- ¹⁷ **Керсновский А.** Качества военного человека // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально–психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 373.
- ¹⁸ Д.С. Дохтуров — жене. 31 сентября // К чести России. Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 94.
- ¹⁹ П.И. Багратион — А.П. Ермолову. 7 июля // Там же. С.51.

Каморников Виктор Фёдорович —

подполковник запаса (Москва)

«ДОСТОИНСТВО ХОРОШЕГО ОФИЦЕРА... ОБУСЛОВЛИВАЕТСЯ ХОРОШЕЙ НРАВСТВЕННОСТЬЮ» Воспитательная работа в юнкерских училищах во второй половине XIX века

Дать каждому офицеру не только хорошее специальное военное образование, но и воспитать патриота, привить молодому человеку высокие нравственные качества — это постоянная забота командно-преподавательского состава всех военно-учебных заведений, причем как нынешних, так и прежних, функционировавших ещё в досоветский период. На довольно высоком уровне была поставлена воспитательная работа в юнкерских училищах, первые из которых — Московское, Виленское, Гельсингфорское и Варшавское — были открыты еще в 1864 году. Надо отметить, что власти возлагали на них большую надежду как на кузницу младших офицерских кадров.

«В юнкерских училищах, — отмечал военный министр Д.А.Милютин, — заключается будущность нашей армии. Если учреждение их удастся на практике, то армия будет обеспечена строевыми офицерами со степенью развития, достаточною собственно для служебных целей. Прочие военно-учебные заведения имеют другие цели, но поднятие нравственного и умственного уровня в массе офицеров мы должны ожидать именно от юнкерских училищ»¹.

Требования к общеобразовательной подготовке абитуриентов в юнкерских училищах по сравнению с военными училищами были несколько ниже: на учебу принимались юноши, окончившие военные прогимназии со сроком обучения 4 года, реальные или городские училища и другие учебные заведения, дававшие неполное среднее образование. В юнкерских училищах обучались представители всех сословий, создавались они, как правило, при штабах военных округов и предназначались для получения военного образования в объеме, необходимом младшим офицерам, унтер-офицерам и вольноопределяющимся перед производством их в офицеры.

Учебная программа училища разделялась на два класса — младший (или общий) и старший (или специальный) и была рассчитана на два года: в течение первого юноши изучали общеобразовательные предметы, а на втором году — специальные.

Внутренний распорядок и учебно-воспитательный процесс в училищах строился в строгом соответствии с существовавшими законами и правилами внутренней службы войск, а также Положением о юнкерских училищах (1868 г.) и Инструкцией юнкерским училищам (1871 г.).

Наряду с обучением большое внимание в юнкерских училищах уделяли вопросам воспитания. В первые годы деятельности юнкерских училищ командиры и преподаватели в воспитательной работе руководствовались правилами кадетских корпусов. С изданием в 1869 году свода военных постановлений, содержащего отдельные положения и о нравственном воспитании, эта работа стала строиться более целенаправленно. В Инструкции юнкерским училищам уже имелся специальный раздел, посвященный проблемам воспитания. В нем отмечалось, что юнкерским училищам «вместе с заботами о военном образовании юнкеров, необходимо иметь постоянное

попечение и о нравственном их развитии, дабы каждый юнкер, достаиваемый училищем производства в офицеры, сознавал, что достоинство хорошего офицера, независимо от научных познаний, обуславливается хорошей нравственностью, благородством в образе мыслей, вежливым обращением с другими, точным и беспрекословным исполнением предписаний начальства и строгим соблюдением всех своих обязанностей»². В последующем, с выходом «Инструкции по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий» (1881 г.) физическое и нравственное воспитание будущих офицеров строилось в основном с учетом ее требований.

Своеобразным рубежом в повышении уровня воспитательной работы в военно-учебных заведениях стало обращение (1881 г.) к народу императора Александра III с манифестом, в котором государь призвал «...всех верных подданных наших служить нам и государству верой и правдой, к утверждению веры и нравственности и к доброму воспитанию детей»³. В последующий период забота по «укреплению в своих воспитанниках веры и нравственных начал и к доброму их воспитанию на этих началах» стало «основной чертой, характеризующей постановку и направление воспитательного дела» в военно-учебных заведениях⁴.

Командный и преподавательский состав для юнкерских училищ подбирался весьма тщательно. Офицеры, направлявшиеся в училища из армии, проходили строгий конкурсный отбор. Как на занятиях, так и вне занятий юнкерам постоянно разъяснялось, что они обязаны не только хорошо учиться, но и быть дисциплинированными, соблюдать правила поведения в расположении училища и в общественных местах во время отпуска (увольнения из училища в город), иметь высокую нравственность. Будущим офицерам на учебных занятиях, в ходе различных бесед прививалось глубокое понимание сущности воинского долга, воспитывались чувства патриотизма, товарищества, разъяснялась необходимость соблюдения правил воинской субординации и чинопочитания, делались религиозно-нравственные поучения.

Важную роль в воспитательной работе играли дисциплинарные комитеты училищ, действующие под председательством начальника училища в составе инспектора классов, его помощника, батальонного командира, законоучителя и строевых офицеров. Здесь обычно обсуждались проступки провинившихся юнкеров, меры поощрения отличников по поведению, организация досуга юношей. Что касается поведения, то юнкера подразделялись на три разряда: все поступавшие сначала зачислялись во второй (средний) разряд, затем, в зависимости от дисциплины и поведения, переводились по решению дисциплинарного комитета и приказа начальника училища в первый (высший) или третий (низший) разряд, при этом некоторые продолжали оставаться во втором.

В первый разряд попадали те юнкера, «которые в течение значительного времени испытаны в сознательном понимании дисциплины и в постоянном усердии к добросовестному исполнению своих обязанностей и которые не только тверды в правилах нравственности, но, отличаясь основательным характером и благородным образом мыслей, приобрели полное доверие начальников и такое уважение товарищей, что могут иметь на последних благотворное влияние»⁵.

Во втором разряде оставались юнкера, хотя и доказавшие, что они усвоили правила дисциплины и усердно исполняют свои обязанности, но все же допускавшие проступки, причем «не вследствие дурных наклонностей, а единственно от неустановившегося еще характера». В третий разряд переводились те, «которые по легкомыслию и наклонности к дурному с неуважением относятся к обязанностям службы и не показывают желаний исправиться»⁶. Третьеразрядники несколько ограничивались в правах, например, на увольнение в город, а если в течение полугода не

исправлялись, то могли быть отчислены из училища на срок от года до двух, или вовсе исключались. Более того, третьеразрядники-выпускники не представлялись к производству в офицеры. Следует отметить, что эти дисциплинарные меры носили достаточно действенный характер. Вполне естественно, что каждый серьезно провинившийся старался побыстрее исправиться.

Особое внимание в юнкерских училищах уделялось организации воспитательных мероприятий в свободное время. С этой целью проводились литературные вечера, концерты, устраивались спектакли, танцы, спортивные состязания и т.д. В некоторых училищах в праздничные дни и по вечерам практиковались катание на коньках, ходьба на лыжах, игра в шахматы и т.п.

Поддержанию должной дисциплины и, следовательно, улучшению воспитательного процесса способствовал также четкий распорядок дня, выполнять который обязан был как переменный, так и постоянный состав училища. Важную роль в решении этой задачи играла дисциплинарная практика, включавшую в себя систему мер поощрения и наказания. На юнкеров распространялись следующие виды поощрения: благодарность, объявленная перед строем или в приказе по училищу; перевод в высший разряд по поведению; назначение на должности младшего или старшего унтер-офицера, фельдфебеля, вахмистра или старшего урядника и производство старшекласников в портупей-юнкера. Что касается мер наказания, предусмотренных Уставом внутренней службы, то строго пресекались самые незначительные отступления от требований уставов и инструкций, а также распорядка дня и дисциплины строя. Естественно, особое внимание обращалось на отклонения от нравственных норм: грубость, оскорбление чести товарища, обман, воровство, пьянство, нарушение чинопочитания. Можно было понести наказание за порчу и утрату казенных вещей.

Наиболее типичными взысканиями являлись наряд на службу и неувольнение со двора (училища), а также выговоры в приказах и замечания в штрафных журналах⁷.

Основными ежедневными воспитателями юнкеров являлись младшие офицеры, которые в ходе преподавания уставов и проведения строевых занятий вели наблюдение за поведением юнкеров, стараясь добиваться их нравственного усовершенствования «как будущих начальников над солдатами, строго преследуя уклонения от долга службы, нарушения дисциплины и проступки, несовместимые с достоинством военного чина и честью гражданина»⁸. Каждый офицер обязан был иметь подробные сведения о юнкерах своего взвода и вести отчетность о совершенных ими проступках.

По окончании обучения в училище юнкера возвращались в свой полк и производились в офицеры по представлению начальства. Обычно после лагерного сбора юнкера, выпущенные по 1-му разряду, производились по представлению начальства независимо от наличия в полку вакансий, а выпущенные по 2-му разряду — только на вакансии, которые приходилось иногда ждать по несколько лет.

В целом юнкерские училища за период с 1865 по 1880 год выпустили 17538 офицеров, а в последующие 20 лет — еще 25766, в том числе было подготовлено 3480 офицеров с военно-училищным курсом⁹. Однако армия требовала все большее количество младших офицеров с высоким уровнем специальной и общеобразовательной подготовки. Так, начальник Санкт-Петербургского юнкерского училища в одной из записок писал: «Хотя командиры полков в общем довольны тем типом офицеров, который вырабатывается в юнкерском училище, и хотя многие из воспитанников занимают теперь ответственные посты начальников отдельных частей, но все же

юнкерские училища при своей теперешней программе вряд ли могут удовлетворять строгим требованиям современного положения военного искусства»¹⁰.

В 1903 году юнкерские училища переводятся на трехлетний срок обучения со значительным увеличением объема программ, одновременно продолжается их преобразование в военные училища, завершившееся к 1911 году.

Несмотря на некоторые недостатки в профессиональной подготовке своих выпускников, юнкерские училища сыграли положительную роль в формировании русского офицерского корпуса, дав военное образование всем офицерам сухопутных войск¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1864г. СПб., 1866. С. 24.

² Приложения к систематическому сборнику приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба. СПб., 1883. С.486.

³ Столетие Военного министерства. Т. X. Ч. III. С. 120.

⁴ Там же.

⁵ Приложения к систематическому сборнику приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба. СПб., 1883. С.487.

⁶ Там же.

⁷ **Бобровский П.О.** Юнкерские училища: В 3 т. СПб., 1876. Т.3. Приложение.

⁸ **Бобровский П.О.** Двадцатипятилетие юнкерских училищ. СПб., 1889. С. 35.

⁹ **Волков С.В.** Русский офицерский корпус. М., 1993. С.330.

¹⁰ **Зайончковский П.А.** Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903. М., 1973. С. 37.

¹¹ Если в 1869 г. военное образование имели 25,6 проц. офицеров, то в 1910 г. — 97,4 проц., в том числе 42,6 проц. окончили юнкерские училища.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГРОСУЛ Владислав Якимович —

главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва)

гаагская конференция 1899 года

Международная конференция, проходившая в столице Нидерландов Гааге с 6 мая по 17 июля 1899 года, в своё время получила значительный резонанс в правительственных и общественных кругах многих стран. Она широко освещалась в прессе. Сразу после её окончания вышел ряд специальных работ, посвящённых этому событию. Уже в 1900 году была издана на французском языке книга бельгийского участника конференции Э. Декана, а нидерландское правительство в том же году выпустило в свет четыре тома её протоколов. В 1899—1900гг. публикуют свои работы о конференции такие русские авторы, как Л.А. Комаровский, А.Н. Мандельштам, Ф.Ф. Мартенс, А.А.Рымкевич, В.М. Гессен. В дальнейшем к истории этой конференции обращались исследователи разных стран, придавшие огласке ряд неизвестных ранее её материалов. Например, солидную публикацию документов конференции осуществил в 1932 году журнал «Красный архив».

Однако при всём внимании к этому международному форуму оставалась задача подготовки специального монографического труда, где бы получил отражение комплексный подход к исследованию данной конференции на основе максимальной источниковой базы. Такая работа* была опубликована в издательстве РОССПЭН ведущим научным сотрудником Института Российской истории РАН И.С.Рыбачёнок.

Нет никакого сомнения в том, что конференция была созвана по инициативе России, прежде всего императора Николая II. Однако автор монографии не ограничилась простой констатацией этого факта и предприняла основательное исследование причин российской инициативы. Она убедительно показала, что изначально идея проведения мирной конференции начала вызревать в финансовом ведомстве. Еще в 1881 году министр финансов России Н.Х. Бунге настаивал на сокращении расходов на вооружение. Сменивший его на этом посту И.А. Вышнеградский осенью 1891 года в обращении к министру иностранных дел Н.К. Гирсу также высказывал мысль о желательности добиться соглашения о разоружении или ограничении новых вооружений (С. 21). Инициатива этих финансистов, а её поддержал затем и новый министр финансов С.Ю. Витте, не была случайной и подсказывалась сложным экономическим положением страны, а также сравнительно большими расходами на армию.

Финансисты передали свою обеспокоенность дипломатам. Если сам Н.К. Гирс не посчитал необходимым предпринять в этом отношении каких-либо активных действий, то иной была реакция другого видного дипломата — В.Н. Ламздорфа, в будущем тоже ставшего министром иностранных дел. Ещё в мае 1891 года он составил памятную записку, где намечал план действий по умиротворению. Лишь впоследствии к идее разоружения присоединились или, точнее, пришли к ней самостоятельно определённые военные круги, в частности военный министр А.Н. Куропаткин. Последний, хорошо зная об отставании страны в техническом отношении, полагал, что «с военной точки зрения приостановка вооружений выгодна России» (С. 73), хотя, как отмечено в книге, большинство военных относились к этой идее скептически (С. 46).

И.С. Рыбачёнок основательно изучила положение в стране накануне конференции и показала, что побудительными мотивами российской инициативы были не только финансовые неурядицы, но и общая международная обстановка конца XIX века. В этой связи автор монографии специально останавливается на узлах международных противоречий, приблизивших мир не только к новым локальным войнам и вооружённым конфликтам, но и к войне нового типа — мировой. Примечательны в этом отношении приведённые ею мнения некоторых российских современников, в частности видного юриста-международника Ф.Ф. Мартенса. Принимая участие в Гаагской конференции он говорил о неизбежности в складывавшейся обстановке вооружённого

столкновения (С. 16). Тем не менее Россия выступила с инициативой, и одобренная Николаем II августовская нота от 1898 года министра иностранных дел М.Н.Муравьёва с предложением созвать мирную конференцию имела довольно значительный международный резонанс. Важной особенностью рецензируемой книги является последовательное рассмотрение отношения к этой ноте в разных странах. Например, в правительственных кругах Франции она вызвала замешательство, поскольку те лелеяли мечту о возвращении Эльзаса и Лотарингии и рассчитывали на помощь России. В Австро-Венгрии к ноте весьма позитивно отнеслись общественные круги, но военные сферы отреагировали на неё негативно. Подробно остановилась И.С. Рыбачёнок и на реакции правительств других стран, показав местную специфику и планы сторон. В целом расчёт российской дипломатии оправдался и ни одна из приглашённых на конференцию держав, кроме Бразилии, где в это время происходила смена правительства, не отказалась от участия в ней.

Тогда никто не рискнул прослыть антимиротворцем, хотя в Германии, несмотря ни на что, всё равно решили увеличить численность армии мирного времени на 26,6 тыс. человек, а хорошо известный в международных кругах английский министр колоний Д.Чемберлен заявил, что самопровидение предназначило Англии «быть завоевательницей и управительницей громадных пространств земной поверхности» (С. 59, 232). Турция в это время предприняла шаги к увеличению своей армии в военное время более чем на 300 тыс. человек.

Тем не менее подготовка конференции продолжалась. Российская сторона проделала в этом отношении значительную работу и подготовила ряд внутренних материалов, сохранив таким образом инициативу. Уже 24 октября (6 ноября) того же 1898 года «Предварительный проект» программы конференции был представлен императору Николаю II. Как отмечается в книге, записки Ф.Ф.Мартенса, В.М. Гессена и некоторые другие материалы, подготовленные в Петербурге, позволили России явиться на конференцию во всеоружии (С. 115).

Существовало немало важных проблем, которые предстояло решить в канун конференции. Одной из них явилось определение места её проведения. Отнюдь не сразу была выбрана столица государства, которая устроила бы всех. Поначалу рассматривался С.-Петербург, но сам же российский МИД предложил отказаться от него и предпочесть столицу какой-нибудь небольшой европейской страны. Так возникла идея обратиться к Нидерландам, тем более что молодая королева этого государства Вильгельмина находилась в родственных связях с домом Романовых. Впоследствии Вильгельмина сыграет заметную роль в ходе самой конференции.

И.С. Рыбачёнок обратила также большое внимание на состав делегаций от разных стран, прежде всего от России. Делегации не возглавлялись первыми лицами, но имели в числе участников опытных дипломатов и военных, а также юристов-международников. Во главе российской делегации был посол России в Лондоне барон Е.Е.Стааль — старейший из русских дипломатов, которому в 1899 году исполнилось 75 лет. В её состав также входили Ф.Ф.Мартенс, В.М. Гессен и другие, в том числе и представители Военного министерства — полковники Я.Г. Жилинский и Баранцев, капитан 2 ранга, русский военно-морской агент в Париже С.П.Шейн, преподаватель юридических наук в Морском кадетском корпусе И.А. Овчинников. Российская делегация представляла также Черногорию.

В книге подробно рассмотрен и состав делегаций от других стран — участниц конференции. Так, германскую делегацию возглавил 79-летний граф Г.фонМюнстер, дипломат, последовательно бывший послом в Англии и Франции. Русские газеты представляли его антиподом Е.Е. Стааля. Что касается других членов германской делегации, то одно включение в неё профессора Мюнхенского

университета К.Ф. Штенгеля — автора брошюры «Вечный мир», в которой он высказывался против разоружения, говорило о многом. Вообще, в рецензируемой книге именно Германия предстаёт главной виновницей гонки вооружений, и по её политике было совершенно очевидно, что проблему приостановки вооружений на конференции вряд ли удастся решить. Но материалы книги свидетельствуют также и о том, что Англия в области гонки вооружений не уступала Германии и наряду с ней выступала как один из важнейших очагов международной напряженности. Не случайно газеты, комментировавшие ход конференции, подметили и отразили существование англо-германского антагонизма, объясняя его также торговым соперничеством.

Конференция открылась 6(18) мая 1899 года и продолжалась до 17(29) июля, то есть длилась десять недель, проведя 10 пленарных заседаний. Особая роль в ней России просматривалась не только в избрании президентом конференции Е.Е. Стааля, но и в том, что она руководствовалась в повседневной работе «исключительно программой, установленной циркуляром 30 декабря», — нотой русского министра иностранных дел М.Н.Муравьёва, где были изложены основные проблемы, которые предлагалось обсудить на конференции. Это было ещё одной победой русской дипломатии, заметно поднявшей престиж страны.

Сам ход конференции, её итоги являются центральными в исследовании И.С. Рыбачёнок. Заслуживает внимания подробное раскрытие технологии работы конференции, и не только в процессе пленарных заседаний, но и в ходе деятельности специальных комиссий и подкомиссий. К компетенции 1-й комиссии, разделённой на две подкомиссии, были отнесены соответственно вопросы военные и морские. Ей предстояло обсуждать 1—4-й пункты циркуляра Муравьёва. 2-я комиссия, также состоявшая из двух подкомиссий, рассматривала 5—7-й пункты, а на долю 3-й выпало изучение 8-го пункта. Кроме того, на конференции различные общественные организации ряда стран пытались поднять такие сложные политические вопросы, как польский, армянский, македонский и другие. Свои требования выдвинули также младотурки с целью проведения реформ в Османской империи. Однако вопросы политического характера были исключены из обсуждения этого международного форума.

Тщательно исследуя работу комиссий и подкомиссий, а также пленарных заседаний, автор наглядно показала борьбу интересов разных делегаций, представлявших соответствующие правительства. Она показала также, что, несмотря на проведение закрытых заседаний, отгородить их от влияния общественности, прежде всего прессы, не удалось. Как подчеркивала лондонская «Таймс», «пресса стала как бы эхом современного мирового общественного мнения» (С. 217). Кроме всего прочего конференция сопровождалась сбором подписей в поддержку мира в разных странах. А австрийское «Общество друзей мира» на своем чрезвычайном собрании приняло резолюцию, в которой выражалось пожелание участникам конференции не расходиться до тех пор, «пока ими не будут достигнуты плодотворные результаты» (С. 247).

1-я комиссия возглавлялась представителем Бельгии О. Беернаром. Две её подкомиссии были заняты проблемами усовершенствования вооружений, запретом ввода во флотах новых типов орудий и взрывчатых веществ, вообще неприменением на практике новых вооружений. По этим и другим подобного рода вопросам выявился заметный разброс мнений, и консенсуса достичь не удалось. Предложения военного и морского ведомств России о приостановке гонки вооружений не прошли, но вместе с тем комиссия признала желательность дальнейшего изучения правительствами вопроса о приостановке вооружений и, более того, рекомендовала созыв новых, связанных с этим конференций и проведение непосредственных переговоров о разоружении. В резолюции комиссии звучал призыв к ограничению военных тягот с целью улучшения «как

материального, так и нравственного благосостояния человечества». Резолюция была принята комиссией единогласно, и даже германские делегаты, особо пытавшиеся сдерживать попытки разоружения, не решились возражать против неё.

Более результативной явилась работа 2-й комиссии, первое заседание которой состоялось 11(23) мая. Её председателем был избран представитель России Ф.Ф. Мартенс. Комиссия приняла проект дополнительных правил к Женевской декларации 1864 года применительно к морской войне и проект конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (дополнительно к Брюссельской конвенции), утверждённый затем без изменений на пленарном собрании конференции.

Деятельность 3-й комиссии, которую возглавлял бывший премьер-министр Франции В.О. Буржуа, сопровождалась жаркими дебатами по поводу учреждения третейского суда с целью предотвращения вооружённых столкновений между государствами. Жёсткую позицию заняла германская сторона, выступившая против его создания. Дело дошло до того, что пришлось прервать заседание этой комиссии и послать в Берлин на встречу с немецким руководством представителей Германии Ф. Цорна и США Ф.В.Холлса. Германскому правительству пришлось пойти на уступки, хотя по его требованию в проект решения о создании третейского трибунала (суда) были внесены существенные изменения. Проект в конечном итоге был принят комиссией и представлен на пленарное заседание.

Важным вкладом в историографию стало, таким образом, детальное рассмотрение И.С. Рыбачёнок работы комиссий и подкомиссий конференции, позволяющее разобраться в позициях правительств разных стран по тем или иным вопросам. Ею также подробно проанализированы итоговые документы этого международного форума — три конвенции и три декларации. Конвенции были следующими: «О мирном решении международных столкновений»; «О законах и обычаях сухопутной войны»; «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10(22) августа 1864 года». Что касается деклараций, то они охватывали вопросы: о воспрещении метать снаряды и взрывчатые вещества с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов; о воспрещении употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространение удушающих или вредоносных газов, и о воспрещении употреблять пули, легко разворачивающиеся или сплюсывающиеся в человеческом теле (С. 163).

В день закрытия конференции её заключительный акт подписали представители всех 26 стран-участниц, а принятые ею постановления — лишь представители тех государств, которые получили к этому времени полномочия от своих правительств. Все эти документы подлежали последующей ратификации соответствующими правительствами, что было произведено в различное время. Россия, например, ратифицировала Гагскую конвенцию 6(18)мая 1900года в день рождения Николая II и в годовщину открытия конференции. Когда в декабре 1905 года была составлена справка со списком государств, ратифицировавших документы конференции, оказалось, что ряд правительств ещё не подписали те или иные конвенции или декларации (С. 187).

Особенностью рецензируемой книги является и то, что целая глава в ней посвящена отражению работы Гагской конференции, а также процесса её подготовки и результатов на страницах отечественной и зарубежной печати. В этом отношении автором проделана большая работа. Ею выделены три волны откликов, начиная с правительственного сообщения и циркуляра 12(24) августа 1898года и вплоть до конца июля следующего года. Изучены собственные комментарии русских журналистов, рассмотрено также изложение в российской печати отзывов мировой прессы. Важным источником стало привлечение автором материалов газетной экспедиции МИДа, в которых содержатся еженедельные обзоры мировой печати с приложением вырезок наиболее

важных статей. Автор, однако, допускает неточность, когда пишет о создании газетной экспедиции только в 1898 году. В действительности, эта экспедиция была организована значительно раньше и в её архиве можно ознакомиться с вырезками из иностранных газет и за предшествующие десятилетия.

Отечественная пресса оценивала итоги конференции довольно высоко, вместе с тем она не обошла молчанием и её неудачную попытку затормозить гонку вооружений. В книге отмечается, что в оценке общего значения трудов конференции в области права русские юристы были единодушны, признавая их замечательным памятником международных отношений конца XIX века. Сама И.С.Рыбачёнок подчеркивает: «С точки зрения задач, которые ставила перед собой российская дипломатия, результат конференции был попаданием в десятку» (С. 163). Несомненно, конференция для престижа России имела заметное значение. Можно сказать, что она явилась одним из самых значительных и последних успехов дореволюционной российской дипломатии, попыткой как-то сдержать гонку вооружений. Однако не удалось ни предотвратить скатывания к мировой войне, ни избежать локальных войн и вооружённых конфликтов. Конференция внесла заметный вклад в становление международного права, но само это право не стало гарантией мира и сотрудничества.

Монография И.С. Рыбачёнок заметно выходит за пределы своей вроде бы узкой темы. Она нередко даёт новые источники и заключения и по ряду других вопросов, связанных с этой темой, имеющих важное значение для понимания иных проблем и событий. При всём успехе на конференции правительства России материалы книги подтверждают высказывания многих наблюдателей о кризисе самодержавной системы. В этом отношении примечательны дневниковые записи одного из членов русской делегации Ф.Ф.Мартенса, почёрпнутые автором монографии из Архива внешней политики Российской империи. Мартенс там ругал «наши русские порядки», ту «всесветную путаницу» и «бестолковщину», которая называется «мирной конференцией», и с огорчением констатировал, что члены иностранных делегаций «замечают постоянный разлад между представителями императорского русского правительства», тогда как у делегатов других правительств «ничего подобного не замечается» (С. 144). Он по своему довольно тонко подметил приближавшийся глубокий кризис самодержавного правления, при котором сам император не желал иметь полноценное правительство, опасаясь, что оно может затмить его.

В работе И.С. Рыбачёнок можно почерпнуть и ряд других сведений, в частности, представляющих интерес для военных историков. Речь идет, например, о данных, характеризующих военный потенциал различных стран, фигурирующих также и в приложениях к книге.

К числу вопросов, не получивших отражения в книге И.С. Рыбачёнок, следует отнести ту реакцию, которую вызвала Гаагская конференция у представителей российского революционного подполья и российской политической эмиграции. А ведь именно эти силы через 17 лет получают политическую власть в стране. Мы даже не знаем, была ли вообще какая-нибудь реакция с их стороны на эту конференцию.

В целом же книга И.С. Рыбачёнок стала заметным явлением в нашей историографии и уже привлекла внимание не только специалистов по истории, дипломатии и международным отношениям, но и тех, кто проявляет профессиональный интерес к военной истории. В ней не только досконально изучены и показаны подготовка, ход и результаты Гаагской конференции 1899 года, но и дан широкий международный фон, на котором она проводилась, для чего

использованы многие новые архивные источники и привлечена многочисленная периодика, отечественная и зарубежная, равно как и литература на нескольких европейских языках.

* *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005. 391 с., ил.

НЕВЗОРОВ Борис Ильич —

полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

Воинские части, защитившие Москву

В 2007 году увидел свет справочник «Красная армия в самой крупной битве истории»*, содержащий сведения о воинских формированиях, участвовавших в Битве под Москвой. Он составлен сотрудниками Государственного музея обороны Москвы. На первый взгляд кажется, что в подобном издании нет необходимости, ведь эти сведения приведены в целом ряде отечественных публикаций. Действительно, простой подсчёт показывает, что с 30 сентября 1941 по 20 апреля 1942 года в сражениях за столицу участвовало 286 объединений, высших и основных тактических соединений (фронтов, армий, оперативных групп, корпусов и дивизий)**. Но, к сожалению, ни в одном из ранее вышедших трудов не называется общее число наименьших тактических соединений — бригад (стрелковых, морских стрелковых, воздушно-десантных, танковых, сапёрных, железнодорожных и внутренних войск НКВД), участвовавших в битве. Отсутствуют там и данные о количестве воинских частей и отдельных подразделений, защищавших Москву. А ведь, как известно, воинская часть — организационно самостоятельная тактическая и административная единица войск, содержащаяся по установленному штату. Полки, отдельные батальоны и дивизионы (за исключением местных стрелковых батальонов, медицинских, автомобильных, военно-строительных, тылового и технического обеспечения и др.) имеют Боевое Знамя воинской части.

Справочник составлен на основе официальных документов Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации — двадцати трёх Перечней наименований формирований Вооружённых Сил СССР, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Также сюда вошли сведения из сорока семи таких источников, как: постановления Государственного Комитета Обороны; документы и материалы Ставки ВГК 1941—1942 гг.; документы и материалы Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны; Боевой состав Советской Армии. Ч. I и II (июнь 1941 г. — декабрь 1942 г.) и др. Благодаря всему этому справочник можно считать особо авторитетной и надёжной базой научного исследования проблем Московской битвы.

Труд даёт не только перечни всех формирований, но и сроки их участия в битве. При этом указываются их номера, почётные награды и наименования того периода. Отдельным списком даны дивизии народного ополчения, сформированные из добровольцев. Приведены сведения о специальных формированиях, участвовавших в Битве под Москвой, но не входивших в состав фронтов и армий (внутренние и пограничные войска, железнодорожные, автотранспортные, тылового и технического обеспечения, военно-санитарной и ветеринарной служб).

В числе вышеназванных формирований есть и военно-учебные заведения. Заметим, что это очень важный момент. Дело в том, что нам хорошо известны подвиги курсантских частей двух подольских военных училищ (пехотно-пулемётного и артиллерийского), полка Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, сводного батальона курсантов окружного военно-политического училища имени В.И.Ленина, дивизиона 1-го Краснознаменного артиллерийского училища им. Л.Б.Красина и еще пяти других училищ. Но только материалы данного справочника показывают, что столицу защищали еще и части, сформированные из слушателей десяти Военных академий столицы (в период со 2 по 15 октября 1941г.) и двадцати курсов (школ) младших лейтенантов и политруков фронтов и армий.

Нам практически ничего не известно о том, где и как сражались «слушательские» части и подразделения этих академий, курсов и школ. А ведь сводный полк Военной академии им.М.В.Фрунзе, например, вёл бои на Можайском направлении, в районе Бородино — Дорохово, сводная рота курсов младших лейтенантов 33-й армии в ночном бою 2 декабря разгромила гарнизон противника в д. Головеньки (севернее Наро-Фоминска), а другая рота этих курсов не допустила выхода передового отряда врага на Киевское шоссе у пос.Рассудово. Таким образом, материалы справочника дают уже готовые темы для работы военно-научных обществ слушателей (курсантов) военных академий и университетов по ликвидации белых пятен в освещении участия в битве за столицу военно-учебных заведений.

Ещё одним достоинством справочника является его иллюстративная составляющая. Она включает: 25 различных схем организации полевых управлений объединений, соединений и частей, участвовавших в Московской битве; 64 оригинальные фотографии с характеристиками оружия, военной техники и фамилиями лиц, изображённых на них. Необходимо сказать и о целом ряде таблиц в приложениях, которые раскрывают различные стороны этой величайшей во всей мировой истории битвы. Так, одна из них (с.210), сравнивая численность и потери личного состава в крупнейших сражениях XXвека, показывает, что ни до, ни после Битвы под Москвой, ни в одном другом сражении Первой и Второй мировых войн не участвовала такая огромная масса войск. Читатель с горечью прочитает и о том, что лишь в одной Битве под Москвой погибло на полмиллиона человек больше, чем потеряли вооружённые силы США, Англии и Франции за период с 1939 по 1945год.

Справочник сообщает и о других малоизвестных фактах. Остановлюсь лишь на одном из приложений (№10, с.208, 209). В нём даны сведения о численности войск каждого из 13 наших фронтов, действовавших в полосе от Баренцова моря до Ростова-на-Дону. Они взяты из шести постановлений ГКО, устанавливавших ежемесячную численность войск Красной армии и распределение продовольственных пайков по фронтам (за период с 11 сентября 1941 по апреля 1942 г.). Цифры показывают, что в сражениях за нашу столицу ежемесячно участвовало от 1млн 250тыс. до 1млн 787тыс. человек (36,3—41,8проц. численности войск всей действующей армии).

Из содержания данного приложения можно сделать два основных вывода. Во-первых, от исхода битвы за столицу зависела судьба всей Великой Отечественной войны. Именно Москва являлась главным, определяющим объектом борьбы сторон на всём стратегическом фронте. В этой связи Советское руководство и держало основные силы Красной армии на западном направлении. Во-вторых, главная битва требовала постоянного увеличения состава её сил. К апреля 1942года численность войск Западного фронта по сравнению с 4 февраля 1942года возросла на 33тыс. 376человек, Калининского — на 86тыс. 830, Брянского — на 99тыс. 781 человек (приложение 10). Эти цифры показывают и то, что Г.К.Жукову выделили людей в 2,6раза меньше, чем И.С.Коневу и в

2,98 раза меньше, чем Я.Т.Черевиченко (Брянский фронт). И потому совершенно не соответствует действительности утверждение ряда современных авторов о том, что в Битве под Москвой наибольшее количество личного состава поступало исключительно для фронта генерала армии Г.К.Жукова. Приведенные здесь факты разоблачают хулителей полководца.

В заключение необходимо сказать, что выход в свет справочника о воинских формированиях Красной армии, участвовавших в Московской битве, стал важным событием военной историографии. Главные достоинства труда — достоверность, полнота, объективность. Его материалы дают возможность более конкретно, по таким показателям, как численность привлеченных сил и количество людских потерь сравнивать те или иные операции друг с другом. Справочник поможет современным исследователям Битвы под Москвой аргументированно разоблачать лживые концепции искажителей её истории. Также он может быть нужен учебным заведениям, редакциям периодических изданий, музеям, уголкам боевой славы и всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

* Красная армия в самой крупной битве истории: Справочник о воинских формированиях, участвовавших в Московской битве (30 сентября 1941 года — 20 апреля 1942 года). М.: Воениздат, 2007. 231 с.

** Подсчитано по: Битва под Москвой. М.: Воениздат, 1989. С.297—318; **Самсонов А.М.** Москва. 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе. М.: Моск. рабочий, 1991. С.214—235; 65 лет Московской битве. Справочник-путеводитель. М.: Патриот, 2006. С. 172—197 и др.

Половецкий Сергей Дмитриевич —

заместитель руководителя Московской службы по сохранению культурных ценностей при Департаменте культуры г.Москвы, доктор исторических наук, профессор (Москва)

ПРОБЛЕМЫ И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Книга* доктора исторических наук, профессора В.П. Сёмина, недавно вышедшая в свет, сразу получила высокую оценку специалистов-историков и широкой научной общественности. Она рекомендована научно-методическим советом по истории при Министерстве образования и науки Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов неисторических специальностей.

Замысел и форма написания книги весьма оригинальны. В ней автор ведет диалог с читателем по дискуссионным вопросам отечественной истории, охватывая период с возникновения Древней Руси и до распада СССР и образования СНГ. В труде дается авторская оценка событий прошлого России и выдающихся личностей, с ним связанных. Свою точку зрения В.П. Сёмин высказывает, основываясь на последних достижениях отечественной исторической науки.

По своей структуре книга содержит предисловие, заключение (под названием «вместо заключения») и 23 раздела, посвященные узловым, переломным, судьбоносным событиям нашей истории. Подавляющее большинство заголовков разделов поданы в виде проблемных вопросов, что стимулирует познавательную деятельность читателя, а содержание каждого раздела

позволяет вместе с автором поразмышлять о сути поставленных проблем, об альтернативных путях развития российской цивилизации.

Оригинальным является раздел «сквозного характера» «Реформы и контрреформы в русской истории: какова их судьба?». Изложение материала в нём начинается с времён Киевской Руси и заканчивается сегодняшним днем. Анализируя причины неэффективности русских реформ, в том числе и в области военной, автор предлагает рассмотреть такие из них, как консерватизм, приверженность власти, русского общества в целом отжившим формам государственного и общественного устройства.

Необходимо подчеркнуть, что рецензируемый учебно-методический труд не представляет собой, как это, к сожалению, бывает, упрощенного изложения исторического материала, ориентированного на низкую общеобразовательную и историческую подготовку студентов, ставящего своей целью просто «натаскать» студента на минимальный объем знаний. Эту книгу нельзя читать «по диагонали», поскольку в ней нет многословия, излишне затянутых фрагментов, каждое предложение выверено, несет большую информативную и смысловую нагрузку. Вместе с тем книга написана понятным для молодого читателя языком, она не перегружена терминами, доступным исключительно профессионалу-историку.

В целом усвоение знаний, содержащихся в книге, — процесс творческий, требующий значительных интеллектуальных усилий. Например, ознакомимся с первыми страницами книги, посвященными происхождению древнеславянского государства. Автор сразу предлагает читателю вместе с ним прочесть рукописные тексты древних славян, совместно дать им научную оценку, сделать логические и обоснованные выводы (с. 5—44).

Издание основано на весьма обширной источниковой базе: читатель знакомится с интересными документами, в постраничных сносках и в конце каждого раздела указывается литература, подобранная таким образом, чтобы стимулировать читателя на дальнейшее изучение отечественной истории. Весьма разнообразно представлены в книге архивные документы, многие из которых впервые стали доступны читателю.

Включены в пособие также богатые по содержанию и интересные по форме структурно-логические схемы. Например, схема, посвященная августовским событиям 1991 года и распаду СССР, содержит три крупных блока: причины краха перестройки и распада СССР, шаги к распаду, последствия распада СССР, которые в свою очередь включают четко сформулированные тезисы, отражающие суть рассматриваемой проблемы (с. 642).

В теоретическом плане весьма результативны попытки автора ознакомить студентов с такими базисными понятиями исторической науки, как «источники изучения темы», «историография проблемы» и др.

Особо отметим, что значительное место в книге уделено вопросам военной истории нашего Отечества.

Получила в издании краткое, но ёмкое освещение и Отечественная война 1812 года. В этой связи интересна, например, оценка деятельности Александра I. Вопреки господствующему до настоящего времени мнению о нем, как о слабом и нерешительном политике, автор в контексте излагаемых событий войны оценивает личность этого российского императора достаточно высоко и позитивно (с.207).

С самого начала рассказа о событиях Первой мировой войны автор знакомит читателя с источниками её изучения и историографией проблемы. Интересно и во многом по-новому проанализирована в книге политика ведущих держав Европы по развязыванию этой войны, рассмотрены взаимоотношения в ходе её между европейскими государствами, освещены проблемы войны и мира в политике Временного правительства, проанализированы причины выхода России из войны. Подводя итоги этому разделу, профессор В.П.Сёмин обоснованно замечает, что Первая мировая война посеяла зерна будущих международных конфликтов, которые проросли кровавыми столкновениями уже в наше время, например в Югославии в 1990-х годах (с.389—393).

В разделе, посвященном «зимней войне», под названием «Что привело к Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.? Была ли она неизбежна?» рассматриваются отношения СССР и Финляндии накануне её, анализируются ход и итоги войны. В качестве вывода автор справедливо указывает, что главная стратегическая цель, поставленная советским руководством, — обезопасить свой северо-восточный фланг была достигнута, а для действий наших войск в случае будущей войны создавались более благоприятные условия, значительно улучшилось положение Ленинграда, повысилась его безопасность как с суши, так и со стороны моря.

Следует остановиться также на оценке действий Н.С.Хрущёва в области военного строительства на рубеже 50—60-х годов прошлого столетия. Как известно, ряд историков оценивает эту сторону его государственной деятельности однозначно негативно**.

В.П. Сёмин обоснованно обращает внимание на то, что Н.С.Хрущёв понимал: экономически СССР еще долго не сравняется с США, поэтому гонка вооружений приведёт нашу страну к экономическому краху. Советский лидер считал, что необходимо было отказаться от попыток гнаться за американцами в военно-морских силах, авиации, танках, тактических ядерных силах. В подтверждение позиции Н.С. Хрущёва автор приводит такие его слова: «Военные расходы — это бездна, в которой понапрасну пропадают ресурсы» (с.586—587). Благодаря политике Н.С.Хрущёва прекратилось разорительное строительство надводного Военно-морского флота, сократились авиация и артиллерия, началось резкое уменьшение производства танков. В.П.Сёмин подчеркивает, что Н.С.Хрущёв обоснованно полагал, что сэкономленные миллиарды должны пойти на развитие экономики. Естественно, что такая политика не нашла понимания у военных, которые во многом препятствовали проведению разоружения.

Военная проблематика, по сути, пронизывает все содержание книги. И это совершенно обоснованно, поскольку история России — это во многом история вооруженной борьбы ее народов против иноземных захватчиков, самозванцев, за свободу и независимость, это история ее армии и флота, проводимых в стране военных реформ.

К данной тематике вплотную примыкают и вопросы, связанные с вооруженной борьбой классов и социальных групп внутри государства. Именно этому аспекту нашей истории посвящён раздел книги под названием «Крестьянские войны в истории России: что это — русский бунт или гражданская война?» (с. 128—145).

Вызывает большое уважение активная гражданская позиция В.П.Сёмина. Так, в заключении своего труда он обращается к молодому поколению, призывает его мыслить масштабами российской истории. Автор совершенно обоснованно подчеркивает, что героическая история России не нуждается в улучшателях, адвокатах и лакировщиках, а потенциал познавательного и воспитательного воздействия исторической науки сегодня, как никогда, важно направить на

формирование мировоззрения и образа действий россиянина, соответствующих нашей поистине переломной эпохе. И с этим нельзя не согласиться (с. 646).

Думается, что научно-методический труд В.П. Сёмина займёт достойное место в ряду наиболее удачных учебных пособий для студентов высших учебных заведений, а также будет весьма полезен широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

* **Сёмин В.П.** Русская история: проблемы и спорные вопросы: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007. 653 с.

** См., например: **Емельянов Ю.В.** Хрущёв. Смутьян в Кремле. М.: Вече, 2005. С. 126, 127.

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

на службе империи

5 ДЕКАБРЯ (23 ноября) 1846 года в Дагестане (Аварский округ) родился Максуд Алиханов-Аварский. После окончания Константиновского военного училища по 1-му разряду в 1864 году произведен в корнеты; служил в гусарском Сумском полку; затем офицером для особых поручений при главнокомандующем Кавказской армией, участвовал в Хивинском походе, после которого за отличия получил чин майора и орден Св. Станислава 2-й степени с мечами. Возвратившись в 1873 году на Кавказ, он через два года был командирован в Красноводск для участия в рекогносцировочном походе Узбойского отряда, в котором сначала исполнял должность офицера Генерального штаба, а затем был назначен начальником 8-й колонны, занимавшейся исследованием старого русла Амударьи.

Хорошо начатая служебная карьера неожиданно прервалась, когда в 1877 году Алиханов, крупно повздорив со своим ближайшим начальником, вызвал его на дуэль и убил, за что был разжалован в рядовые, с лишением чинов и орденов, и направлен в 18-й драгунский Переяславский полк, в составе которого принял участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Здесь он снова отличился в боях и был произведен в унтер-офицеры. В 1879 году М. Алиханов принял участие в Ахалтекинской экспедиции, снова показал выдающуюся храбрость и в 1880 году произведен в прапорщики. Командировка для рекогносцировки Мерва в 1882 году позволила ему за отличия последовательно получить чины поручика и штабс-ротмистра.

С именем Алиханова тесно связано присоединение к России Мервского оазиса мирным путем. В феврале 1884 года от представителей мервских текинцев в Ашхабаде в доме начальника области генерала Комарова была принята от мервского народа депутация, принеся письменную просьбу о принятии его в подданство Белого Царя. Алиханов был назначен начальником Мервского отряда и получил утраченные по суду чин майора и боевые ордена. Несмотря на старания англичан противодействовать результатам совершившегося факта, не только Мерв, но и присоединенные после него области, остались за Россией.

В январе 1885 года генерал Комаров получил приказание особым отрядом отеснить афганские разъезды на линию р. Кушки. Выдвинутый им вперед отряд к середине марта дошел до укрепления Ак-Тепе, при впадении Кушки в Мургаб. Здесь и произошел бой, закончившийся полным разгромом афганского отряда. Алиханов уже в чине подполковника успешно командовал

в этом бою конницей и был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. В 1898 году Алиханов был произведен в полковники, в 1901-м — в генерал-майоры.

В 1905 году Алиханов был назначен военным губернатором Кутаисской области, не раз подвергался нападению со стороны революционных террористов, в 1906 году был тяжело ранен бомбой. Оправившись от ранения. Алиханов принял в командование 2-ю Кавказскую казачью дивизию и получил чин генерал-лейтенанта. Однако революционеры не простили Алиханову его жесткие меры по наведению порядка: в июле 1907 года в г. Александрополь он был убит на Бобутовской улице вместе с сыном, возвращаясь в экипаже из офицерского собрания Кабардинского полка.

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ТУЧКОВ МЛАДШИЙ

7 апреля* 1803 года в Москве в старой дворянской семье родился Павел Алексеевич Тучков, которого в отличие от его полного тезки 1770 года рождения звали Тучков младший. В 1817 году он окончил училище колонновожатых, 10 декабря 1819 года за отличие получил звание подпоручика, а 29 марта 1825 года — штабс-капитана. В том же году был прикомандирован к гвардейскому корпусу, сопровождал из Таганрога до Москвы тело Александра I. 22 августа 1827 года, за три месяца до объявления Турцией войны России, получил звание капитана. Участвовал в осаде Браилова, в боях за переправу через Дунай, других боевых действиях. 14 ноября 1828 года за отличие произведен в полковники. В 1831 году участвовал в боях против польских повстанцев, затем исполнял обязанности начальника штаба Гренадерского корпуса. 1 августа 1836 года произведен в генерал-майоры, а в декабре 1840-го уволен из армии по болезни. Однако с вооружёнными силами не порвал, в декабре 1843 года был назначен директором Военно-топографического депо, 11 апреля 1848 года получил чин генерал-лейтенанта и, оставаясь в кадрах Генерального штаба, выполнял ряд ответственных поручений. 17 апреля 1859 года пожалован в генерал-адъютанты, а 8 сентября получил звание генерала от инфантерии. В 1859—1864 гг. П.А. Тучков Младший — московский военный генерал-губернатор, с 23 апреля 1861 года — член Государственного совета. Имел ряд орденов и медалей, последняя награда — орден Святого Владимира 1-й степени. Умер 21 января 1864 года, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

* 29 апреля по новому стилю. Далее все даты приводятся по старому стилю.

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Е.И. АЛЕКСЕЕВ — ОТ ГАРДЕМАРИНА ДО НАМЕСТНИКА

11 мая 1843 года* в Севастополе в семье потомственного дворянина отставного капитан-лейтенанта Черноморского гребного флота Ивана Максимовича Алексева родился третий ребёнок, которого назвали Евгением**. 20 августа 1856 года мальчик был определён в Морской кадетский корпус, в 1863 году вышел из него гардемарин и был назначен в 4-й флотский экипаж. С мая 1863 по июль 1867 года получал морскую выучку и закалку в кругосветном плавании на корвете «Варяг». На корабле ему присвоили звание мичмана, а сразу же по возвращении — лейтенанта. После 6-месячного отдыха длительное время плавал в Средиземном море в разных должностях на клипах «Яхонт» и «Жемчуг», фрегатах «Князь Пожарский», «Светлана», корвете «Аскольд». На «Светлане», которой командовал великий князь Алексей Александрович (с 15 мая 1883 года генерал-адмирал) в 1875—1877 гг. дважды совершил поход по Атлантическому океану. 1 января 1877 года Евгений Иванович Алексеев получил чин капитан-лейтенанта, 15 мая 1883-го — капитана 2 ранга, 13 апреля 1886-го — капитана 1 ранга.

В эти годы Е.И.Алексеев совершал плавания в США и Францию, командовал крейсерами «Африка» и «Адмирал Корнилов». 1 января 1892 года по получении чина контр-адмирала он был назначен помощником начальника Главного морского штаба. Во время отъезда последнего из столицы исполнял его обязанности. 1 января 1895 года Е.И.Алексеев, назначенный начальником эскадры в Тихом океане, совершил заграничное плавание, 13 апреля 1897 года получил чин вице-адмирала и занял должность старшего флагмана Черноморской флотской дивизии, а 19 августа 1899 года стал главным начальником и командующим Квантунской области и морскими силами в Тихом океане, участвовал в кампании 1900 года против китайских повстанцев. 6 мая 1901 года, Е.И. Алексееву был пожалован в генерал-адъютанты, 6 апреля 1903-го получил звание адмирала.

Е.И. Алексеев пользовался большим влиянием при дворе. 30 июля 1903 года был назначен наместником царя на Дальнем Востоке с подчинением Приамурского края, Забайкальской области, Маньчжурии и Квантунской области. 28 января 1904 года получил права главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами на Дальневосточном театре военных действий, 20 апреля 1904 года лично возглавил отражение атаки японских брандеров, пытавшихся преградить вход в Порт-Артур с моря. Е.И.Алексееву вменяется в вину, что он, обладая всей полнотой власти на Дальнем Востоке, не сумел подготовить флот и армию к войне с Японией, хотя вряд ли это правомерно: проведший, можно сказать, всю жизнь на боевых кораблях, адмирал не был ни политиком, ни полководцем. После ряда военных неудач, в частности поражения русских войск на реке Шахэ в октябре 1904 года, подал прошение об отставке с должности главнокома, что и было удовлетворено 10 октября 1904 года, а с упразднением наместничества 8 июня 1905 года был освобожден и от этой должности с назначением членом Государственного совета. Во время Первой мировой войны посещал госпитали, 21 апреля 1917 года с военной службы уволен, а через месяц — и из Госсовета. Был награжден многими как российскими, так и зарубежными орденами и медалями, последняя награда — орден Святого Владимира 1-й степени (6 декабря 1915 г.). Являлся действительным членом Русского географического общества и Общества востоковедения. Умер в Ялте 27 мая 1917 года***, где и похоронен. Семей Евгений Иванович не обзавёлся, недвижимой собственности не имел.

* По новому стилю — 23 мая. Далее все даты приводятся по старому стилю.

** Имеются сведения, что он являлся внебрачным сыном Александра II, следовательно, братом Александра III.

*** Эту дату приводят Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин в своём справочнике «Члены Государственного совета Российской Империи. 1801—1906». СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 19. В других источниках датой смерти считается 1918 г.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: Дмитриева Ольга Руслановна —

литературный редактор издательского дома «Венето» (Москва)

АПРЕЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 апреля 1943 года в составе 303-й авиадивизии (генерал-майор Г.Н. Захаров) 1-й воздушной армии Западного фронта получила боевое крещение авиаэскадрилья «Нормандия», состоявшая из французских летчиков.

1 апреля 1958 года, 50 лет назад, на авиазаводе № 1 в г. Куйбышеве (впоследствии завод «Прогресс») создан опытно-серийный конструкторский отдел (Д.И. Козлов) для запуска в серию боевой МБР Р-7, разработанной ОКБ С.П. Королёва

5 апреля 1918 года высадкой во Владивостоке японского и английского десантов началась военная интервенция против Советской республики на Дальнем Востоке.

6 апреля 1945 года началась Кёнигсбергская операция, проведённая силами 3-го Белорусского фронта (Маршал Советского Союза А.М. Василевский) в ходе Восточно-Прусской операции с целью ликвидировать кёнигсбергскую группировку противника и овладеть городом. Завершилась 9 апреля.

10 апреля 1918 года родился И.И. Пстыго (д. Суховоды, Башкирия), маршал авиации, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР.

16 апреля 1968 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление о разработке основного танка Т-64 с газотурбинным двигателем. В 1976 году танк был принят на вооружение под обозначением Т-80. Серийно строился на Кировском заводе в 1976—1978 гг.

17 апреля 1943 года – начало воздушных сражений над Кубанью, которые велись до июня 1943 года авиацией Северо-Кавказского фронта, усиленной тремя авиационными корпусами Резерва ВГК и частью сил авиации Черноморского флота под руководством К.А. Вершинина. В результате сражений противник потерял свыше 1100 самолетов, более 800 были сбиты в воздушных боях.

19 апреля 1783 года, 225 лет назад, подписан рескрипт Екатерины II, уведомляющий Европу о том, что «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся кубанская сторона приняты под державу Всероссийскую».

19 апреля 1943 года постановлением СНК СССР № 415-138 Управление особых отделов из состава НКВД передано в состав НКО, где на его базе организовано Главное управление контрразведки «Смерш» (начальник В.С. Абакумов).

22 апреля 1918 года ВЦИК принял декрет об обязательном обучении всех трудящихся военному делу и утвердил «формулу торжественного обещания» воинов Красной армии, которую должен был давать каждый вступающий в РККА — первый единый текст советской военной присяги.

25 апреля 1918 года начато формирование ПВО Москвы. Приказом № 01 руководителя Московского района обороны М.Н. Тухачевского создан отряд воздушно-артиллерийской обороны — 308 человек, 35 самолетов, 4 противосамолётные батареи, 6 прожекторных станций, 6 пулеметных команд (начальник ПВО Москвы — Н.М. Энден).

26 апреля 1828 года началась Русско-турецкая война 1828—1829 гг. В результате побед русского оружия на территории Дунайских княжеств и на Кавказе турки были вынуждены начать мирные переговоры, завершившиеся в 1829 году подписанием Адрианопольского мирного договора.

30 апреля 1945 года в 22 часа 40 минут над Рейстагом сержантом М.П. Мининым было водружено Знамя Победы. Сержант входил в штурмовую группу разведчиков-артиллеристов капитана В.Н. Макова, которая при штурме первой ворвалась в здание германского парламента.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Костоусов Николай Степанович —

доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Уральского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук (г. Екатеринбург)

Жихарев Александр Владимирович —

руководитель проекта «Стяги России» (г. Екатеринбург)

патриотический проект «стяги россии»

В силу обстоятельств, вызванных историческими процессами XX века — революционными событиями и Гражданской войной, в зарубежные пределы в потоке военной и политической эмиграции попали многие предметы, представляющие культурную и историческую ценность для России. Некоторые из них лишь через десятилетия вернулись на Родину в виде экспонатов частных или государственных собраний, другие же стали постоянной принадлежностью музейных вернисажей во многих уголках мира.

В числе вывезенных из страны оказались знамена кадетских корпусов, частей и соединений русской армии и флота. Точные данные о количестве таких святынь пока не установлены, но поисковая работа не прекращается ни на один день.

Боевые стяги — это символ чести, доблести и славы России. Невзирая на политические переломы в судьбе нашего Отечества, отношение к знаменам было и останется непререкаемым. Полотнища, под которыми российское воинство побеждало врага и билось насмерть за победу, — священны для каждого нашего соотечественника. И в этом смысле негативное отношение к советским флагам со стороны иных политиков и исследователей, конечно же, ошибочно.

Запечатленные в крое, цвете и символике знамен особенности государственного строя не могут умалить достоинств солдат, отдавших жизнь за Россию и братские народы, отстаивая их от посягательств и порабощения. Эти достоинства у защитников нашей Родины неизменны, они традиционно переходят из поколения в поколение (от дедов к отцам, от отцов к сыновьям) в качестве особенного нравственного смысла и миропонимания. Поэтому красные боевые знамена в стране, победившей фашизм ценой величайших жертв, достойны искреннего почитания и вечного хранения наравне с другими святынями.

В этой связи общественным объединением выпускников суворовских, нахимовских военных училищ и кадетских корпусов осуществляется международная общественная программа «Стяги России», стратегическая цель которой — возвращение в пределы Отечества боевых знамен, знаков воинской доблести и славы русской армии и флота, символ героической истории народа и государства Российского. Эта программа представляет собой один из ключевых проектов и в деятельности кадетских объединений на Урале. С апреля 2004 года работы по ней ведутся на базе Межрегиональной общественной организации «Союз кадет Урала» и Екатеринбургского суворовско-нахимовского клуба.

На сегодняшний день рабочие материалы проекта представляются органам государственной власти, общественности, кадетским, суворовско-нахимовским объединениям в России и за рубежом, духовенству Русской православной церкви Московского патриархата.

Кадеты Урала, искренне убеждены в том, что боевые стяги русской армии и флота, знаки их воинской доблести оставаться на чужбине, где они хранятся уже многие годы, более не должны. Как неотъемлемая часть исторического монолита России, его особый стержень и смысл, боевые знамена, овеянные славой на полях сражений, не могут быть предметами аукционных распродаж и спекуляций. Возвращение их в Россию, помимо того, всецело связано со стремлением российского общества к стабильности и процветанию, с сохранением традиций нравственного отношения к Родине, истокам ее могущества и славы.

Кадеты не единственные в российском обществе, кто считает возвращение русских знамен необходимым. Для многих на Родине и за рубежом восстановление ценностей, укрепляющих фундамент общественного развития, возврат из забвения фактов истории, вызывающих чувство гордости за Россию и ее величие, — это объективный процесс, направленный на преодоление фальсификаций, принижающих достоинство нашей страны и ее возможности. Особой важностью проекта «Стяги России» является то, что, имея общественный статус, он направлен на достижение целей, созвучных с целями Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2000—2010 годы».

В России жизнь возвращенных знамен должна быть продолжена, но не только в качестве музейных экспонатов. Некоторые стяги могут быть установлены на вечное, открытое для посетителей мемориальное хранение в памятных исторических местах, другие — стать почетными штандартами в действующей армии: в частях, военных учебных заведениях, достойных такой чести, имеющих историческую воинскую преемственность, или во вновь создаваемых воинских формированиях, кадетских корпусах, военных училищах и академиях. В этих целях может возникнуть необходимость совершенствования правовых основ, определяющих статус военно-исторических боевых знамен в государстве.